ISSN 0131—0097

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 51 (3309)
15 — 22 декабря

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Плакат Олега ГРАЧЕВА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на 1991 год — 46 руб. 80 коп., на полгода — 23 руб. 40 коп., на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу с 1991 года — 1 рубль.

Сдано в набор 26.11.90. Подписано к печати 11.12.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 3065. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

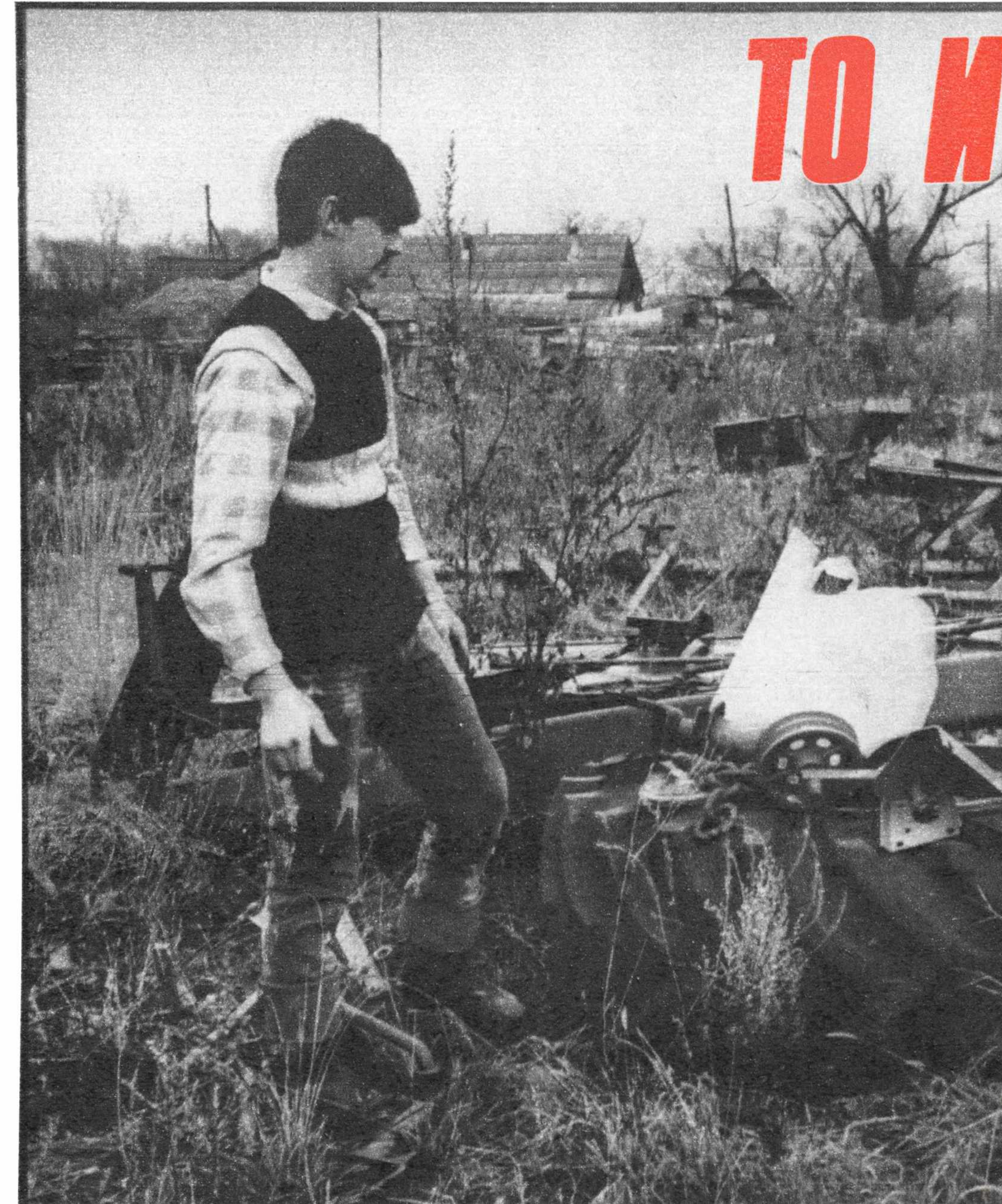
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЧТО ПОСЕЕМ,

ТО И

ОКНО НАДЕЖДЫ

Свершилось... Внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР принял акт, устанавливающий частную собственность на землю наравне с другими видами собственности — государственной, колхозной, кооперативной. Теперь предстоит возродить 50 тысяч российских деревень, сделать, по существу, крестьянина фигурой, определяющей судьбу России. Наконец-то сбылась мечта миллионов людей, чьи руки тоскуют по земле. В их числе и герои этого очерка.

Историческое событие произошло в понедельник, 3 декабря, 1990 года в 17 часов 45 минут по московскому времени. Запомним эти минуты!

Юрий ГОВОРУХИН

Очередь за хлебом в саратовском селе Студеновка. Народ в основном пожилой, но стоят и молодки, и матерые мужики. Разговор заходит о внеочередном Съезде народных депутатов России, который «в Москве по телевизору крестьянскую землю делит».

— Кто ж даст землей распорядиться самому? — говорит мужчина лет сорока, кряжистый, с лицом обветренным и грубоватым, едкий юморок в глазах.— В райцентре начальства — что мух в коровнике. И все возле колхоза кормятся. Тут оно что хочет, то и творит. Райком, райисполком, конторы всякие — мне одному с ними не сладить. Мне тут в деревне танк нужен, а не земля.

— Тоже — затеяли: землю брать в частное владение. Зачем? — вопрошает бойкая старуха.— Вон она, земля,— коси, паси сколько надо. Да и в совхозе проще — меньше забот.

— Это точно! — ехидно подтверждает девка в теплом, ажурной вязки платке.— Щас землю возьмешь — за трактор плати, за бензин плати, налоги всякие придумают — опять плати. А так — все, кому не лень, колхозным добром пользуются, и ни за что платить не надо. Работяги гробят технику на калымах и тащат все, что плохо лежит, а начальство опять же крадет...

Загалдели:

— Порядка нету! Народ избаловался!

— У шоферов теперь по два, а то и по три грузовика стоят около дома — в полном распоряжении. Утром такой возьмет путевку, а сам куда хочет, туда и едет. А то вообще не едет — спит.

— Кто ж землю возьмет нынче... Нам, старикам, не под силу, а вы, молодые, ленивые, на ваших огородах картошку в траве не видно. Коров доить не умеете, потому и не держите. Иным матери-старухи молочко на дом приносят — для внуков. А чтоб самим с буренкой возиться — нипочем не хотят...— А сколько раз мужика по рукам били? Потому он к земле и не тянется. Привык: все вокруг колхозное, все вокруг ничейное... А раз ничейное, значит, никчемное.

— А сама деревня? Половина дураков и пьяниц, остальные — пенсионеры...

— Хватит вам при постороннем человеке себя оговаривать! — И все взгляды — в мою сторону.— Лишь бы хлеба привезли. Картошка есть. Чего еще? Жить можно!

Вот, значит, как... Я вздохнул и пошел к дому Василия Федоровича Пряничникова, первого тутошнего фермера, десантировавшегося сюда из города. Из местных-то взять землю никто пока не решился. А ведь, казалось бы, куда деваться от плачевного итога колхозно-совхозного бытия? Некогда житница Поволжья, гнавшая по великой русской реке баржи со знаменитой крупчаткой собственного помола, Саратовская губерния превратилась в захиревшую глубинку России, не построившую за долгие советские годы ни приличных дорог, ни красивых сел. И вот вроде бы дают деревне шанс. Закон о земле принимают, а она не встрепенулась. Почему?

— Униженной и ограбленной деревне страшно конфликтовать с непосредственным начальством,— так ответил на мой вопрос Василий Федорович Пряничников. Он, что называется, родился на асфальте, учился в Саратове, женат, двое детей, образование высшее, работал в институте... Казалось бы, ну что человеку надо? И вдруг крутой поворот — в Студеновке построил дом, взял 48 гектаров земли, в минувшем сезоне выращивал на них картошку и овощи.— Ведь тут, в деревне, все от начальника зависит: захочет он — даст покос, дрова, комбикорм для скотины, мяса на свадьбу... А захочет — не даст. Наша нищета поддерживает рабство. А рабство — нищету!

К счастью, в здешнем колхозе «50 лет Октября» председатель хороший, толковый и дельный — Александр Иванович Прялин. Сказал: «Стройтесь!» И не одному Пряничникову, но и двум другим горожанам-компаньонам — Юрию Петровичу Пластинину и Геннадию Александровичу Ермачкову.

— Для нас это уже вторая попытка стать крестьянами,— рассказывает Юрий Пластинин.— Я по профессии рабочий-стекловар, а Гена — инженер-конструктор. Еще в прошлом году мы ушли со своих предприятий и взялись за аренду в колхозе «Восход» Лысогорского района. Однако там у нас ничего не получилось — хозяйство слабое, бестолковое, недаром его в народе называют «колхоз «Расход». Там и сами жить не умеют, и другим не дают. Короче, развалилась наша арендная бригада из-за скандалов с начальством. И тогда мы после долгих поисков вышли на здешний колхоз «50 лет Октября»...

Люди эти по душевному строю и наклонностям оказались настоящими крестьянами, они пошли на материальные издержки, трудности, даже нужду, оставили городские удобства ради одного — чтобы Студеновка стала родиной их детей и внуков. И нет, по-моему, никаких резонов мешать таким устремлениям.

Но все-таки что же сами деревен-

ские? Находятся и среди них рисковые люди, в их числе и Виктор Степанович Шевцов. Написал он заявление: «Прошу уволить меня из совхоза «Нива», так как я становлюсь единоличником...» Решением Лысогорского райсовета ему выделили 15 гектаров, на которых он выращивал картофель.

— Я за то, чтобы таких Шевцовых становилось больше,— говорит директор «Нивы» Иван Васильевич Чуев.— Но он пока один у нас на всю округу, и замечу — в нашем селе Ключи все триста дворов с недоверием смотрят на земляка. Почему? С момента образования хозяйства — с 1970 года — тут перебывало уже восемь директоров, и каждый руководил, как умел и хотел. Я, девятый директор, работаю здесь третий сезон, и мы начали потихоньку вставать на ноги, получили нынче небольшую прибыль... Но не скоро, нет, не скоро поднимут голову эти люди. Они просто парализованы недоверием ко всему, что творится вокруг.

— И как же быть?

— Я из тех, кто верит в свободного крестьянина-единоличника,— доверительно говорит Чуев.— Но в одиночку он с дураками не совладает. Ох и много же их у нас! И потому нужно массовое обособление крестьян, такое, например, как в совхозе «Ширококарамышский».

— А что там сделали?

— Там целое отделение, находящееся в селе Белое Озеро, взбунтовалось и вышло из состава совхоза, стало арендным предприятием, а позже преобразуется в артель крестьянских хозяйств.

Колхоз фермеров? Это интересно! И я поехал в Белое Озеро.

— Веришь ли, нагонялся я за четырнадцать лет, будучи управляющим,— размышлял в беседе со мной 53-летний Александр Яковлевич Цуканов. Вся его жизнь прошла в Белом Озере, был тут и механизатором. Награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции. И вот такой человек в прошлом году бросил начальственную должность и пошел обычным трактористом в родственное «ядро-бригаду» фермеров Ивана Петровича Гресева.— Работал я раньше вроде бы рядом с домом, а дома-то и не жил, только ходил с утра до вечера за людьми, да все уговаривал или допрашивал: «Матрена, ты еще коров не доила? Так поди подои!», «А ты, Иван, колесо-то поменял? Так поди поменяй!» Хватит! Надоело. Хочу доработать до своих шестидесяти без кнута в руках и второго языка — матерного. Доработать на интересе и крепком рубле. Скажу — только сейчас человеком себя начинаю чувствовать.

С чего же все началось тут, в Белом Озере?

«Для спасения сельского хозяйства требуются: невестки да зятья, да сват, да брат и прочая родня!» — так сформулировал свою программу Иван Петрович Гресев и начал агитацию в селе за отделение от совхоза «Ширококарамышский». Это может показаться совсем необычным, если принять во внимание, что раньше сам Гресев был директором хозяйства. И вот, передав бразды другому руководителю, он возглавил кампанию за то, чтобы всей деревней взять у совхоза в аренду ферму, технику и близлежащие поля.

На первый взгляд идея показалась сумасбродной: основных средств тут на миллион 700 тысяч рублей, да еще 25 тракторов и комбайнов, да коров 240, да почти 4,5 тысячи гектаров пашни... А работоспособных с 80 дворов едва наберется 50 человек. Но у Гресева была своя арифметика. Значит, так, у него тут двое сыновей, да невестка, да сват... И есть тут еще 25-летний агроном, бригадир толковый, знающий и работящий Володя Гоферберг, а у него, в свою очередь, старший и младший братаны, а двоюродных братьев, дядьев и теток — больше дюжины. И другие в Белом Озере почти все родственники. Да при такой семейственности они горы свернут! Работать-то будут на себя!

Как? А так. Раньше отделение было «дойной коровой» совхоза, половину годовой прибыли давали, но ничего от этого не имели, деньги шли в общий котел, тратила их по своему усмотрению центральная усадьба. Приходилось идти туда с протянутой рукой, клянчить: «Дайте!» да «Подайте!». А что, если отделенческое имущество арендовать у хозяйства с правом выкупа? За свои деньги они смогут строить и ремонтировать жилье, газифицировать дома, это и станет платой за основные фонды. Допустим, построили они клуб, значит, из стоимости основных средств «минус» 200 тысяч рублей. Так и рассчитаются с совхозом соцкультбытом, пока всю технику, поля, ферму не выкупят у него. А уж как выкупят, тогда все, в том числе и землю, поделят между собой и превратятся в собственников-единоличников.

Идея в конце концов народу понравилась, но от совхоза отделялись «с войной», борьба была жестокой, спасибо в районе нашлись умные люди — помогли...

— Итак, я стал председателем правления арендного предприятия, а Иван Гресев — моим заместителем, а точнее — исполнительным директором,— разъяснял мне Володя Гоферберг.— Сейчас мы представляем собой как бы мини-колхоз — сами себе хозяева, сами себя кормим. У нас на банковском счету есть пара сотен тысяч рублей — набежало за молоко, да еще мы забрали у совхоза часть своего арендного дохода за прошлый год. Цель — стать ассоциацией крестьянских хозяйств. И тут совершенно необходимы родственные ячейки, «ядра», потому что люди предпочитают брать не по 15 гектаров и не по две коровы на каждую семью, а стогектарные поля и по 20—30 коров на несколько семей. Сообща-то, когда все на пупке делать приходится, легче работать с землей и скотом.

Пример родственного «ядра», работающего на собственный карман, подали те же Гресевы, Иван Петрович, его сыновья Александр и Леонид, сват Александр Яковлевич Цуканов, да еще Анатолий Кузьмин. Они выделились на особицу, взяли 500 гектаров и заключили договор с арендным предприятием Белого Озера на продажу ему пшеницы, подсолнечника и проса.

В свою очередь, все Белое Озеро приняло на нынешний год госзаказ и выполнило его. А что сверх госзаказа, реализовало по договорным ценам.

— Ну и чувствуется, что вы стали собственниками? — спрашиваю Гоферберга.

— Еще как! Раньше мне говорили: «Твои, бригадир, корма, твои коровы...» И зарплату с меня спрашивали. А теперь говорят: «Ты купил концкорма для моих коров? Когда привезут запчасти для моего трактора?» И зарплату считают лучше меня.

Ожившая в людях деловая жилка дала о себе знать и тогда, когда попытались раздать коров с фермы по дворам. «Задоенных» буренок с продуктивностью две тысячи килограммов молока в год никто ставить в свой хлев не захотел: «Зачем сено зря переводить? Давайте пока раздадим только самых молочных, остальных отправим на мясокомбинат, купим хороший скот и уж тогда разведем его по дворам».

Что значит свое! Мудра все-таки двойственная натура крестьянина: он труженик, но он же и собственник, хозяин земли и плодов ее!

Сложностей, конечно, немало, ведь окружены эти люди системой, в которую с трудом вписываются предприимчивость, экономическая рациональность и здравый смысл. Возникают проблемы с транспортом, с вывозкой молока и мяса, заготовители сами к ним не едут, а обидевшийся на взбунтовавшееся отделение совхоз помогает плохо. Но колхоз фермеров крутится, не сдается. Люди здесь говорят: «Хватит нам бегать, как собакам, по чужим командам! Попробуем жить своей головой».

Расчет не только на собственные силы. Наиболее решительных саратовских крестьян взяла под свою опеку областная ассоциация сельских кооперативов, арендаторов и единоличных хозяйств с хорошим названием «Возрождение».

Штаб-квартира «Возрождения» — комната в доме № 12 по улице Шехурдина на окраине Саратова. Здесь шесть специалистов-консультантов бойко и расторопно справляются со своими обязанностями: регистрируют новых членов ассоциации, разъясняют — кому и как выделяют землю, урезонивают строптивых начальников и защищают интересы своих клиентов, посредничают в сделках, покупают и продают, договариваются и торгуются. Никто их сюда не назначал, за руку не тащил, собрались вместе они по убеждениям и на конкурсной основе. Потому что тут требуются серьезные профессионалы, «зубры», способные постоять за себя и за других. Иначе и быть не может: все строится на деловой хватке, любой просчет способен обернуться потерей молодого, давшегося немалыми трудами авторитета, убытками, а то и банкротством.

— Год как мы существуем, но уже кое-что сделали,— весьма сдержанно оценил деятельность «Возрождения» исполнительный директор ассоциации Анатолий Николаевич Мусихин.— Только за последний месяц тридцать человек получили землю в хозяйствах области.

Он юрист, работал и в прокуратуре, и в арбитраже, вращался, так сказать, в сферах, приобретенный опыт позволяет ему не пасовать перед грозными укоротами, умело отбивать атаки бюрократов. В «Возрождении» не стали ждать республиканских документов, а засучили рукава и сами подготовили «Временные рекомендации» о том, как ходатаю получить землю.

— Сейчас вся деревня прилепилась к телевизорам, следит, отдаст внеочередной российский съезд депутатов крестьянам землю по-настоящему, с правом продажи, или опять, как союзный парламент, нашпигует Закон «кусочками социализма»,— рассуждает Мусихин.— А возможности у нас большие — мы выяснили, что саратовские колхозы и совхозы способны безболезненно для себя передать в единоличное пользование почти 100 тысяч гектаров.

— А возьмут? Деревня землю берет плохо.

— А вы дайте ее! Дайте так, чтобы крестьянин поверил. Ведь деревенский человек, как никто, живет по Жванецкому: в то, что отберут, ужесточат, цены повысят — верю, а вот что дадут — не верю!

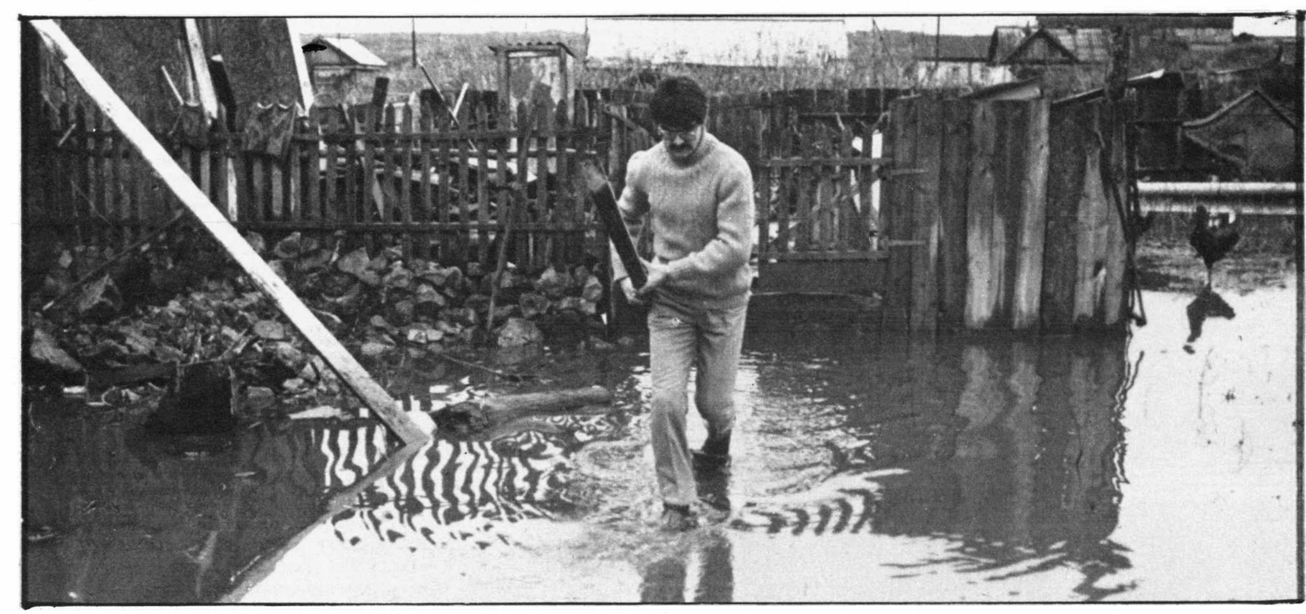
Да, идет непрекращающаяся борьба. В Новобурасском районе, к примеру, Николай Иванович Каменсков вроде бы договорился с родным колхозом «Смычка»: пять гектаров будут его, если он приведет их в порядок, расчистит и заправит навозом. Так он и сделал. А ему — «дулю» показали, не отдали окультуренное поле. «Нам самим нужно!» — вот и все. Позже обманутому крестьянину предложили другой участок, мол, уж он-то наверняка будет твой, если приведешь его в божеский вид...

Предрассудков, враждебности хватает. Один секретарь райкома весьма прямолинейно выразил мысли некоторых партийных и хозяйственных руководителей такими словами: «Я бы всех этих фермеров-арендаторов собрал, заколотил в вагон и — в Сибирь!» А что — эдакий вечно вчерашний ретивец заколотит, дай только ему волю. Тут препятствия даже не хозяйственные, а идеологические, трудно решиться верхам сказать: «Забудем все «измы», займемся делом!» Так нет же, раз загнали крестьян в «фабрики» зерна, превратили их в поденщиков,— как теперь можно отпустить обратно, дать землю и волю? Сиди, касатик, на цепи!

Но возок наш скрипучий, дай Бог, отползет, может быть, от края пропасти. Что мы сейчас посеем, то и пожнем. И если ныне не примем радикальных мер, то через три, максимум через пять лет произойдет то, о чем страшно не только говорить, но и думать. Не будет у нас никакой жратвы. И если после Октябрьского переворота пролетариат, примкнув штыки к винтовкам, изыскивал на селе хоть какое-то продовольствие и направлял в города, то тут уж приезжай в деревню хоть на танке — никаких коврижек не найдешь.

Вот тогда будет нам всем полный и окончательный социализм.

Саратовская область

ПЕТЛЯ ДЛЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ?..

В нашем отечестве сложилась традиция: в кризисные моменты истории начинаются кампании по выявлению «врагов народа», виноватых в переживаемых страной трудностях. В роли таких врагов побывали «троцкисты», «безродные космополиты», сейчас их место заняла преступная мафия, которая одна якобы и довела страну до разрухи и нищеты. Старый, но не стареющий прием, помогающий ожесточить и напугать граждан, подвести их к мысли о необходимости усилить карательную власть, призвать на помощь «железную руку», которой простительно пренебречь буквой закона.

Можно ли что-то противопоставить этой набирающей силу опасной тенденции?

Нужен независимый Следственный комитет, подотчетный только Верховному Совету РСФСР.

Таково мнение председателя межведомственной комиссии по подготовке нормативных документов о Следственном комитете, заместителя начальника Службы расследования преступлений МВД РСФСР Евгения Щербинского и заместителя Председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью, народного депутата РСФСР Бориса Кондрашова.

Из сводки МВД РСФСР

29 октября 1990 года около 14 часов в служебном кабинете ОВД Ленинского райисполкома гор. Ставрополя покончил жизнь самоубийством (застрелился выстрелом в висок из служебного пистолета ПМ ШР-5356) следователь Г-ов, 1954 года рождения, русский, беспартийный, образование высшее юридическое, женат, на иждивении 1 ребенок (6 лет), житель гор. Ставрополя, капитан милиции.

Предсмертная записка. «Я сильно устал от следственной работы. Уголовные дела все увеличиваются, и я просто не успеваю их обрабатывать. У меня не получается из-за большой загруженности их перерабатывать. Кроме того, за мной еще числятся два хозяйственных дела, на которые практически нет времени, а по ним необходимо принимать решения, и я не знаю, что мне делать.

Думаю, что то решение, которое мной принято, верное. Если кого обидел, то простите.

Жил честно, в каждом уголовном деле хотел разобраться, но это очень сложно и практически при нашей нагрузке невозможно.

Г-ов Г. Г.».

Справка. За 9 месяцев 1990 года в производстве следователя Г-ова находилось 62 дела, из них 19 уголовных дел о нераскрытых преступлениях. Во время службы т. Г-ов только поощрялся.

Щербинский. Я не буду упражняться в красноречии, а просто приведу кое-какие цифры. Каждый год на следственные подразделения органов внутренних дел приходится до 1,5 миллиона уголовных дел о самых разных преступлениях. В то же время свыше 4 тысяч следователей правоохранительных органов России не имеют жилья. Да что там жилья, на каждого следователя в среднем приходится всего по 6 кв. метров служебной площади, в большинстве подразделений не имеется транспорта, криминалистической и организационной техники. За первое полугодие 1990 года 500 квалифицированных следователей просто ушли с работы, и это в то время, когда у нас не укомплектовано около 2 тысяч штатных единиц следователей. Теперь о нагрузках. Они просто чудовищные — рост преступности ни для кого не секрет. По идее каждому следователю положено 37,5 дела в год. А в реальности? До 100 уголовных дел! Учтите, что и требования к качеству расследования возрастают. Но ведь существует какой-то предел человеческим возможностям. И он уже наступил. Все, дальше двигаться некуда!

Телеграмма.
«Москва, Верховный Совет РСФСР,
Ельцину.

Следователи работают в невыносимых условиях, нет жилья, не обеспечены кабинетами, технически не оснащены и прочее. В то же время расследуем по 130—150 уголовных дел на одного следователя, властных полномочий не имеем, ничем не защищены, считаем невозможным в правовом государстве, чтобы следователями руководил начальник органа дознания. Следователи Йошкар-Олинского ГОВД Марийской ССР (33 подписи)».

Из протокола оперативного совещания работников СУ УВД Волгоградского облисполкома (присутствовали 97 человек). «Отсутствие самостоятельного независимого следственного комитета окончательно подорвет веру всех следственных работников МВД в перестройку органов предварительного следствия».

Кондрашов. Наша следственная служба просто-напросто выхолащивается, поскольку разбита, разделена на множество ведомственных служб. Свое следствие имеет МВД, свое — КГБ, свои — Прокуратура и Военная прокуратура. Мало этого, внутри каждого ведомства дробление идет дальше. В органах МВД, скажем, существует целых четыре обособленных следственных подразделения. Этакие собственные карманные следователи. Детский вопрос: кому они служат — закону или чиновничьим интересам? И вообще даже с позиции простого здравого смысла: может ли следствие, если оно претендует на объективность, подчиняться какому-либо ведомству?

Казалось бы, когда в 1963 году было принято решение о наделении органов внутренних дел правом предварительного следствия, было сделано благое дело: в один кулак собрали оперативную работу и расследование преступлений. Тогда органы расследования не подчинялись органам дознания и имели относительно самостоятельную структуру. Но в 1970 году небезызвестный Щелоков своим волевым решением, нарушив закон, опустил следственные органы до самых нижних ступеней милицейской иерархии — подчинил их городским и районным отделам внутренних дел, хотя Уголовно-процессуальный кодекс запрещает подчинять следователя органу дознания. Тут-то и началась вакханалия. Начальники районных отделений милиции, не неся практически никакой ответственности за состояние следствия, стали манипулировать следователями в интересах благополучной статистики, низведя их до уровня канцелярских работников, оформляющих работы оперативных служб. Неудивительно, что в те годы мы имели чуть ли не стопроцентную «раскрываемость» преступлений.

Щербинский. Взять хотя бы нашумевшую историю о начальнике Десногорского ГОВД Смоленской области Матвеенкове и его заместителе по оперативной работе Шлыкове. Последние два года они систематически изымали у следователей уголовные дела о нераскрытых преступлениях, уничтожали и фальсифицировали содержащиеся в них процессуальные документы, а затем давали указания оперативным работникам выносить по этим материалам незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Случай отнюдь не единичный. За 1985—1989 годы число возбужденных органами дознания уголовных дел не превышало 7—11 процентов от выявленных преступлений, а количество лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений, сократилось в четыре раза.

Историческая справка. Царским Указом от 8 июня 1860 года следствие было отделено от полиции. В Указе отмечалось, что учреждение института судебных следователей имеет целью «дать полиции более средств к успешному исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точнее свойство и крен ее действий». В частности, следователям предоставлялось право в случае необходимости проверять и дополнять дознания, производимые полицией, отменять распоряжения, принятые при производстве дознаний, и т. д. Только суды могли приостановить и прекратить производство следствия, давать следователям предписания, рассматривать жалобы на их действия.

Судебная реформа 1864 года приравняла следователей по должности к членам Окружного суда. Назначать и смещать следователей мог только царь по представлению министра юстиции. Для судебных следователей устанавливалось годовое жалованье, соответствующее жалованью товарища прокурора Окружного суда: 1000 рублей (в столицах — 1500 рублей) + 500 рублей столовых + 500 рублей на ведение канцелярии. Кроме того, независимо от содержания, им назначались квартиры и лошади на разъезды.

Щербинский. Идея независимого Следственного комитета уже давно бродит по верхним этажам власти. Еще на XIX Всесоюзной партконференции было заявлено о необходимости срочно менять ведомственную структуру следственных органов. Все эту идею с энтузиазмом поддерживали, явных противников у нее не было, и тем не менее дальше деклараций и призывов дело не пошло. Впрочем, нет, в союзном парламенте создали было специальную комиссию, та даже разработала проект нового закона о следствии, но его обсуждение по непонятным причинам заглохло, тихо сошло на нет. Какая-то невидимая, но мощная сила не дает хода преобразованиям в этой области.

Кондрашов. Кое-какие проявления этих противоборствующих сил выходят тем не менее на поверхность. Помните недавний почти двухлетний эксперимент, когда следственные органы были освобождены от диктата районной и городской милиции и действовали в виде самостоятельной структуры? Какой подъем был у наших сотрудников! Качество следствия резко улучшилось, его законность укрепилась, сократились сроки расследования. А какой вывод сделал министр (теперь уже бывший), товарищ Бакатин? Велел эксперимент прекратить. Вместо этого издал приказ № 145, который должен был якобы улучшить моральное и материальное стимулирование следователей. Руководители следственных подразделений назначались заместителями начальников органов внутренних дел на всех уровнях. Что получилось на деле? Вместо непосредственных профессиональных обязанностей следственное руководство стало заниматься десятками посторонних проблем. Кроме того, следственная верхушка вошла в состав номенклатуры, получила недоступные прежде блага и привилегии... Где уж тут думать о нуждах своих рядовых собратьев!

Щербинский. К этому надо добавить, что руководство МВД, состоящее, как правило, из партийных функционеров, имеет очень слабое представление о повседневной работе следователей. Как-то один такой начальник сказал мне: «А зачем следователям служебные машины? Они же вызывают всех к себе в кабинет?» Могут ли такие начальники болеть за дело?

«Председателю
Верховного Совета РСФСР
товарищу Ельцину.

В Октябрьском ГОВД МВД Башкирии при численности личного состава всех служб около 250 человек следователей всего 8 единиц, немногим больше сотрудников угрозыска в ОБХСС, то есть 6—7 процентов следственных и оперативных работников дают конкретный результат в борьбе с преступностью. Лишившись следствия, МВД лишится тех единственных реальных результатов практической деятельности, которыми сейчас оправдывается существование непомерно раздутого аппарата МВД.

Следователи следственного отделения Октябрьского ГОВД МВД Башкирии».

«Министру внутренних дел РСФСР
товарищу Баранникову.

Мы не видим и не ощущаем заботы о создании элементарных условий работы, профессиональной подготовки. О решении жилищных и других социально-экономических проблем сотрудников и говорить не приходится. Да и откуда взяться всему этому, если в 1990 году никто из многочисленного отряда руководителей УВД облисполкома и горисполкома ни разу не встретился с нами.

Коллектив сотрудников следственного отделения Ленинского РОВД Куйбышева».

«Москва,
Верховный Совет РСФСР.

Реорганизация следственного аппарата затягивается вот уже пять лет, и следователи не верят, что она произойдет. Мне, как начальнику следственного отдела, приходится убеждать их и говорить, что скоро мы будем жить и работать по-человечески, что данный вопрос находится в Верховном Совете РСФСР и ждет своего решения: будет принят закон о Следственном комитете, подотчетном только Верховному Совету РСФСР. В связи с чем следственное отделение просит всех депутатов как можно быстрее решить вопрос о создании Следственного комитета.

Зам. начальника Кондинского РОВД Тюменской области по следствию».

Кондрашов. Теперь, наверное, самое время сказать о сути нашего проекта. Функция производства предварительного следствия уже давно приобрела достаточно самостоятельный характер. Она не относится к прокурорскому надзору и правосудию, не является управленческой деятельностью, то есть не может быть передана в ведение каких-либо распорядительно-исполнительных органов. А коли так — предлагается образовать вневедомственный, единый и подотчетный непосредственно Верховному Совету РСФСР конституционный Следственный комитет РСФСР, в котором будут сосредоточены все следственные аппараты МВД, КГБ и Прокуратуры (включая Военную). Только так может быть обеспечена реальная процессуальная независимость следственных работников. Только так возможно соблюсти объективность в рассмотрении дел, а значит, продвинуться к построению правового государства.

Щербинский. Как только проект был готов, мы разослали его во все следственные подразделения России. Думаю, что ни один законопроект не обсуждался с таким энтузиазмом. Очень показательными стали и результаты обсуждения. За преобразования, и причем скорейшие, проголосовали абсолютно все практические следственные работники, работники адвокатуры, Прокуратуры и в первую очередь те из них, кто непосредственно сталкивается с организованной преступностью, окопавшейся в том числе и в милиции. Ну а против, разумеется, высказалось руководство МВД и КГБ.

Кондрашов. Меня удивляют аргументы такого толка: в условиях разгула преступности надо не разъединяться, а, наоборот, соединять в единое целое органы дознания, следствия и прокурорского надзора. Чувствуете? Нам предлагают вспомнить доброе старое время, когда все решали «тройки». Еще говорят, что выведение следствия из-под опеки КГБ или Военной прокуратуры ослабит качество расследования по специфическим преступлениям. Давайте-ка разберемся, какими такими особыми делами занимаются, скажем, в Военной прокуратуре? Делом о пощечине коменданту Кремля. А дела о гибели десятков тысяч солдат в армии годами не получают хода... О следователях КГБ вообще разговор особый. Получая на 100—150 рублей больше своих коллег из МВД, они ведут в год... 2—3 дела, то есть их нагрузка в 50 раз меньше! Причем никакого контроля за их деятельностью практически нет.

Щербинский. Мы прекрасно понимаем, что один только независимый Следственный комитет всего не решит. Нужна коренная реформа всей судебно-правовой системы. Парламент России начинает в этом вопросе почти с нуля, ведь до недавнего времени в нашей республике не было своей милиции, до сих пор нет российского КГБ, прокуратуры, адвокатуры. Иными словами, правоохранительные органы РСФСР не контролируют ситуацию в республике и защитить суверенитет России пока, увы, просто не в состоянии. Однако надеемся, что ситуация изменится. Иначе бы не стоило браться за дело.

Публикацию подготовила
Людмила САЛЬНИКОВА.

ЗЕМЛЯ — КРЕСТЬЯНАМ! ●
К КАКОМУ ВЫБОРУ СКЛОНЯЕТСЯ НАШ НАРОД ●
СТАРИКАМ У НАС ПОЧЕТ? ●

■

Внеочередной съезд народных депутатов РСФСР принял постановление о возрождении российской деревни и развитии аграрно-промышленного комплекса, которое должно определить дальнейшую судьбу российского крестьянства, судьбу России.

С волнением следили все россияне за обсуждением этого вопроса на съезде. Уважаемые депутаты, члены КПР, а их немало присутствует на съезде, предприняли попытку сорвать его решение. Ими твердо заучено одно: «...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». И если бы им удалось получить поддержку съезда, то вскоре не только немцы, но и наиболее сердобольные жители Новой Гвинеи отправляли бы нам посылки с продуктами.

Не впервые перед Россией встает аграрный вопрос, и поэтому было бы полезно иногда оглянуться назад. В 1819 году смоленский помещик Якушкин, один из будущих декабристов, пожелал даровать своим крепостным свободу, чтобы потом заключить с ними договор об аренде (то есть, по сути дела, попытался установить примерно те отношения, которые сегодня усердно предлагает КПСС, стараясь побольше выжать из крестьян, практически ничего не давая взамен). Крестьяне, узнав, что помещик все земли, кроме усадебных и выгона, оставляет своей собственностью, сказали: «Ну, так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша». Иными словами, не нужна крестьянину и свобода, если у него нет своей земли.

С принятием постановления, подтверждающего многообразие и равенство государственной, колхозно-кооперативной, частной, коллективно-долевой форм собственности на землю, у российского крестьянина да и у всех нас появились реальные надежды на возрождение российской деревни, нашего государства, надежды на будущее.

А. ФИЛИМОНОВ,
учитель
с. Высокая Гора, Татарстан

■

На пресс-конференции в Париже 29 октября, отвечая на вопрос корреспондента Фесуненко, Президент М. С. Горбачев сказал: «Вот феномен: народ, прошедший после Октября через очень сложные фазы развития... не утратил, а, наоборот, сохранил приверженность социалистической идее, социалистическому выбору».

Очевидно, что Президент не только сам верит в существование этого феномена, но хочет, чтобы и мы в него уверовали.

Но вот данные, приводимые социологом Т. И. Заславской в интервью «Комсомольской правде» от 30 октября 1990 года: «Сегодня за социалистический выбор высказываются от 10 до 20 процентов населения... Во-первых, это небольшая доля населения. Во-вторых, быстро уменьшающаяся. Особенно стремительно процесс идет последние пару лет».

Г. ГЕРШЕНОВИЧ
Москва

■

Несколько десятилетий руководители разных рангов при первой возможности провозглашали, что у нас «все лучшее — детям», а «старикам у нас почет», а на деле ни лучшего детям, ни почета старикам у нас нет, как и не было. В этом письме я хочу сказать о людях пожилых и слабых, инвалидах войны, блокадниках Ленинграда, бывших узниках немецких лагерей и лагерей ГУЛАГа. О тех, кто сегодня нуждается в настоящей заботе общества, которому они отдали свое здоровье и силы.

В 1990 году, через 45 лет после войны, со скрипом и низким качеством построили в Москве госпиталь для инвалидов Отечественной войны на Волгоградском проспекте, который до сих пор строители не могут довести до ума. Минздрав и Мосгорздрав тоже проявляют постоянную «заботу» о ветеранах и инвалидах. В госпитале не оснащены необходимой аппаратурой целые отделения. Больных стариков приходится возить на обследование в другие лечебные учреждения города. В связи с этим затягиваются сроки уточнения диагноза, а следовательно, и сроки начала необходимого лечения. Но валюты для ветеранов нет. В госпиталь, проявляя «заботу и внимание», периодически приходят различные высокие и не очень высокие комиссии. Они выслушивают о наших нуждах, получают интересующие справки, и... и все остается по-прежнему. Ни со строителями сладу нет, ни с медицинским оборудованием никаких изменений.

Помимо этих глобальных проблем, у госпиталя, а вернее у его старых и больных пациентов есть еще одна практически ничтожная по способу разрешения проблема, но очень серьезная по своей угрозе для жизни этих людей. Для того чтобы попасть в госпиталь, больным надо перейти через Волгоградский проспект. Перейти старому, больному, а порой и полуслепому человеку при сплошном потоке двухрядного движения очень трудно, а главное — очень опасно! На днях сотрудница нашего госпиталя попала под машину на этом переходе и сейчас находится в тяжелом состоянии.

Вот и обратились ветераны в ГАИ ГУВД города с просьбой поставить светофор у этого перехода. ГАИ рассмотрела просьбу и отписала ветеранам, что считает установку светофора нецелесообразным, а чтобы ветераны не отчаивались, пообещала, что в 1992—1994 гг. здесь будет построен подземный переход...

Крайне удивившись этому «вниманию» к ветеранам, администрация госпиталя вынуждена была 15 октября сего года обратиться за помощью к председателю Мосгорисполкома Ю. М. Лужкову. Более месяца готовился ответ за подписью заместителя начальника управления транспорта и связи Мосгорисполкома Е. К. Купреева. И в результате — опять отказ.

Мы продолжаем «заботиться» обо всем человечестве, напрочь забывая о конкретном человеке. Мы почти ежедневно создаем те или иные фонды, а в результате страждущий человек опять забыт.

Неужели, говоря о нравственности и милосердии, мы по-прежнему глубоко безнравственны и немилосердны в реальных делах?

Г. МЕСТЕРГАЗИ,
главный врач
госпиталя для ИОВ № 2
Москва

■

29 ноября сего года в Октябрьском зале Дома союзов состоялся X пленум Всероссийского общества охраны природы (ВООП). По инициативе одного из официальных делегатов, поддержанной подавляющим большинством, было принято решение немедля обратиться к Внеочередному съезду народных депутатов РСФСР с протестом от имени всего многомиллионного Общества против передачи земли в частную собственность крестьян. Зал бурно клеймил Юрия Черниченко и славил принципы «всенародного достояния» и «государственного владения», без которых вся живая природа России, дескать, будет обречена на уничтожение и распродажу. Между тем всего лишь двумя днями раньше председатель Комиссии по экологии Верховного Совета РСФСР, профессор В. С. Ревякин, говорил в Кремлевском Дворце, как и многие другие, о том, что свободной Россия не будет, пока не станет свободным крестьянин, пока он не почувствует себя хозяином. Сегодня мы хорошо знаем, что нет на свете более страшного эксплуататора и браконьера, чем наше «плановое госхозяйство», а точнее сказать — ведомственные бесхозяйственность и бескультурье, оставляющие за собой экологические пустыни.

Но почему же так дружен в своей одиозности был этот памятный зал, наполненный функционерами-«общественниками»? Потому что ими становятся на склоне своих пенсионных лет, как правило, самые махровые деятели партийно-административной системы, которые уже физически не в состоянии работать в прежних инстанциях. Сегодняшний Центральный совет ВООП — заповедник сталинско-застойных кадров, однако же имеющий не только высокопоставленных сторонников, но и свою некую «спецнауку». На том же X пленуме под аплодисменты выступили доктор биологических наук В. М. Галушин (увы, новый ведущий популярной, хоть и вполне беззубой программы «В мире животных») и кандидат наук В. К. Рахилин, которые наглядно продемонстрировали, как им удалось пронести через всю достаточно долгую жизнь мышление пионеров 40-х годов до наших дней,— они тоже видят в крестьянах страшную угрозу всему живому, этаких капиталистов со звериным оскалом, а в плановой системе — благо. По их мнению, теперь только ВООП с его сетью магазинов «Природа», извлекающих миллионные доходы (продажей, кстати, подчас весьма опасных ядохимикатов!), может спасти нашу бедную флору и фауну от угрозы новейшего империализма. В то же время «концепция развития» почему-то уделяет первостепенное внимание именно коммерции. «Выращивать на продажу тюльпаны,— сказал один из делегатов пленума,— тоже рациональное природопользование». Так не лучше ли выращивать тюльпаны, нежели вводить в заблуждение правительство республики обращениями функционеров, выдавая их за некий «голос широких масс»?

Р. ТИХОМИРОВ
Москва

■

Большое спасибо за правдивую, объективную статью о советских немцах! Если честно, то я не ожидал, что в нашей прессе появится такая откровенная статья. До недавнего времени я жил в Киргизии и проблемы советских немцев, как говорится, знаю изнутри. И поэтому могу привести множество фактов, подтверждающих правдивость мыслей, высказанных Александром Фитцем («Изгои или вечные странники?», «Огонек» № 42).

Но, на мой взгляд, было бы правильным, если бы «Огонек» не ограничился только этой статьей, касающейся советских немцев. Важно и нужно рассказать не только об истории нашего народа, но и о том, как фабриковались фальшивки в отношении советских немцев. На мой взгляд, важно сказать и о том, что в трагедии прошлого и жалком настоящем повинны не только сталинский режим и правители третьего рейха, но и те люди, которые и сегодня все еще стоят у руля Советского Союза и Германии.

Недавно я получил из Верховного суда Украинской ССР справку об отмене приговора от 07.02.1939 г. и о реабилитации моего деда, Майера Христиана Андреевича, из-за отсутствия состава преступления. Из КГБ Украинской ССР получена просьба принять искренние соболезнования, а из Магаданского УВД — подтверждение о смерти его в местах лишения свободы 19.10.1941 г., куда он попал якобы «как участник контрреволюционной национал-фашистской организации». Это покаяние хотя, честно признаю, мне и приятно, но запоздало. Не получилось бы так, что и покаяние людей, ответственных за судьбу моего двухмиллионного народа, тоже придет с опозданием.

А. МАЙЕР,
аспирант Московского
государственного
института культуры

Фото А. ЧУМИЧЕВА (ТАСС)

Гавриил ПОПОВ,
народный депутат СССР, председатель Моссовета

ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛИИ

II

3. ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ

Кто бы ни стоял сегодня у власти в Союзе, в республиках или на местах — центристы, консерваторы или радикалы,— все едины в одном: советский политический механизм показал себя в ходе перестройки таким же неэффективным, как и экономическая система социализма.

Весьма примечательно, что эта неэффективность становится особенно очевидной и наглядной именно после победы демократов на выборах в Советы. Если раньше прокламировалась идея, что плохая работа Моссовета или Ленсовета связана с монополией МГК или ЛГК КПСС на власть, то после того, как эти Советы оказались под контролем демократов, стало очевидно, что дело не только и не столько в руководителях Советов, сколько в самой системе Советов как таковой.

Кроме того, порой Советы при КПСС выглядели более эффективными. Почему? Да потому, что и при КПСС, и при демократах Советы остаются тем, чем они были все семьдесят лет,— декорацией, вовсе не настроенной на самостоятельную жизнь. Но при КПСС за декорацией стояла реальная административная власть партии, и декорации двигались, что-то делали. А при демократах за Советами-декорациями никакой сильной административной иерархии не стоит, а движение самих декораций ничего не дает, не превращаясь в акции райкомов, парткомов, прокуратуры и т. д.

Неудивительно, что именно демократы наиболее остро чувствуют неэффективность советской системы. Но и аппаратчики — по мере ослабления КПСС и по мере перехода ее руководителей на советские посты — тоже начинают все больше раздражаться и тоже все больше ощущают общую неприемлемость советской системы.

Поэтому курс на десоветизацию уже сейчас, а тем более в ближайшем будущем станет всеобщим лозунгом.

Ограничение власти Советов вообще, сосредоточение парламентов на законодательстве, превращение местных Советов из органов власти в органы местного самоуправления, то есть муниципалитеты, создание независимой судебной системы — это все звенья десоветизации. Но главное ведущее звено — избрание прямым голосованием населения руководителей исполнительной власти всех уровней: президента, губернаторов, мэров, старост и появление не зависимой от Советов по своему составу исполнительной власти.

Уже сейчас ясно, что именно исполнительная власть станет ключевым звеном политического механизма периода перестройки.

Ведь Советы — даже если ограничить их всевластие и сделать только органами представительной законодательной власти — могут решать две группы задач. Во-первых, своими законами и решениями разрушать правовые устои старого механизма. Во-вторых, принимать новые законы и решения, которые станут опорой нового механизма. Но в обоих случаях Советы издают только указания, грубо говоря, все это — бумаги. Чтобы эти бумаги на деле что-то разрушили из старого и что-то создали из нового, нужен механизм администрирования, механизм исполнения. При этом важно, чтобы руководители исполнительной власти были независимы как личности от личностей законодателей. Между личностями депутатов и личностями исполнителей должен быть посредник — закон. Исполнители должны активно исполнять закон, не оглядываясь на личности законодателей. Поэтому первые руководители исполнительной власти должны избираться тем же населением, которое избирает депутатов.

Говоря о курсе на ограничение власти Советов, надо иметь в виду не только общий курс на десоветизацию. Тут дело и в составе нынешних Советов.

Прежде всего депутаты — особенно демократы — избирались не как представители каких-то партий, а в своем личном качестве. Они свободны и никому не подотчетны, кроме избирателей. Рассчитывать на устойчивость их действий в такой ситуации трудно. За этими депутатами, далее, стоят не силы нового общества, а старые структуры и соответствующие им социальные группы и их политические позиции. Депутаты отражают то, что не должно сохраниться, что должно измениться. С этой точки зрения депутатские позиции и голосование тоже не могут быть устойчивыми.

Неудивительно, что более или менее устойчиво новые Советы действуют в двух аспектах: когда надо разрушать старое и когда надо определить самые общие линии на будущее. Но как только надо решить что-то конкретное, появляется разброс мнений депутатов, отражающий разброс мнений слоев нынешнего общества и их неоднозначное отношение к будущему. Возникают бесконечные дебаты, которые никак не могут завершиться принятием каких-то конструктивных решений. И причина не в личностях депутатов, а в самой советской системе.

За этой неспособностью принять что-то, кроме самых общих деклараций о перестройке, стоят не только личные особенности нынешнего депутатского корпуса и особенности его формирования, но и особенности его социальной базы.

Все гораздо сложнее. Дело в том, что новая, послеперестроечная система не вырастает естественным образом из прошлого, из административного социализма. Напротив, ее надо искусственно, извне насаждать на перекопанное поле прежнего строя. Денационализация и десоветизация должны прийти извне. Кстати, так же, как пришел извне сам административный социализм. Правда, есть и гигантская разница: социализм пришел как нечто искусственное, а рынок должен вернуться как нечто естественное. Но сам процесс в обоих случаях — процесс насаждения, а не вырастания.

Из этого фундаментального факта следует вывод: органы власти, составленные из депутатов, отражающих состав старого общества, могут легко разрушать свое ненавидимое и тупиковое

Продолжение. Начало см. в № 50.

общество, но мало могут создать что-то взамен, так как то, что должно прийти, вовсе не продукт всеобщего согласия.

Хотя каждый после перестройки будет жить неизмеримо лучше, но ведь должно возникнуть общество неравенства, и тут ожидать единства нельзя. **Сам характер того строя, который должен возникнуть, сразу ограничивает возможности массовых представительных органов строить это общество и заранее предопределяет упор на исполнительную власть как главный инструмент перехода от старого к новому.**

Именно исполнительной власти — в силу ее более узкой природы — **легче действовать** в духе того, что надо создать.

Да и сам общий характер законов, принимаемых Советами, резко повышает значение исполнительной власти, разрабатывающей **конкретные решения** на базе этих законов.

Характер перемен, неизбежно связанных с несколькими этапами, возможность на одном из этапов появления серьезных ухудшений ситуации в качестве временного явления дополнительно диктуют необходимость сохранить преемственность власти на всех этапах. И опять-таки именно исполнительная власть более пригодна быть **носителем преемственности.**

Словом, десятки факторов говорят за то, что на этапе перестройки главной должна стать исполнительная власть. Так же, как на этапе разрушения старой системы главной силой были Советы.

Из всего сказанного вытекает, что в период перестройки **установление особого режима исполнительной власти — единственный вариант политического механизма.**

Очевидно, что курс на мощную исполнительную власть на два-три года будет общим.

При этом самым трудным будет принятие этого курса именно демократами. Не исключен какой-то раскол в их рядах. Но в то же время нельзя быть сторонником реальной перестройки и не прийти к изложенным выводам о роли администрирования.

В чем же разница подходов аппарата и демократов к проблеме усиления исполнительной власти и есть ли она вообще?

Совершенно естественно, что два варианта денационализации предопределяют и не могут не предопределять разные подходы и к реализации идеи административного механизма перестройки.

Аппаратный подход состоит в том, что избирать главу исполнительной власти — президентов Союза и республик — надо голосами законодательного органа (съезда или Верховного Совета). Естественно, право смены президента остается за этими органами, которые аппарату контролировать все же легче, чем всему населению.

А всех руководителей исполнительной власти на более низких уровнях аппаратный вариант предполагает назначать решениями президентов (и смещать тоже).

Демократы считают, что избирать президентов должно население прямым голосованием.

Далее, демократы считают, что руководители исполнительной власти краев, областей и других единиц тоже должны быть избраны населением.

Они, конечно, должны подчиняться вышестоящему администратору, но сменять их сам он не может, не вынося вопроса на голосование населения.

При демократическом варианте парламенты страны и республик, не отвечающие за выбор президента, свободны в контроле за ним, они — его реальные оппоненты.

При аппаратном варианте, когда парламент выбирает президента, этот парламент начинает отвечать за свой выбор и склонен стать не оппонентом президента, а продолжением президентской власти.

При демократическом варианте местные муниципалитеты могут ставить вопрос о переизбрании губернатора или мэра, обращаясь к своим избирателям, так как эти же избиратели избирали и муниципалитет, и мэра. А при назначении мэра или губернатора сверху права местных выборных органов очень ограничены, а сам губернатор целиком зависит от тех, кто его назначал.

При демократическом варианте десоветизации возникает сложная система взаимоотношений выборного губернатора: с президентом республики, со своим муниципалитетом. Нужно в законе установить все варианты разрешения споров.

Вот что предлагается в одном из проектов для Москвы. Мэра выбирает Москва. Моссовет — она же. Мэр может наложить вето на решение Моссовета. Но если Моссовет при вторичном обсуждении 2/3 голосов списочного состава подтвердит свое решение, то вето уже не действует. Мэр обязан или согласиться с этим решением, или провести в городе референдум, или передать вопрос на уровень РСФСР.

Если Моссовет хочет добиться внеочередных выборов мэра — нужно 2/3 голосов, чтобы обратиться в РСФСР. Руководство РСФСР решит: переизбрать мэра или Моссовет.

Если РСФСР хочет досрочно сместить мэра, требуется согласие 2/3 Моссовета. Нет согласия, РСФСР может только назначить перевыборы только самого Моссовета.

Как видим, в демократическом варианте исполнительной власти нет четкости голого администрирования: я назначаю, я смещаю, я командую.

Но зато в этом варианте есть все гарантии от неучета линий верха и низа. Здесь подчинение верху обеспечивается сложным путем, что заставляет верх идти по этому пути не тогда, когда хочется настоять на своем, а тогда, когда не остается другого выхода и есть действительная необходимость. В ходе ряда процедур как раз и выявится, хотят ли сместить мэра за строптивость или дело идет об интересах страны.

В ходе этих же процедур верх уясняет себе, идет ли речь о своеволии самого мэра или за этим стоит устойчивое желание большинства населения города, с чем нельзя не считаться.

Элементарный вариант «назначаю — сменяю — командую» проще, но опаснее для серьезного дела. Опаснее перспективой ошибок и перспективой тоталитаризма.

Демократический вариант создает более устойчивую исполнительную власть, хотя процедура взаимодействия и тем более разрешения конфликтов здесь более сложная.

Но именно в прямой выборности исполнительных руководителей на низших уровнях — гарантия от тенденций к диктатуре, неизбежно присутствующая при всяком усилении исполнительной власти в центре.

Такова схема вариантов перестройки политического механизма — «десоветизации».

4. ДЕФЕДЕРАЛИЗАЦИЯ

Если происходит разгосударствление, если возникают собственники и рынок, то невозможно представить себе сохранение СССР без добровольного согласия тех, кто сегодня в этой стране живет.

А как быть сейчас, как сегодня подходить к проблеме СССР?

Один подход к судьбе СССР исходит из того, что установленные при Сталине границы республик — это тот идеал, на который надо молиться.

Поразительно, что даже те, кто полностью готов отвергнуть и прежнюю экономику, и прежнюю политическую систему, как только речь заходит о границах, сразу же готовы считать И. В. Сталина сверхгением: предвидел на десятки лет границы.

Но даже если бы Сталин провел границы идеально — за три четверти века последовавшей свободной миграции миллионов бывших крестьян, оторванных от земли, за три четверти века политики капиталовложений, не думавшей всерьез о границах,— о каком почтении к границам может идти речь?

К тому же если границы республик еще чем-то объясняются (хотя в качестве критериев берут обычно «выгодный» для данной нации момент ее бесконечной истории), то границы автономных образований, нередко вообще не существовавших в виде государств, уже при проведении их были более чем условными.

Кому же выгодно выдвигать критерий границ? За границы цепляется аппарат. При этом самое характерное, что тут сливаются не только интересы старого аппарата, но и интересы аппарата нового, демократического. Причем последний борется за границы более упорно, так как чувствует себя более уверенно благодаря своей победе на выборах.

В сфере дефедерализации идет глубокий раскол уже среди демократов, во всем прочем друг с другом солидарных.

Аппаратный вариант дефедерализации за основу берет идею суверенитета республики. Этот подход вполне логичен, когда границы республик реально отражают расселение народа. Но в Эстонии — русские города и целые районы, в Грузии — Абхазия, в Азербайджане есть Карабах, в Молдавии — гагаузский и приднестровский районы, в Литве — польские районы. А о РСФСР вообще говорить трудно, так как это повторение всего СССР, только в более узком масштабе. Тут и границы Татарии и Башкирии, и Ингушетия, и чего тут только нет! В Казахстане ситуация не лучше.

При таком раскладе аппаратный курс на сохранение границ — это курс на перетягивание каната. Курс на демонстрацию силы. Курс на неизбежное перемещение миллионов людей или на многолетние межнациональные конфликты внутри отстоявших свои границы республик.

Надеяться, что рост благосостояния уменьшит эти конфликты, можно только в определенных пределах. Ведь не только в СССР — везде, где границы взяты за основу без полного учета всех факторов, есть конфликты. Об Индии говорить не приходится. Но даже в процветающей Англии есть Ольстер, а в Испании — баскские сепаратисты.

Преимущество аппаратного варианта дефедерализации — возможность в суверенных республиках ускорить экономические и политические реформы — привлекает порой и демократов. Но эти демократы, ставшие аппаратом в «своей» республике, уже нечто особое.

Аппаратный вариант будет иметь второй цикл. После получения республиками суверенитета неизбежны конфликты внутри них, особенно в РСФСР.

Есть ли альтернатива аппаратному пути дефедерализации?

А. Д. Сахаров в проекте Конституции, ощущая все противоречие аппаратной дефедерализации, выдвинул блестящую по глубине и явно недооцененную всеми нами идею — ориентироваться не на границы, а на нации при выборе депутатов союзного парламента.

Мне представляется, что в этой идее Андрея Дмитриевича главное — непризнание нынешних границ республик в качестве главного мерила при демонтаже СССР. И я с ним полностью согласен.

В принципе демократический вариант дефедерализации мог бы быть реализован в двух подвариантах.

Первый. Все границы объявляются несуществующими на переходный период. СССР объявляется единым государством, каковым оно и было на самом деле во все годы диктатуры КПСС.

Оснований для такого подхода в сфере экономики более чем достаточно, так как десятки лет собственность страны формировалась без учета границ и, строго говоря, должна делиться между всеми гражданами страны, а не по республикам.

При этом варианте вся денационализация осуществляется из центра.

После денационализации наступает этап дефедерализации. По районам страны (желательно наиболее дробным) проводится референдум о том, в какой из республик хотели бы жить жители района, и по большинству голосов формируется на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств.

Принимается режим свободных переселений, при котором те республики, откуда уезжают люди, обязаны нести все расходы, включая постройку домов на новых местах жительства и переезд из республик только после готовности этих домов.

Независимые республики в новых границах формируют демократическую власть. А потом эти республики решают: нужен ли новый Союз республик? Будут ли в нем подсоюзы (например, союз русских республик — Россия, или союз нескольких украинских республик — Украина, или общий союз России, Украины и Белоруссии)?

Этот подвариант предполагает очень сильный, пользующийся доверием всех демократов и всех республик центр.

Этот подвариант сегодня уже малореален, но еще возможен, пока есть единая армия и когда перед людьми уже встал страшный призрак межнациональной резни в случае ориентации на сохранение нынешних границ при выходе из СССР.

Второй подвариант демократической дефедерализации — провести референдум сейчас, до денационализации, и уточнить границы республик по итогам этого референдума.

Теоретическими итогами этого референдума могут быть уменьшение Эстонии и Молдавии за счет районов с преобладанием некоренного населения, существенные изменения границ между Татарией или Башкирией, выход Южной Осетии из Грузии, а Карабаха из Азербайджана, отделение Крыма от Украины и многие другие итоги. Но какими бы ни казались они значительными, перспектива межнациональной резни в случае отказа от этих изменений неизмеримо страшнее. Это очень трудный путь сейчас, но он сулит уменьшение споров в будущем. И его можно реализовать сейчас, пока есть в стране единая армия.

Словом, сначала уточняем границы всех республик. А затем уже разделение собственности по республикам, и денационализацию проводят сами республики.

В обоих подвариантах республикой могут стать и союзная, и автономная, и часть автономной, и даже автономная область, если есть достаточно большая территория, где этот народ составляет большинство.

Надо откровенно сказать, что даже среди демократов демократический вариант дефедерализации не имеет поддержки большинства. Поэтому перспектива его наименее реальна во всем комплексе мер демократической перестройки.

Но нетрудно представить себе и другое: если в национальном строительстве пойдет аппаратный вариант, то реализация демократических вариантов в экономике и политике будет затруднена, и весьма значительно. Действительно, какой возможен демократический дележ собственности в республике между всеми ее гражданами, если эти граждане втянуты в межнациональный конфликт? Достаточно вспомнить Карабах или Фергану.

Если что-то есть наиболее опасное для подлинной перестройки — так это проблема дефедерализации.

И все же долг демократа — выдвинуть демократический вариант дефедерализации, каким бы нереальным он ни казался, что я и делаю.

5. ДВА ВАРИАНТА ПЕРЕСТРОЙКИ

Как мы видим, в процессах дефедерализации, денационализации и десоветизации при всех многочисленных вариантах решения проблем со-

вершенно однозначно выделяются два полярных, узловых варианта: аппаратный и демократический.

При этом имеется внутренняя связь аппаратного подхода к перестройке экономики с аппаратным подходом к перестройке политического механизма и национального устройства. Поэтому есть все основания попытаться оценить оба варианта перестройки в целом как единый комплекс мер в сфере экономики, политики и национального устройства.

С точки зрения стоящих за обоими вариантами сил приходится отметить, что и за аппаратным и за демократическим вариантами стоят силы старого, устраняемого общества административного социализма.

Только за аппаратным вариантом стоят руководящая бюрократия государственного социализма (партийная, советская, хозяйственная, подконтрольных партии «общественных» организаций) и силы теневой экономики. За демократическим — все остальные круги общества, весьма и весьма разнородные по своему положению, своим интересам, своему будущему после перестройки, но единые в непринятии аппаратного подхода к преобразованиям.

Сторонники аппаратного подхода хорошо организованы, опытны. Правда, опыт руководства в системе бюрократического социализма (так же, как и опыт теневых комбинаций в этой же системе) — далеко не то, чего потребуют рыночная экономика и механизм политической демократии. И далеко не все гении аппаратных игр и специалисты по подкупу чиновников станут предпринимателями. Но все же какой-то опыт манипулирования людьми и собственностью у аппарата есть, и этот опыт укрепляет позиции аппарата, особенно в переходный период.

Другая база преимуществ аппаратного пути — наличие в составе аппарата руководства вооруженных сил, правоохранительных органов, суда.

Сила этого варианта и в том, что предстоящее неравенство рыночной экономики легко «вписывается» в аппаратные подходы, тем более в подходы теневиков.

Слабость — взаимная конкуренция вообще плюс обостренная конкуренция между национальными отрядами аппарата. Другая слабость — на аппарате все еще лежит в сознании масс ответственность за прошлые и за сегодняшние трудности. Ответственность не только общая, но нередко и прямая, лично привязанная, адресная. Еще одна слабость — сращивание с теневой экономикой, с коррупцией. Для иных деятелей аппарата перспектива каких-то разоблачений — весьма реальная. Порой именно это толкает даже умных руководителей в лагерь сторонников этого варианта. Резко ослабляет аппарат глубокое недоверие народа даже к вполне нужным мерам, если их автором выступает этот аппарат.

Сторонники демократического варианта в силу природы своей массовой базы тяготеют к популизму, к уравнительности, к справедливости. Все это не всегда сочетается с рынком, с конкуренцией, с укреплением административной власти. Поэтому постоянно присутствует опасность раскола среди демократов. У демократов нет кадров и нет опыта.

Сила демократического варианта — массовость, активность, решимость. Здесь большинству участников преобразований просто нечего терять, и они готовы к самым последовательным переменам.

С точки зрения начала процесса перестройки оба варианта совпадают: они оба признают необходимость завершить советский государственно-социалистический эксперимент и открыть путь к товарному производству и демократической республике.

С точки зрения конечного результата оба варианта тоже совпадают: в обоих случаях строй государственного социализма уничтожается и заменяется новым, соответствующим нынешнему уровню человеческой цивилизации.

Промежуточный процесс в обоих вариантах тоже один и тот же: будут «вывариваться» в котле конкуренции все те, кто получил государственную собственность. Будут вывариваться в котле демократии все партии.

Те, кто проявит способность быть предпринимателем, будут укреплять свои позиции. Те, кто не сможет или не захочет быть предпринимателем, после начальных попыток из бизнеса уйдут.

И в котле политической демократии будут перевариваться партии, организации, газеты и т. д. Уцелеют те, кто найдет в новом обществе слои населения, интересы которых они выражают.

Так что никто не гарантирует ни конкретным аппаратчикам (в случае их победы), ни конкретным демократам (в случае их победы) чего-то устойчивого в конце перестройки.

В чем же тогда разница аппаратного и демократического вариантов? Разница есть, и очень существенная.

Разница прежде всего в том, кто выходит на старт при переходе к рынку.

Аппаратный вариант дает преимущественное право стать предпринимателями нынешним аппаратчикам (у них — посты) или нынешним теневикам (у них — деньги). Простой человек — без постов, власти, связей и денег — пробиться в предприниматели при этом варианте может только с огромным трудом.

При демократическом варианте на старт выходят все. У всех примерно одинаковые стартовые условия. У всех есть пакет облигаций для начала своего дела. Конечно, и при демократическом варианте аппаратчики на этом старте все же будут иметь «фору» — будут иметь «фору» и теневики. Но «фора» эта относительна. И именно в демократическом варианте все талантливые силы народа будут иметь шанс реально немедленно включиться в дело, в подъем экономики, в возрождение страны.

Здесь уместна аналогия прусского и американского путей развития капитализма в земледелии в XIX и в начале XX века.

При прусском — на земле хозяйство ведут только помещики, только они имеют шанс стать капиталистами.

При американском — право вести хозяйство и право на землю после победы Севера над Югом благодаря законам Линкольна получил любой гражданин США. И именно этот путь создал такой феномен, как американское фермерство, когда 5% населения кормят и свою страну, и даже коммунистов в СССР спасали десятки лет от голода.

При аппаратном варианте заранее взят крен в сторону нынешних монстров экономики — крупных предприятий, совхозов, колхозов, трестов, концернов, издательств, Академии наук и вузов. В итоге реальны опасности монополизма, диктата, торможения научно-технического прогресса и т. д.

Сама природа демократического варианта ориентирована на массу небольших предприятий, исключает перспективы сговора, создает сильнейшую конкуренцию, которая быстро отбросит неспособных и быстро выдвинет наиболее эффективных и умелых. А если учесть, что в конце XX века во всем мире усиливается роль мелких предприятий и организаций как наиболее гибких, более восприимчивых к нововведениям и более чувствительных к реакции потребителя, то именно демократический вариант перестройки больше отвечает тенденциям мирового развития, ускоренного прогресса техники и технологии.

Демократический вариант ослабляет у рядового гражданина страх перед рыночной экономикой. Ведь этот вариант дает каждому пакет акций на собственность. Соответственно он каждого делает сторонником перестройки.

Аппаратный вариант как минимум ориентирует миллионы простых людей на пассивное ожидание, на иждивенчество нового типа.

Но даже при самой урезанной аппаратом демократии она все же будет, без нее нет перестройки. Поэтому при аппаратном варианте не исключены активные акции трудящихся против новоявленных бизнесменов из обкомов и райкомов. И не исключено, что эти акции возглавят отнюдь не демократы, а разного рода необольшевистские наследники ленинизма. Изменить ход истории они не смогут, но задержать развитие и испортить на целые годы жизнь страны возможности у них будут.

Варианты перестройки — это и вопрос о ее тяжести для народа. Перестройка — вообще тяжелый процесс. За десятилетия раболепия перед партократией надо платить, и платить придется каждому, хотя вина разная. Но демократический вариант дает работнику — даже если он не захочет стать предпринимателем — какой-то доход от облигаций на собственность, дает своего рода гарантию при вступлении в волны реальной перестройки.

Аппаратный вариант призывает терпеть невзгоды ради будущего рынка, ради будущей нормальной жизни. А такого рода посулы и призывы у народа уже набили оскомину, даже если на сей раз в них и будет какая-то правда. Аппаратный вариант заставит народ аппарату собственность дать бесплатно, а всех других заставит платить за собственность выкуп. Народ должен заплатить аппарату за то, чтобы этот аппарат остался в качестве руководителя и в новом обществе, но уже не в роли слуг народа, а в роли собственников и менеджеров.

При демократическом варианте темп перемен максимально быстрый из всех возможных. При аппаратном варианте страна должна ждать, пока захвативший собственность слой аппаратчиков научится вести дело. И хотя навыки, как я отмечал, есть и у аппаратчиков, и у теневиков, нельзя забывать, что и те и другие — законные дети неэффективной системы социализма. Они были искусны в ней, в ее кабинетах. И не случайно ни один из выехавших на Запад теневиков пока ничем заметным в мире нормального бизнеса не стал. Умение проникать в кабинеты и подкупать руководителей — не главные рычаги современного рынка. Поэтому аппаратный вариант, ориентируясь на этих людей, сулит серьезные тяготы для страны, медлительность перемен. Как группа туристов идет, ориентируясь на самого слабого из участников, так и аппаратный путь заставляет страну идти темпом, который устраивает наиболее не подготовленного к переменам участника преобразований — аппарат.

В конечном счете вопрос о вариантах перестройки — это вопрос о том, кто будет ее хозяином. Будут ли ее вести только те, кто господствовал в стране раньше, или в дело включатся все силы общества. Аппаратный вариант исходит из своего глубокого убеждения, что никто в стране, кроме уже занимающих посты в аппарате, реально двигать перестройку не может.

Демократический вариант прежде всего исходит из притока качественно новых сил из всех слоев общества — естественно, и из аппарата, так как иной вечный инструктор как раз и станет настоящим предпринимателем при демократическом варианте.

Демократический вариант — это, как говорится в песне Булата Окуджавы о последнем троллейбусе, когда «твои пассажиры, матросы твои приходят на помощь».

Демократический вариант — это когда на спасение корабля вызвана вся команда и все пассажиры, а аппаратный — когда корабль стараются спасти только капитан с помощниками.

Я намеренно обострил крайние полюсы возможных вариантов перестройки. В жизни могут быть и разного рода их комбинации.

Но для понимания всей нашей действительности подход с позиции не только трех основных задач перестройки — денационализации, дефедерализации, десоветизации,— но и двух главных вариантов их решения — аппаратного и демократического — самый главный.

Именно борьба между двумя вариантами перестройки уже сегодня объясняет и определяет всю нынешнюю ситуацию.

В этом легко убедиться, проанализировав основные программы, предложенные сегодня стране*.

. . . .

8. СТРАТЕГИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ

Предположим, удалось сформулировать демократическую программу перестройки, хотя это, как мы видим на примере национального вопроса, само по себе очень и очень трудно. Тогда возникает вопрос о том, кто и как может эту программу реализовать.

Прежде всего: очевидно, что аппарат эту программу осуществить не сможет — она означает для него потерю всех нынешних привилегий.

Центр осуществить эту программу тоже не сможет, так как за шесть лет после 1985 года центр постепенно сокращал свои возможности. От этой льдины все время откалывались куски, отходившие то к республикам, то к аппарату, то к демократам. И сейчас центр сам по себе уже не может ничего делать, не вступая в коалиции слева или справа.

Остаются следующие потенциальные возможности:

— демократическую платформу реализуют демократы, взяв власть в свои руки;

— демократическую платформу реализуют демократы, взяв власть, но заключая соглашения с центром и с частью аппарата;

— демократическую платформу берется реализовать коалиция под руководством центра, но включающая демократов и часть аппарата.

Казалось бы, самый первый вариант — самый лучший: демократическая власть — демократическая платформа. Но в политике редко бывают простые схемы.

Прежде всего: возможно ли и реально ли взятие всей власти демократами? А если это произойдет, то смогут ли они в этом случае успешно реализовать демократическую платформу?

Чтобы взять власть, надо нанести мощное поражение аппарату. Это — насилие. Надо будет поднять все массы, бросить их в бой — включить самые отсталые отряды трудящихся. И насилие обязательно выродится в террор, в кровь. Все это мы уже проходили после Октября 1917 года.

Опора на все слои трудящихся неизбежно вызовет мощный крен в сторону уравнительности, заставит забыть о социальной защите как таковой, без учета интересов рыночных механизмов.

В такой ситуации трудно развивать частное предпринимательство, конкуренцию, беспощадно вести курс на обучение в школе безработицы навыкам эффективного труда.

Демократы, которые сейчас есть,— это не демократы рыночной экономики. Это демократы, выращенные на почве разложения бюрократического социализма, пропитанные идеологическими догмами этого строя и несущие на себе всю грязь его гниения.

Такие демократы сами по себе могут устроить резню и очистить страну от аппарата, отомстить за прошлое, но они малопригодны для созидания того, чего требует развитие.

Это вариант развала и СССР, и РСФСР, так как демократы в силу своей идеологии насильно никого удерживать не станут, а их курс на уравнительность будет отталкивать те республики, у которых есть перспектива жить лучше среднего.

*** Разделы 6 и 7, посвященные анализу конкретных проблем перестройки, в рукописи Г. Х. Попова для «Огонька» опущены.**

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Некомпетентность демократов в руководстве, слабость их аппарата еще более затрудняют движение вперед.

Рост трудностей при этом варианте может усиливать не перестроечные, а антиперестроечные настроения, так как легально будут действовать все антиперестроечные силы при чисто демократическом варианте власти. Помощь Запада не может быть большой, так как «борьба с эксплуататорами» при этом варианте займет значительное место. Запад в лучшем случае сможет помочь нам с закупками нашего сырья. В сочетании с недостаточным стимулированием технического процесса, характерным для любых уравнительных систем, для страны все более реальной будет перспектива стать сырьевым придатком мировой экономики.

Но самое опасное — это перерождение демократов, взявших власть. Сталкиваясь с трудностями и не желая признавать себя их авторами, демократы могут начать искать врагов вне себя и внутри себя. Эту школу мы тоже уже прошли.

Конечно, вариант взятия демократами власти может возникнуть как вынужденный — как в 1917 году, когда большевики не столько брали власть, сколько оказались, по словам Герберта Уэллса, на корабле, с которого сбежала вся команда.

Но даже в такой ситуации, когда демократы «останутся» при власти, путь чисто демократической власти далеко не лучший для реализации демократического варианта перестройки. Вот такой парадокс истории.

Анализ возможности практического осуществления демократического варианта в РСФСР и тем более в СССР в целом, рассмотрение всех социальных групп общества, их позиций, их отношений к тому строю, который был и которому предстоит возникнуть, привел меня к следующим выводам. (Я не буду приводить здесь ход моих рассуждений по этому вопросу, это отдельная большая тема; ограничусь лишь выводами, к которым я пришел.)

Несмотря на наличие возможности и несомненные преимущества демократического варианта перестройки, реальное состояние общества в целом и демократических сил в частности после семидесяти лет тотального господства государственного социализма не позволяет — по крайней мере сейчас и в ближайшем будущем — рассчитывать на реализацию демократического варианта силами демократов. В этом — главное отличие СССР от других социалистических стран.

Значит ли это, что за этот вариант не надо бороться? Напротив. Опыт борьбы партии Чернышевского за американский вариант отмены крепостного права в XIX веке показывает, что активная борьба демократов за свой путь, даже если она не приносит им победы, даже если они в целом терпят поражение, оказывает гигантское воздействие на весь ход реформы в стране, и средняя линия реформы существенно смещается в прогрессивную сторону.

И, наоборот, избранный после ареста Чернышевского революционными силами путь полной конфронтации с царским правительством, путь народовольческого террора, путь убийства царя неизбежно сместил общую линию развития России вправо, усилил консерваторов, затормозил реформы в России по сравнению с начавшими такие же реформы в тот же период США и Японией и в конечном счете вверг Россию в трагедию XX века.

Линия: если нет перспектив у демократического пути, то надо пойти на полный разрыв с аппаратным вариантом и борьбу с ним всеми способами, линия «никаких компромиссов» — это линия, к которой прибегают при исключительно незначительных силах, это линия отчаяния.

Поэтому, оставаясь сторонником демократического пути, но реально оценивая ситуацию, я пришел к выводу, что есть две реальные стратегии реализации этого пути:

— борьба за коалиционные варианты перестройки;

— демократическая оппозиция меньшинства аппаратному пути, который будут реализовывать господствующие в обществе силы.

Как это легко проследить по моим статьям, идя на выборы в 1989 году, я считал реальным только второй путь — путь оппозиции. Он и остался бы для демократов единственным, если бы аппарат не доказал свою неспособность идти своим собственным путем, продолжая выступать против перестройки как таковой. В результате за 1989—1990 годы демократы существенно укрепили свои позиции и создали условия для появления коалиционных вариантов.

Опыт взятия власти демократами на местах показывает, что когда демократы берут власть, то они в лучшем случае могут управлять Советом (и то порой неэффективно), но они совершенно не готовы создать сами административную систему, то есть то, что является главным для перестройки, когда она от разрушения старого переходит к созданию нового. У них нет кадров, нет опыта. Демократы не в состоянии профессионально бороться с сопротивлением аппарата, начинают скатываться к диктатуре и террору. Да и уход из лагеря демократов «популистов», которые вообще против усиления административной власти, еще более затрудняет создание мощной исполнительной власти.

У аппарата, напротив, есть все для построения административной машины перестройки. Но аппарат упустил время. За последние годы его авторитет в народе упал. И надежды аппарата получить исполнительную власть без поддержки масс сейчас весьма малореальны.

Попытки аппарата реализовать свою программу и создать свою исполнительную систему сегодня, при уже сложившемся уровне политического сознания в обществе, степени поляризации его сил, неизбежно вызовут конфликты.

Поэтому логично возникает идея **коалиций,** которые бы и создали нужную перестройке политическую систему и ее центральное звено — выборную исполнительную административную власть.

Аппарат принесет в эту коалицию силу, кадры, опыт. Он вовлечет в нее армию, милицию, КГБ. Демократы принесут в коалицию доверие масс и их поддержку, обеспечат поддержку коалиции в законодательных и других выборных органах, где у них есть большинство.

Именно коалиция может рассчитывать на масштабную помощь Запада, то есть на включение одного из важных резервов перестройки.

Именно коалиция сохранит в составе Союза ССР максимум республик, так как они будут ей доверять.

Возможны два коалиционных варианта:

— под руководством аппарата,

— под руководством демократов.

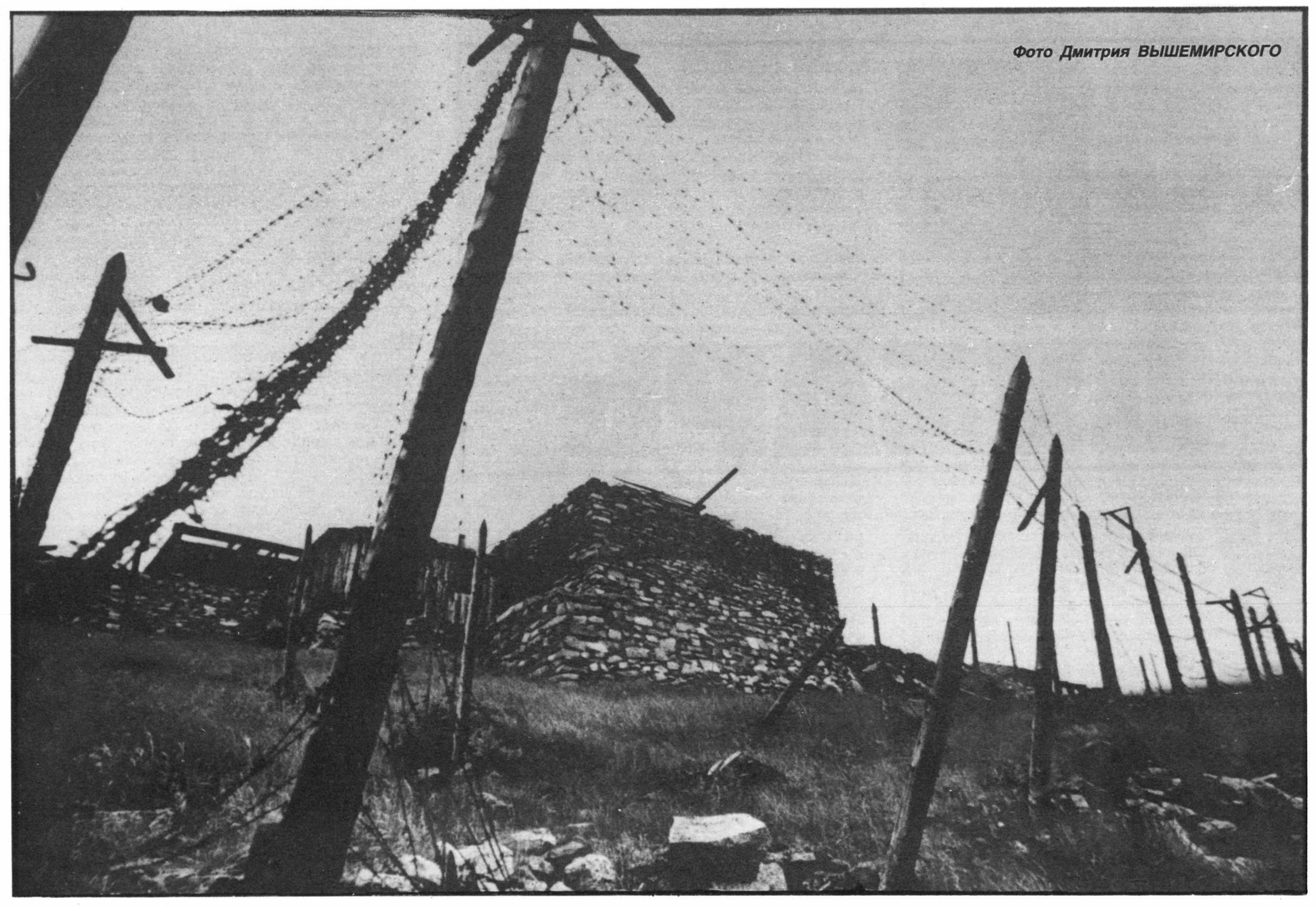
На практике те или иные варианты коалиции уже появились.

В Москве и в России в целом наметился вариант коалиции под влиянием демократов, а на уровне Союза в августе были признаки готовности к коалиции под руководством центра, Президента.

Ясно, что любая коалиция означает не только соглашение, но и разрыв. Для демократов коалиция с аппаратом означает напряжение в отношениях со своим крайним леворадикальным крылом. Для аппарата союз с демократами означает напряжение в отношениях с консервативными группами аппарата.

Поэтому коалиция — это не союз всех демократов и всего аппарата. Это союз части демократов и части аппарата.

Именно **курс на коалицию только и может быть сегодня стратегией для тех, кто хочет не только провозгласить, но и реализовать демократический вариант перестройки.**

Фото Дмитрия ВЫШЕМИРСКОГО

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Ведет рубрику Виталий ШЕНТАЛИНСКИЙ.

«В пять часов утра, как всегда, пробило подъем — молотком об рельс у штабного барака. Перерывистый звон слабо прошел сквозь стекла, намерзшие в два пальца, и скоро затих...» Так начинается «Один день Ивана Денисовича».

Так же начинался день для героя рассказа «Дубарь»: «Унылый звон «цынги», куска рельса, подвешенного на углу лагерной вахты, слабо донесся сквозь бревенчатые стены барака и толстый слой льда на его оконцах...»

Совпадение неслучайное. Так начинались тысячи тысяч дней для всех заключенных ГУЛАГа.

Рассказ «Дубарь» ходил в самиздате безымянным, его приписывали то Солженицыну, то Шаламову. Автор касается в нем самых глубоких и интимных сторон человеческой души и, говоря об очень страшном, предельно страшном, достигает в то же время, по законам классики, просветления.

Теперь этот рассказ смогут прочитать все, с именем автора — Георгия Демидова.

«Мне мое творчество обходится очень дорого,— говорил он.— Я неизбежно дохожу до болезни, хотя далеко еще не развалина... Все спрашивают: что-нибудь случилось? Я мог бы ответить: да, случилось. Совсем недавно. Нет еще тридцати лет. И случилось не только со мной...»

Георгий Георгиевич Демидов, 1908—1986. Раздвинем две эти неизбежные даты, заглянем в судьбу...

Демидов родился в Петербурге, в рабочей семье. Рано проявил способности к науке, технике, изобретательству, стремительно прошел путь от рабочего до инженера и доцента электротехнического института. Друзья сулили ему блестящее будущее ученого-физика.

В 1938-м он был арестован в Харькове, где тогда работал,— вызвали якобы для проверки паспорта, эта «проверка» затянулась на многие годы. Приговор гласил: десять лет ИТЛ за участие в троцкистской, контрреволюционной, террористической организации. Следователь пригрозил арестом жены с шестимесячной дочкой, и Демидов подписал показания на себя, наотрез отказавшись называть еще кого-нибудь.

Он провел на Колыме четырнадцать лет, из них десять — на общих, самых тяжелых работах. Человек с твердым характером и многосторонним интеллектом, он и выжил благодаря своему высокому духу, в то время как многие его товарищи по несчастью, не имея в себе этой «подъемной силы», полегли на многострадальных сопках Колымы.

Демидов писал: «Даже совершенно неспособный к наблюдению и сопоставлению человек... не может не постигнуть трагедийности этого «Освенцима без печей» — выражение, за которое, среди прочего, я получил в 1946-м второй срок...»

Вскоре после вторичного его осуждения жене Демидова пришла телеграмма о том, что ее муж... умер. Телеграмму отправил он сам и причину этого открыл позднее, в письме дочери: «Бедная моя дочурка! Я был тогда в страшной дали, в огромной мрачной стране — тюрьме. Я не надеялся когда-нибудь выйти из этой тюрьмы. Был уверен, что погибну в ней. Мне показалось, что я только немного опережаю события, прикидываясь мертвым. Делал я это для того, чтобы избавить тебя и маму от своего существования, которое я считал для вас вредным... Ее мне обмануть не удалось».

В Центральной больнице УСВИТЛа Демидов встретился и подружился с Варламом Шаламовым, который называл своего друга одним из самых «умных людей, встреченных на Колыме». Демидов — прототип героя шаламовского рассказа «Житие инженера Кипреева», ему посвящена пьеса Шаламова «Анна Ивановна». Потом дороги их разошлись, чтобы спустя много лет снова пересечься: когда оба после освобождения обнаружились — Шаламов в Москве, а Демидов в Ухте. Завязалась переписка, возобновилось общение. Оказалось, что Демидов тоже запечатлел свой крестный путь в слове.

Сложность этой задачи он прекрасно понимал, понимал со всей беспощадностью к себе. Из письма Шаламову: «...Писатели — судьи времени» — выражение, требующее уточнения. Не всякий писатель может претендовать на такой титул. Я считал бы свою жизнь прожитой не зря, если бы был уверен, что буду одним из свидетелей на суде будущего над прошедшим. Но здесь, конечно, возникает много вопросов и сомнений. Что такое суд яйца над курицей?..»

В отличие от Шаламова литературное наследие Демидова еще не известно читателю, проза его не печаталась совсем. КГБ не выпускал его из поля зрения до самой смерти. В августе 1980 года одновременно в нескольких городах, у всех, у кого хранились его рукописи, и у него самого были произведены обыски, и все сочинения арестовали. Три романа, три повести, более двадцати рассказов и самое последнее, любимое детище — автобиографическую книгу «От рассвета до сумерек». Оборвали на полуслове. Протокол обыска почти на двадцати страницах — потрясающий документ наших социальных нравов, положения пишущего человека в «самой свободной стране». А незадолго до этого сгорела дача Демидова под Калугой, где хранились все черновики...

В семьдесят два года он остался без единой строки!

Хорошо, что у него есть дочь, по натуре похожая на отца. Рукописи Демидова были возвращены дочери уже после его смерти, совсем недавно, в результате упорных и длительных усилий, с помощью А. Н. Яковлева, ныне члена Президентского совета.

«Преступлений социального характера утаить от истории нельзя,— писал Демидов.— Они даже не шило в мешке. Скорее кусок расплавленной лавы, раскаленное ядро...»

Георгий ДЕМИДОВ

РАССКАЗ

ДУБАРЬ

Унылый звон «цынги», куска рельса, подвешенного на углу лагерной вахты, слабо донесся сквозь бревенчатые стены барака и толстый слой льда на его оконцах. Старик дневальный с трудом поднялся со своего чурбака перед железной печкой и поплелся между нарами, постукивая по ним кочергой: «Подъем, подъем, мужики!»

...Каждый, кому с крайним нежеланием приходилось подниматься спозаранку, знает, что после такого вставания можно довольно долго двигаться, что-то делать, даже произносить более или менее осмысленные фразы и все-таки еще не просыпаться окончательно. В лагере такое состояние повторяется изо дня в день, каждое утро и на протяжении многих лет. В результате вырабатывается еще одна особенность каторжанской психики, во многом и так отличной от психики свободного человека,— способность едва ли не в течение целых часов после подъема сохранять состояние полусна-полубодрствования. Вольно или невольно заключенные лагерей принудительного труда культивируют в себе эту способность, оттягивая полное пробуждение до крайнего возможного предела. Зимой таким пределом является выход на жестокий мороз. Но в более теплое время года некоторые лагерники умудряются оставаться в состоянии сомнамбул и на плацу во время развода, и даже на протяжении всего пути до места работы, хотя этот путь нередко измеряется целыми километрами. Это, конечно, своего рода рекорд. Но в той или иной степени таким образом ведут себя все без исключения люди, осужденные на долгий, подневольный и безрадостный труд. Притом даже в том случае, если норма официально дозволенного им ежесуточного сна сама по себе является достаточной.

Вот и сегодня мы привычно сопротивлялись наступлению настоящего бодрствования, не только когда слезали с нар и напяливали на себя свои изодранные и прожженные у лесных костров ватные доспехи, но даже когда протирали глаза пальцами, слегка смоченными водой из-под рукомойника. Каждый понимал, что с полным пробуждением приходит и отчетливое сознание действительности. А она заключалась в том, что очередной из бесконечной вереницы безликих, каторжных дней уже наступил, хотя сейчас только пять утра. И что он будет продолжаться бесконечно долго, пока около семи вечера мы, до изнеможения усталые, заиндевевшие и окоченевшие на жестоком морозе, снова свалимся в этот барак. И что на протяжении этого дня будет хождение и стояние под конвоем, тяжелая и осточертевшая работа в лесу, окрики и понукания... Что не раз, наверно, посетят горькое чувство бессилия и та злая тоска неволи, от которой захочется завыть и боднуть головой ближайший лиственничный ствол.

Вообще-то в подобных мыслях и настроениях, если судить о них беспристрастно, проявлялась наша черная неблагодарность своей лагерной судьбе. Ведь мы находились не в каком-нибудь из страшных лагерей дальстроевского «основного производства», а в лагере, обслуживающем сельское и рыболовецкое хозяйство. Мечте сотен тысяч колымских каторжников, загибавшихся на здешних приисках и рудниках, по условиям труда и быта мало чем отличавшихся от финикийских.

Наша ежедневная утренняя война за сохранение свинцовой притупленности чувств и мыслей и сегодня шла с переменным успехом. Пробежка по морозу в столовую за получением утренней хлебной пайки и миски баланды неизбежно отгоняла благодатное оцепенение. Но до выхода на развод обычно оставалось еще некоторое время. Уже в полном своем «обмундировании» все мы, как всегда, сгрудились у печки, чтобы запастись теплом на время стояния на плацу. И все, как всегда, стоя уснули.

«Цынга» завякала снова. Идеально дисциплинированные арестанты должны были, согласно лагерному уставу, «вылетать» на развод уже с первым ее ударом. Но такие арестанты существуют лишь в воображении составителей этих уставов. Реальные же заключенные даже в свирепых горных лагерях, где за «резину» с выходом из барака можно схлопотать добрый удар дубинкой, эту «резину» тянут. Особенно когда на дворе такой мороз, как сегодня. Судя по фонарям вокруг зоны, едва видным сквозь густой туман, и по колющему ощущению в легких, он перевалил сейчас далеко за пятьдесят. Здесь был крайний юг «района особого назначения». «Колымский Крым», как его называли заключенные. Но стоял уже март, время, когда даже в этом «Крыму» солнце поворачивает на лето, а зима на мороз. Для Дальнего Севера эта поговорка часто оказывается даже более верной, чем для мест, в которых она родилась.

В нашем благодатном лагере дубинка применялась редко, а в руках у теперешнего нарядчика Митьки Савина мы никогда ее не видели. Нарядчик, однако, всюду остается нарядчиком. Вот-вот он ворвется сюда, крепкий, краснорожий парень, и сквозь клубы морозного пара — дверь в барак Митька за собой не закроет — донесется его знакомое: «А вы тут что, мать вашу так и этак, особого приглашения дожидаетесь?» Но это и будет как раз то ежедневное, «особое приглашение», после которого тянуть «резину» с выходом более нельзя. Оно было здесь почти привычным и обязательным, как звон «цынги», вставание, хождение в столовую за хлебом и это вот унылое стояние у печки.

Митька вбежал стремительно, но дверь за собой почему-то закрыл. И вместо обычной, беззлобной брани — наш нарядчик был мужик неплохой, не чета придуркам-христопродавцам в горных лагерях — мы услышали от него неожиданное:

— Продолжай ночевать, мужики! День сегодня актированный...

Что ни говори, а лагерь Галаганных действительно курорт! В летнее время, конечно, и здесь ни о каких выходных не может быть и речи. Но зимой один-два таких дня выпадают почти в каждом месяце. Это, собственно, даже противозаконно, так как в те предвоенные годы свирепость ежовщины в местах заключения еще не была изжита и официально никаких дней отдыха для заключенных не полагалось круглый год. Отступления от этого правила делались только в лагерях подсобного производства, вроде нашего Галаганных, в периоды, когда не было никаких важных работ, да и то имея в виду главным образом санаторную функцию этих лагерей. Дело в том, что на здешние, легкие, по лагерным понятиям, работы ежегодно отправлялись для поправки уцелевшие дистрофики, доходяги с приисков и рудников Дальстроя. Они-то и составляли основную часть мужского населения подсоблагов, подлежащую возвращению основному производству после одного-двух лет «курорта». Если, конечно, дистрофические изменения у этих людей окажутся обратимыми, что бывало далеко не всегда. Постоянными жителями до конца срока в здешнем сельхозлаге были только женщины, старики и инвалиды.

Ежовско-бериевский запрет на выходные дни для лагеря обходили при помощи объявления их днями общей санитарной обработки, актированными по погодным условиям, как сегодня, или по необходимости произвести крупные внутризонные работы. Это была начальническая «ложь во спасение», но только наполовину. Редкий из таких дней обходился без вывода всех отдыхающих на заготовку дров для лагеря, уборку снега и тому подобные работы. Но это случалось обычно уже после обеда.

С утра же можно было поспать «от пуза», что и было главной реальной удачей наших выходных дней.

После Митькиного объявления угрюмое молчание в бараке сменилось радостным галдежом, оно было, как всегда, неожиданным. Лагерное начальство опасалось обвинения в запланированных поблажках для заключенных, большая часть которых была здесь «врагами народа». Но продолжался этот галдеж очень недолго, приглашать к продолжению сна дважды здесь никого не приходилось. Торопливо раздевшись, все снова улеглись на свои набитые сенной трухой или древесными опилками матрацы и через каких-нибудь пять минут спали. После «легких» работ на повале и раскряжевке даурской лиственницы, твердой на морозе, как дуб, и тяжелой, как камень, здешние «курортники» могли проспать вот так суток трое, делая перерывы разве что на обед. Впрочем, как уже говорилось, тут действовало еще и наше постоянное стремление уйти в сон при всякой, даже малейшей возможности.

Однако на этот раз я уснул менее крепко, чем обычно, и проснулся от дребезжания ведра, неловко опрокинутого дневальным. Лед на оконцах пунцово рдел от разгоравшейся над близким отсюда морем зари. Вот-вот должно было взойти солнце. Значит, со времени сигнала на развод прошло уже часа полтора. Спать можно было еще долго, даже если в обед нас куда-нибудь погонят. Повернувшись на другой бок, я начал приминать слежавшиеся опилки в своем матраце по форме уже этого бока. До нового изменения положения он будет казаться мягким. Я еще продолжал свою возню с неподатливым ложем, когда в барак вошел нарядчик. Вид у Савина был несколько смущенный, как у человека, явившегося с каким-то неприятным или щепетильным поручением, которые добрый малый очень не любил. Для кого-то из жителей барака это не предвещало ничего доброго. Не закончив скульптурной обработки своего матраца, я затих на нем, натянув на голову одеяло.

Посовещавшись о чем-то с дневальным, Митька пошел по проходу между нарами, пристально и озабоченно всматриваясь в лица спящих людей. Так и есть, он искал подходящий «лоб», а может быть, и несколько «лбов» для какой-то паскудной работенки внутри лагеря, вроде колки дров для кухни, таскания воды с речки или еще чего-нибудь в этом роде. Возможно, что я был не единственным человеком, кого разбудило загремевшее ведро. Но несомненно, что все такие, так же, как и я, еще плотнее закрыли глаза и засопели еще громче. Если уж и необходимо вкалывать в свой, в кои веки выпавший выходной день, так хоть не с утра по крайней мере!

Нарядчик остановился напротив места Спирина, бывшего колхозника из Вятской области. Чуть живого от изнурения, этого мужика привезли сюда прошлой осенью с небольшим этапом таких же доходяг. Как все пеpенесшие тяжелую форму дистрофии, Спирин долго не мог оправиться от животного страха перед голодом. Рискуя заночевать в карцере, он до совсем недавнего времени прятал под свой матрац куски выпрошенного, а то и украденного хлеба, съесть который сразу не мог. Теперь, правда, у бывшего доходяги голодный психоз начал уже проходить.

Митька долго дергал спящего за ногу, пока тот проснулся наконец и испуганно вскинулся:

— А? Чего?

— Каши «пульман» хочешь заработать? Во такой! — Нарядчик показал руками размер «пульмана», огромной миски, применяемой обычно для кухонных нужд. Какую-нибудь пару месяцев тому назад за такую миску овсяной каши Спирин согласился бы вкалывать до полуночи, даже после полного рабочего дня. На это, очевидно, и рассчитывал Савин. Он хотел найти добровольца на какую-то тяжелую работу. Но у нарядчика было право и просто приказать любому здесь выйти на любую хозяйственную работу, притом безо всякого обещания награды. А если назначенный им зэк начнет упрямиться, позвать дежурного комен-

данта по лагерю. С тем разговор короткий: или подчиняйся, или садись до утра в кондей [1]!

Практически, однако, применять такой способ придурки [2] стеснялись даже в горных лагерях. И какой же ты, к черту, нарядчик или староста, если без помощи надзирателя не можешь совладать с рядовым лагерником? Тем более неприличным было бы приглашение дежурного в барак смирных рогатиков [3], да еще со стороны в общем-то благожелательного и покладистого Митьки. Однако его расчет на приманку обильной жратвы для недавнего дистрофика тоже, видимо, не оправдывался. Спирин выслушал предложение нарядчика безо всякого энтузиазма, глядя на него хмуро и подозрительно:

— А чего делать-то надо?

Он, впрочем, не совсем еще проснулся. Вместо прямого ответа Савин ответил вопросом:

— Ты на прииске в похоронной бригаде кантовался?

Вопрос, очевидно, был задан в целях более тонкого подхода к главной теме начатого разговора. Но сделан он был явно неудачно, так как вятский нахмурился еще больше:

— Тебе бы такой кант! Говори, что надо?

Никогда не бывавший в лагерях-доходиловках, Митька допустил весьма неловкий ход. Бригады могильщиков, подчас весьма многочисленные, комплектовались из тех, кто уже не годился более для работы на полигоне и сам был кандидатом в дубари [4]. Однако и тон ответов нарядчику со стороны недавно смиренного доходяги был неожиданно грубым и непочтительным. Савин вспыхнул было, но сдержался:

— Могилу, понимаешь, надо вырыть! Сегодня ночью в больнице какой-то штымп [5] врезал...

Худшего предисловия к такому предложению нельзя было и придумать. Спирин ответил еще более грубо и зло:

— Пустой твой номер! Не буду я никакой могилы копать...

Он снова улегся на своих нарах и демонстративно натянул на голову одеяло. И без того красное лицо Савина побагровело. Слабину почувствовал чертов штымп! После горного, где за такую непочтительность к нарядчику тут же дрына схватил бы, смирный был, а теперь гляди, как обнаглел... Митька украдкой огляделся, не видит ли кто его конфуза. Однако храп и сопение вокруг были всеобщими и дружными. Сладив кое-как с раздражением и досадой, он опять подергал за ногу несговорчивого вятского:

— Слышь, Спирин! Выроешь яму — завтра целый день отгула получишь... На работу не погоню, свободы не видать!..

Наш благодушный нарядчик корчил из себя этакого шибко блатного, хотя сидел за мелкую растрату в захудалом сельпо.

Однако даже обещание круглосуточного сна в дополнение к каше не соблазнило Спирина. Он только еще выше натянул на голову свое куцее одеяло, так, что оголились ноги. Чтобы закрыть их, вятский должен был поджать острые коленки к животу.

— С дежурняком выведу! — вскипел нарядчик.

Однако упрямый мужик повторил, приподнявшись:

— Говорю, пустой твой номер! Не знаешь, что ли, что грыжа у меня на повале объявилась... А не знаешь, так у лекпома спроси!

Савин закусил губу. Он просто забыл, что уже с месяц, как Спирин, хотя он и продолжает числиться в бригаде лесорубов, занимается в лесу только работами не бей лежачего, вроде сжигания сучьев и отгребания снега от деревьев, спиливать которые будут другие. Грыжа в лагере — это редкостная удача, от нее и не помрешь, и ни на какие сколько-нибудь тяжелые работы не пошлют, даже в горных. Отсюда, конечно, и проистекает наглое поведение недавно смирного мужичонки... Махнув рукой, нарядчик отошел от его места и снова принялся шарить глазами по нарам, но теперь уже более решительно и зло. За непочтительность с ним Спирина кому-то, видимо, придется отдуваться. Хмуро поводив глазами вокруг, Савин остановил свой взгляд на мне. Я плотно зажмурил прищуренный до этого глаза, но тут же почувствовал прикосновение Митькиной руки. Было очевидно, что мой сегодняшний выходной пропал. У меня не было ни спасительной грыжи, ни почтенного возраста, ни даже обыкновенной «слабосиловки». На таких, как я, в лагере полагалось пахать, и сослаться для оправдания отказа рыть кому-то могилу мне было решительно не на что. При других обстоятельствах можно было бы рассчитывать на свойственное многим деревенским некоторое уважение к образованности. Но сейчас Митька был зол и вряд ли потерпел бы новые препирательства. Поэтому я не стал даже прикидываться, что не знаю, в чем дело, а сразу же встал и начал зло натягивать на себя свои драные шмутки, отводя душу руганью. И угораздил же черт этого дубаря загнуться именно сегодня! Кстати, кто он такой?

Нарядчик, оказывается, этого не знал. Час тому назад начальник лагеря приказал по телефону нарядить одного из отдыхающих заключенных на рытье могилы. Кто такой этот дубарь и откуда попал в нашу больницу, Митька мог только предполагать. Скорее всего его привезли из какой-нибудь дальней, рыболовецкой или лесной командировки [6]. Из находившихся в местной больничке заключенных нашего лагеря ни одного кандидата в покойники как будто не было.

Злобствуя по адресу так некстати подвернувшегося дубаря, я не заметил сначала, что Савин дожидается, пока я оденусь, даже и не думая подыскивать мне напарника. Может, он уже нашел кого-нибудь в другом бараке? Оказалось, нет, ему приказано послать на кладбище только одного землекопа. Я изумился: как одного? Могила — это здоровенная яма сечением ноль шесть на два метра и два метра глубиной! В долине Товуя, где находится наше кладбище, грунт — глина вперемешку с речной галькой. Когда такая смесь замерзает, то становится прочней бетона. А мерзлая она сейчас на всю глубину ямы, так как промерзание сверху сомкнулось с вечной мерзлотой снизу. Работы там по крайней мере на две полные дневные нормы для двух землекопов! В одиночку до наступления темноты мне вряд ли удастся выбить могилу в приречной мерзлятине больше чем на третью часть ее должной глубины...

Савин и сам понимал все эти соображения, но на мои вопросы только пожимал плечами: приказано выделить одного могильщика... Начальник сказал это ясно и добавил, чтоб завтра же этому человеку предоставить отгул...

Все было похоже на какое-то недоразумение. О каком отгуле завтра могла идти речь, если один человек провозится с ямой на кладбище по крайней мере два дня! А если так, то к чему такая срочность? Да и вообще сейчас зима, и покойник в мертвецкой больницы может ждать погребения хоть до самой весны. Его, конечно, туда уже вынесли. Сегодня воскресенье, и у вольных тоже выходной. Выходной он и у нашей спецчасти, которая оформляет умерших лагерников в «архив-три» [7]. Займется она этим только завтра, когда дубарь совсем окоченеет. Но без отпечатков пальцев, снятых с уже умершего человека, его в этот архив зачислить нельзя, будь он мертв хоть трижды. Для одной только «игры на рояле» [8] мертвое тело придется отогревать при комнатной температуре больше суток... Получалась какая-то чепуха. Может быть, все-таки Савин что-нибудь напутал? А насчет завтрашнего отгула, обещанного якобы начальником, он просто соврал для большей убедительности? Но Митька божился, что не врет: свободы не видать! Хорошо, если так! А то ведь обещание заключенного нарядчика вовсе не закон для какого-нибудь Осипенко. Это был самый противный из здешних дежурных надзирателей, «комендантов», как их тут называли. Сколько раз уже бывало при утреннем обходе: «А этот почему в бараке окалачивается?» — «Отгуливает за вчерашнюю работу, гражданин комендант!» — «Ничего не знаю»...

Чтобы умерить мое сожаление об оставленных нарах, Митька сказал, когда вдвоем с ним мы выходили из барака:

— Ты особенно не расстраивайся! Этим,— он показал через плечо на дверь,— спать только до двенадцати. С обеда приказано всех на «длясэбные» работы выгонять, будете от зонного ограждения снег отбрасывать. Вон сколько его навалило...

«Длясэбными» в нашем лагере назывались работы, которые мы выполняли летом после четырнадцатичасового рабочего дня, а зимой в такие вот редкие и куцые выходные дни. Надзиратель Осипенко, возмущаясь вялостью, с которой заключенные копошились на этих работах, ругался и говорил: «Ну цо вы за народ? Для сэбэ и то робить не хочете!..» Так как в сверхурочном порядке нам чаще всего приходилось заниматься такими делами, как рытье ям под новые столбы для колючей проволоки, выпрямление покосившейся вышки или ремонт карцера, самое непосредственное отношение к нам которых действительно не вызывало сомнения, то их и прозвали «длясэбными». Заодно прозвище «Длясэбэ» получил и сам Осипенко.

Савин выдал мне лом, кирку и лопату и посоветовал не слишком уж строго придерживаться при рытье могилы ее официально установленных размеров, особенно по длине и ширине. С тех пор как вышел приказ хоронить умерших в заключении без «бушлатов», прежней необходимости в соблюдении полных габаритов лагерных могил более нет. Митька имел в виду «деревянные бушлаты» — подобие гробов, в которых умерших лагерников хоронили до прошлого года. И хотя эти гробы сколачивались обычно всего из нескольких старых горбылей, гулаговское начальство в Москве и их сочло для арестантов излишней роскошью. Согласно новой инструкции по лагерным погребениям, достаточно для них и двух старых мешков. Один нахлобучивается на покойника со стороны головы, другой — с ног, и оба этих мешка сшиваются по кромке. Даже если труп принадлежит какому-нибудь верзиле, то и такой не предъявит претензии, если его положат на бок или слегка подогнут ему колени. С точки зрения могильщика, новую погребальную инструкцию Главного Управления можно было только приветствовать.

Проводив меня через вахту, нарядчик передал мне еще один приказ начальника лагеря: по дороге на кладбище зайти в лагерную больницу и обратиться зачем-то к дежурному санитару. Зачем именно, Савин не знал, но высказал предположение, что в больнице я получу указание, в каком месте кладбища рыть могилу и как ее ориентировать. Дело это серьезное. Могилы заключенных всегда располагаются в строго определенном направлении и наносятся на план, хранящийся в спецчасти лагеря. Завернуть в лагерную больничку труда не составляло, она находилась сразу же за зоной по дороге к кладбищу. Проходя мимо этой зоны и глядя на ее ограждение, заметенное снегом чуть не до высоко поднятых на ногах-раскоряках будок часовых, я подумал, что, может быть, и в самом деле выгадываю, отправляясь рыть могилу. Если обещание отгула за эту работу и в самом деле исходит от самого начлага, то целодневный сон послезавтра возместит мне потерю полуденного отдыха сегодня. Тем более что работа на очистке зоны от снега тоже не мед и ее хватит до позднего вечера.

Наша больница, небольшой неохраняемый барак, расположилась на самом краю здешнего поселка вольных. Она была построена до вступления в силу нынешних лагерных уставов, основанных на принципе, что заключенный — это непременно или опасный враг народа, или неисправимый жулик. Впрочем, в нашем Галаганных от сочетания прежнего лагерного либерализма и нынешней суровости случались и куда более удивительные примеры непоследовательности в охране заключенных.

На мой стук в дверь больнички вышел дежурный санитар. Я хорошо знал этого хитроватого темнилу [9] Митина. До заключения он был следователем по уголовным делам и отличался удивительной способностью чуть не во всех действиях и поступках окружающих усматривать какой-то мелкий, низменный практицизм.

— С отгулом? — спросил он меня, поздоровавшись.

— Савин говорит, что обещал начальник,— пожал я плечами.

— Тогда тебе повезло! Работенка-то не бей лежачего.

— Это три куба мерзлотины выбить — не бей лежачего?!

— Каких там три куба? Да сейчас сам увидишь. Пошли в морг!

Санитар открыл маленький дощатый сарайчик, стоявший чуть поодаль от больничного барака и снаружи ничем не отличавшийся от обычного дровяного. Но внутри этого сарайчика на вбитых в землю кольях возвышались два сколоченных из горбыля настила. Они напоминали узкие и высокие столы. Один из этих столов был пуст, поперек другого лежал небольшой сверток, сделанный, по-видимому, из обрывка старой простыни.

— Вот, принимай своего дубаря! — провозгласил Митин, протягивая мне сверток с таким видом, с каким вручают имениннику приятный сюрприз-подарок.— Сегодня ты не только могильщик, но и похоронщик...

---

[1] **Кондей — карцер.**

[2] **Придурок — заключенный, устроившийся на более легкую работу в лагере.**

[3] **Рогатик — безотказный работяга.**

[4] **Дубарь — покойник, труп.**

[5] **Штымп — то же, что и фрайер, но с оттенком презрительности. Обычно штымп — это малоразвитый, не бывалый человек.**

[6] **Командировка — небольшое лагерное подразделение.**

[7] **Архив-три — архив № 3, реестр лиц, умерших в заключении.**

[8] **«Игра на рояле» — снятие отпечатков пальцев.**

[9] **Темнила — заключенный, под разными предлогами уклоняющийся от работы или выполняющий работу, не соответствующую его возможностям.**

Я принял легонький пакет с недоумением: что это? В белую тряпку было завернуто что-то твердое и продолговатое, напоминающее на ощупь небольшую статуэтку. Поняв, что это, я вздрогнул от неожиданности: мертвый ребенок!

— Одна из нашей жензоны родила ночью,— пояснил довольный моим изумлением Митин.— Прошлым летом на сенокосе нагуляла. Да недоносила месяц, всего часа четыре только и пожил.

Я держал сверток одной рукой на отлете, испытывая к его содержимому чувство невольной брезгливости. Мысль о выкидыше вызывала у меня представление о чем-то уродливом и отталкивающем, а что-то в этом роде было и здесь. Впрочем, трупик несчастного недоноска был сейчас заморожен. Места же на кладбище понадобится для него немногим больше, чем для котенка. Соответственно пустяковой должна быть и глубина могилы. Митин, кажется, прав, и мне сегодня действительно повезло. Особенно если я получу обещанный отгул завтра.

— Допер теперь, почему работенка блатная? — спросил меня довольный Митин.— А то — «три куба»! Тут и половины куба много будет...— Он взялся за ручку щелястой двери сарайчика.— Вот и все, дуй теперь с ним на кладбище! Да только не на вольное, гляди! Потомственному крепостному[10] на нем не место.

В шутливой форме санитар меня предупреждал, видимо, чтобы я, соблазнившись близостью поселкового кладбища, не поленился тащить трупик на более отдаленное лагерное. Я и не думал этого делать, но шутка Митина навела меня на мысль, что покойный младенец и в самом деле имеет право быть погребенным не на тюремном кладбище.

— А что, разве его в архив-три занесут? — сердито спросил я бывшего следователя.

Но он счел за благо сделать вид, что принял мой вопрос за ответную шутку, осклабился и отрицательно покрутил головой:

— В архив наш дубарь еще не годится, на рояле играть не умеет.

Потом Митин посерьезнел и понизил голос, хотя ни в сарае, ни вокруг сарая никого не было:

— Между нами... Начлаг с доктором договорились через загс этого рождения не оформлять... В историю болезни роженицы будет записано, что ей произведена эмбриотомия. Это когда плод по кускам извлекают, понял?

Я утвердительно кивнул: дело понятное. Больнице не нужен лишний случай летального исхода в ее стенах, лагерю — лишнее свидетельство недостаточно строгого соблюдения режима заключения. Любовная связь между лагерниками и лагерницами категорически запрещена. Не должно быть, следовательно, и ни одного случая деторождения. Но это в теории. На практике же в смешанных лагерях добиться такого положения невозможно. Поэтому существовало нечто вроде негласного и неофициального предела числа деторождений на каждую сотню заключенных женщин. Превышение этого предела являлось одним из самых отрицательных показателей работы лагерного надзора, особенно не нравившихся вышестоящему начальству. И не только из ханжеских или чисто тюремщицких соображений. К ним примешивался еще и бухгалтерский меркантильный интерес. Дело в том, что прижитые в лагере дети воспитывались в специальных приютах, содержавшихся за счет бюджета соответствующего лагерного управления. И как ни жалки были эти инкубаторы для сирот при живых еще родителях, они, требуя известных расходов, ухудшали показатели финансового плана лагуправлений со всеми последствиями для премий руководящему персоналу. Отсюда в немалой степени вытекал и интерес лагерного начальства к нравственности своих подопечных. Возможно, что сокрытие появления на свет очередного инкубаторного ребенка, в котором участвовал и я, решало вопрос: в пределах ли нормы или за этими пределами находятся показатели добродетели безбрачия в нашем лагере, скажем, за текущий квартал.

Когда я, зажав под мышкой пакет с маленьким покойником, взваливал на плечо свои громоздкие инструменты землекопа, Митин, снова оглядевшись и понизив голос, хотя никого кругом по-прежнему не было, сказал еще более доверительным тоном, чем прежде:

— Доктор приказал мне проверить потом, не затуфтил ли похоронщик? Люди, знаете, у нас всякие. Иной зароет дубарика в снег, а весной может неприятность получиться. Ну, на тебя-то я надеюсь...

Вряд ли ему кто-нибудь давал такое поручение. Просто хитрец делал мне новое замаскированное предупреждение. Этому человеку, возможно, в результате его профессиональной практики всегда казалось, что если кто-нибудь может злоупотребить своей бесконтрольностью, то он непременно это сделает. В общем-то неплохой и по-своему неглупый мужик, Митин, хотя и довольно благодушно, подозревал всех в плутовстве. Меня это злило и вызывало желание треснуть по ухмыляющейся физиономии санитара своим свертком. Но я только буркнул:

— Надежда — мать дураков! — и пошел по дороге, ведущей вдоль реки к морскому берегу.

Солнце уже взошло, и время утреннего температурного минимума заканчивалось. Это было видно и по морозному туману, который на берегу уже почти рассеялся. Однако над морем, точнее, над прибрежными льдинами, он продолжал еще клубиться, как дым, образуя подобие рваной розовой завесы. Солнечный диск сквозь эту завесу казался совсем маленьким и густо-красным. Но когда он становился видным сквозь одну из ее прорех, то оказывалось, что этот диск огромный, гораздо больше обычного размера, а цвет у него желто-оранжевый, тоже не очень яркий. В зависимости от того, находилось ли солнце за туманом или выглядывало сквозь его прорехи, менялись и длинные тени на снегу. Они становились то черно-синими, с резко очерченными краями, то жухловато-серыми и размытыми.

Справа от дороги белел покрытый снегом широченный здесь Товуй. Его ровную, как стол, поверхность пересекали местами ломаные линии метельных заструг. За рекой на фоне удивительно чистого в этой стороне, нежно-синего и холодного неба тонко прочерчивались розоватые контуры заснеженных сопок.

До моря отсюда было не более полутора-двух километров. На самом его берегу стояли не видные отсюда, за поворотом дороги, склады соленой рыбы. На лагерное кладбище надо было свернуть, немного не доходя до этого поворота, в противоположную сторону. Оно расположилось под прибрежной сопкой, довольно пологой со стороны реки, но круто спускавшейся к морю. Другая, почти такая же сопка возвышалась на противоположном краю широкой речной долины. С моря эти два угрюмых конуса служили хорошим ориентиром для моряков-каботажников для ввода по приливу в устье Товуя морских барж, направлявшихся в наш Галаганных.

Из-за поворота дороги неожиданно показался надзиратель Осипенко, шедший мне навстречу. Бегал, наверно, на рыбные склады проверять, на месте ли сторожа из заключенных. А главное: не гостит ли у них кто-нибудь из приятелей, явившихся сюда с целью стащить или выпросить рыбину? Вряд ли всякий другой из наших легендарных надзирателей поперся бы сюда в такой мороз ради сомнительной возможности кого-то на чем-то изловить, хотя это и входило в их обязанности. Другое дело — Осипенко. Постоянное усердие, иногда не по разуму, отличало этого туповатого, вохровского служаку.

То, что он дежурит сегодня,— хорошо. Не будет дежурить завтра, а это увеличивает мои шансы на спокойный отдых. Однако встречаться с этим болваном Длясэбэ мне не хотелось даже сейчас, хотя придраться ему, казалось бы, и не к чему. Но со своими обычными вопросами «Куда идешь?» и «Чего несешь?» он непременно пристанет. И я ускорил шаг, чтобы поскорее свернуть на чуть заметную боковую дорожку на кладбище и избежать неприятной встречи с Длясэбэ нос к носу. Но я успел сделать по этой дорожке только несколько шагов, когда услышал его окрик:

— Стой! — Комендант жестом издали приказал мне остановиться и вернуться на дорогу.— Куда идешь? — спросил он, подходя.

Направление пути и мои инструменты могильщика отвечали на этот вопрос достаточно красноречиво. Но мало ли что? Ведь кирку, лопату и пудовый лом арестант может тащить и просто «с понтом», только для отвода надзирательских глаз! В действительности же направляться на вожделенные склады с каким-то подношением для тамошних сторожей. «Недоверие к заключенному — высшая добродетель тюремщика!» — патетически восклицал мой сосед по нарам, бывший учитель истории, перефразируя известное выражение Робеспьера о революционных добродетелях.

Когда я ответил надзирателю, что вот на кладбище иду копать могилу, последовал неизбежный второй вопрос:

— А несешь чего? — А за ним и приказание:— А ну покажь!

Преодолевая досаду и заранее возникшее отвращение к тому, что я увижу сейчас, я развернул простыню и обнажил верхнюю половину тельца своего покойника.

По моим тогдашним представлениям все без исключения новорожденные были морщинистыми, дрябловатыми комочками живого мяса, дурно пахнущими и непрерывно орущими. Смерть и мороз должны были ликвидировать большую часть этих неприятных качеств. Но оставался еще внешний вид, который у недоноска, вероятно, еще хуже, чем у нормального ребенка.

Контраст между этим ожидаемым и тем, что я увидел, был так велик, что в первое мгновение у меня возникло чувство, о котором принято говорить как о неверии собственным глазам. А когда оно прошло, то сменилось более сложным чувством, состоящим из ощущения вины перед мертвым ребенком и чем-то еще, давно уже не испытанным, но бесконечно теплым, трогательным и нежным.

Желтовато-розовое в оранжевых лучах полярного солнца, крохотное тельце казалось сверкающе чистым. И настолько живым и теплым, что нужно было преодолевать в себе желание укрыть его от холода.

Голова ребенка на полной шейке с глубокой младенческой складкой была откинута немного назад и повернута чуть вбок, глаза плотно закрыты. Младенец казался уснувшим и улыбающимся чуть приоткрытым беззубым ртом. Во внешности этой статуэтки из тончайших органических тканей, которые мороз сохранил в точности такими, какими они были в момент бессознательной и, очевидно, безболезненной кончины маленького человеческого существа, не было решительно ничего от страдания и смерти. Я, наверно, нисколько не удивился бы тогда, если бы закрытые веки мертвого ребенка вдруг дрогнули, а его ротик растянулся еще больше в улыбке неосознанного блаженства.

Длясэбэ на некоторое время уставился на маленького покойника с каким-то испугом. Потом он сделал рукой жест от себя, с которым произносили, наверно, что-нибудь вроде: «Чур-чур меня!» — и, круто повернувшись, зашагал прочь.

А я, несмотря на жестокий мороз, долго еще стоял и смотрел на мертвое тельце, положенное мною на снег. Под заскорузлым панцирем душевной грубости, наслоенной уже долгими годами беспросветного и жестокого арестантского житья, шевельнулась глубоко погребенная нежность. Видение из другого, почти забытого уже мира разбудило во мне многое, казавшееся давно отмершим, как бы упраздненным за ненадобностью. Было тут, наверное, и неудовлетворенное чувство отцовства, и смутная память о собственном, рано оборвавшемся детстве. Хлынув из каких-то тайных, душевных родников, они разом растопили и смыли ледяную плотину наносной черствости. Теперь не только грубое слово, но даже грубая мысль в присутствии моего покойника показалась бы мне оскорбительной, почти кощунственной.

Осторожно, как будто опасаясь его разбудить, я снова завернул мертвого ребенка в его тряпку и понес свой сверток дальше, на кладбище. Но уже не так, как нес его до сих пор, небрежно и безразлично, а как носят детей мужчины, бережно, но неловко прижимая их к груди. Было очень нелегко тащить в гору по непротоптанному снегу тяжелый, раскатывающийся на плече инструмент. Но я предпочитал доставать из-под глубокого снега то и дело сваливающийся лом, чем подхватывать этот лом рукой, занятой покойным младенцем.

Ближе к кладбищу снег становился еще глубже, так как здесь, на краю долины, выступы сопок задерживали его от сдувания в море. Все чаще приходилось останавливаться и отдыхать. И всякий раз при этом я отворачивал простыню и подолгу глядел на лицо ребенка. Маленький покойник парадоксально напоминал мне о жизни. О том, что где-то, пускай в бесконечной дали, эта жизнь продолжается. Что люди свободно зачинают и рожают детей, а те платят своим матерям и отцам такими вот улыбками еще не осознавших себя, но тем более счастливых существ. Есть, наверно, такая жизнь и ближе, даже, может быть, совсем рядом. Но и на ней здесь лежит все очерняющая, все опорочивающая и искажающая тень каторги.

[10] **Крепостной — заключенный.**

Мне очень хотелось прикоснуться к коже ребенка, казавшейся теплой и атласно мягкой. Но я знал, что будет ощущение не тепла, а холодного, полированного камня, которое разрушит желанную иллюзию. И усилием воли заставлял себя не поддаваться этому соблазну.

Кладбище нашего сельхозлага, хотя оно принимало в себя немало жертв других здешних лагерей, ни по занимаемой им площади, ни по числу погребений не шло ни в какое сравнение с кладбищами при каторжных приисках и рудниках. Там число мертвых почти всегда во много раз превышает число еще живых заключенных. Здесь же место, отведенное под могилы умерших в заключении, занимало на самом низу склона сопки лишь небольшую площадку. Со стороны моря она была ограничена крутым обрывом к широкой полосе прибрежной гальки. В прилив море заливало эту полосу, в отлив отступало на добрый километр к горизонту. В первые месяцы зимы здесь ежегодно идет жестокая война между морозом и морем. В периоды относительного затишья мороз сковывает воду. Приливы и штормы ломают лед, но непрерывно крепчающие холода снова спаивают их в огромные и неровные ледяные поля, которые снова ломают сильнейшие осенние штормы. В конце концов поле битвы неизменно остается за морозами, а море отступает куда-то за линию горизонта. Но представляет собой это поле спаянный в сплошной массив битый лед, густо ощетинившийся скоплениями торосов.

Надо было точно знать, где находится наше кладбище, чтобы отличить его зимой от всякого другого места на склоне сопки. Ряды низеньких, продолговатых бугров едва угадывались теперь под толстым слоем снега, засыпавшего их выше лагерных «эпитафий», больших фанерных бирок, величиной с тетрадный лист, укрепленных на каждой могиле на небольшом деревянном колышке. Химическим карандашом на фанерках были выписаны «установочные данные» покойных, тот тюремный полушифр, в котором тут всегда сконцентрирована трагедия целой человеческой жизни. Однако сейчас на всем кладбище, да и то лишь частично, виднелась поверх снежных сугробов только одна из этих «эпитафий». Она была установлена на могиле, расположившейся почти на самом краю обрыва. Ветер с моря сдул вокруг нее снег и обнажил фиолетовые цифры. Они сильно расплылись от осенних дождей, и разобрать можно было только цифры — 58-9 и 15. Этого было, однако, достаточно, чтобы понять, что погребенный здесь человек осужден за контрреволюционную диверсию на пятнадцать лет заключения. Судя по этим данным и относительной свежести надписи, это был один из товарищей Спирина, голодное изнурение которого дошло уже до необратимой стадии «Д-3», и он, полежав в нашей больнице месяца полтора, умер. Про него еще говорили, что он «остался должен» прокурору больше двенадцати лет.

Однако вопрос об этом человеке и его «долге» был сейчас праздным. Надо было высмотреть место для могилки. Да вот, хотя бы здесь, рядом с могилой диверсанта, на самом краю каторжной колымской земли.

Своего покойника я решил положить головой к морю, хотя это и не по правилам, все покойники здесь лежат в другом направлении. Но гулаговские правила для него ведь и не обязательны. Не нужна над ним и фанерная «эпитафия», повествующая о преступных деяниях покойного, действительных или выдуманных. Никакой, даже самый дотошный прокурор не смог бы сочинить такой «эпитафии» для младенца, вообще не совершившего никаких еще деяний. Формально он не существовал ни одной секунды из тех часов, которые прожил, и не имел даже имени.

Жизнь этого противозаконно появившегося на свет новорожденного не была нужна никому, даже его матери. «Оторва!» — махнул рукой по ее адресу Митин. На этот раз он был скорее всего прав. Женщины — профессиональные уголовницы — существа, обычно совсем опустившиеся. Даже когда их освобождают из лагеря именно потому, что они матери малолетних детей, далеко не все из них забирают из «инкубаторов» своих ребятишек. И уж подавно никогда почти не интересуются ими, не только оставаясь, но и заканчивая свой срок. Мне случалось видеть этих несчастных, полуголодных, одетых в убогую, пошитую из лагерного утиля одежонку детей, явившихся на свет только благодаря надзирательскому недосмотру. Для начальства они являются всего лишь нахлебниками бюджета, нежелательным, побочным продуктом существования лагеря и досадным живым укором этому начальству за его различные упущения.

Однако у тех из прижитых в заключении детей, которые зарегистрированы как новоявленные граждане Советского государства, всегда числятся формально известными не только их матери, но и отцы. Регистрация новорожденных проводится через спецчасть лагеря, а та настойчиво требует от «мамок», чтобы они непременно назвали отца ребенка, пусть только предполагаемого. Оставлять незаполненной графу об отцовстве лагерного ребенка значило бы расписаться уже не в одном, а в двух упущениях. Впрочем, особых осложнений тут никогда не возникало. Мужчины-лагерники, которых нередко, совершенно для них неожиданно, производили в отцовское звание, почти никогда против этого не протестовали. Дело в том, что оно решительно ни к чему их не обязывало, ни теперь, ни потом, кроме, правда, трехдневной отсидки в карцере за противоуставную связь с женщиной. Оставить такую связь безнаказанной лагерное начальство прав не имело. А поскольку факт рождения ребенка выдавал виновного в этом проступке с поличным, то счастливый папаша расписывался одновременно на двух бумагах — акте о рождении нового человека и приказе о водворении отца этого человека в лагерный кондей. За всю историю нашего Галаганных всерьез принял свое отцовство только один заключенный. Это был жулик из Одессы, еврей по национальности, по блатному прозвищу, как водится, «Жид». Отсидев после рождения в лагерной больнице своего сына положенные трое суток, отец выпросил его у матери через дневальную барака мамок-кормилок и демонстративно прошелся с ним по двору лагерной зоны. Встретив начальника лагеря, Жид смиренно снял перед ним картуз и от имени своих родителей пригласил его в гости, в Одессу. Сам он принять дорогого гостя пока не может, но старики-де, уверял бывший фармазон с пересыпского базара, будут рады приветствовать человека, официальным приказом по лагерю отметившего рождение их внука. Однако начлаг не оценил ни остроумия, ни вежливости Жида, и тот снова отправился ночевать в «хитрый домик», в дальнем углу зоны.

Я расчистил снег на месте будущей ямы и собрал его в небольшую кучку, несколько поодаль от этой ямы. Снова отвернул простыню от лица своего покойника и положил его на склон снежного холмика таким образом, чтобы видеть ребенка во время работы.

Как я и предполагал, промерзший грунт речной долины по крепости мало уступал бетону. Даже незамерзшая смесь каменной гальки и глины — настоящее проклятие для землекопа. Сейчас же лом и кирка то высекали искры из обкатанных камешков кварца, гранита и базальта, то увязали в сцементировавшей их глине. Ямка была всего по колено, когда я, несмотря на жгучий мороз, снял свой бушлат и продолжал работу в одной телогрейке.

Для погребения маленького тельца этой ямки было бы уже достаточно, но я упорно продолжал долбить неподатливый грунт, пока не выдолбил могилку почти в метр глубиной. Затем в одной из ее стенок я сделал углубление наподобие небольшого грота. Покончив с этим, взобрался высоко на склон заснеженной сопки, туда, где должны были находиться заросли, сейчас их правильнее было бы назвать залежами кедра-стланика. Отрыл их, нарубил лопатой хвойных ярко-зеленых веток и спустился с ними вниз. Долго и тщательно выкладывал этими ветками дно и стенки гротика. Затем, в последний раз поглядев на лицо ребенка, закрыл его простыней и положил трупик на ветки. Ветками покрупнее заложил отверстие грота и засыпал яму. Кропотливо и старательно пытался потом придать рассыпающейся кучке мерзлой глины с катышем гладкой гальки вид аккуратной, усеченной пирамиды.

Несмотря на привычку к тяжелой, ломовой работе, я устал. Надел свой бушлат и присел рядом, на могилу диверсанта. Я так долго возился с погребением, что недлинный мартовский день уже приближался к концу.

На краю заснеженного обрыва темнел насыпанный мною бурый холмик. Внизу расстилалось замерзшее море, до самого горизонта покрытое торосами. Ледяные плиты, местами высотой в два и более человеческих роста, то раскидывались наподобие веера, то длинными грядами вздыбливались почти вертикально, напоминая остатки срытых крепостных стен, то беспорядочно громоздились огромными грудами, как разрушенные землетрясением здания. Налипший на торосах снег розовел под лучами совсем уже низкого солнца. На местах сравнительно свежих изломов лед отливал глубокой зеленью, как вода в омуте, а тени его высоких осколков на розоватом снегу казались сейчас почти синими.

Стояла глубокая, торжественная тишина. Наверно, такой глубокой она бывает еще на застывших планетах. Должно быть, и там вот так же величаво плывет над хаосом мертвой материи неяркое, потухающее светило.

Неправдоподобно огромный оранжевый диск солнца почти уже касался горизонта своим нижним краем, готовясь закатиться за него по-арктически медленно. Чистое, бледно-розовое небо через неуловимые цветовые переходы постепенно становилось светло-синим. Только здесь, в этих неприютных северных краях, оно бывает таким нежным, таким чистым и таким равнодушным к человеку. Конечно же, я не в первый раз видел этот первозданный пейзаж, в котором и прежде замечал что-то от холодного величия космоса. Однако только сейчас закат над полярным морем вызвал у меня не только мысль, но и как бы чувство суровой гармонии мира. Мне казалось, что я ощущаю беспредельность и холод пространства, в котором движется наша планета, и его равнодушие к тому эфемерному и преходящему, что возникает иногда в глухих уголках Вселенной и зовется жизнью. Жалкая и уродливая, она всего лишь плесень, которая ждет своего часа, чтобы быть навсегда уничтоженной мертвыми, равнодушными силами природы.

Но тут же во мне возник протест против этого пессимистического вывода, навеянного созерцанием впечатляющей картины царства холода. Жизнь только кажется скромной и сирой по сравнению с враждебными ей силами. Однако выстояла же она против этих сил и даже сумела развиться до степени разумного сознания, как бы отразившего в себе всю необъятную Вселенную. И это только начало! Несмотря на присущие всякому развитию тяжелые детские болезни, именно разумным формам жизни, а не мертвой материи будет принадлежать в конце концов главенствующее положение в мире!

Могильщиков с легкой руки Шекспира исстари принято считать чуть ли не профессиональными философами. Это сомнительное мнение было бы, вероятно, ближе к истине, если бы профессию погребателя, как и все другие профессии, люди себе выбирали. А что касается строя мыслей случайных ее обладателей, то он, как правило, такой же, как и у остальных людей, во всяком случае, я не наблюдал какого-либо воздействия профессии могильщика на психологию тех, кто даже очень подолгу работал в похоронных бригадах. Постоянно обслуживая смерть, они, как и все, постоянно думали и говорили о жизни, причем в самых прозаических ее проявлениях, вроде лагерной пайки, баланды и сна на барачных нарах. Впрочем, даже те из них, кто обладал философским складом ума, памятуя о враждебно-насмешливой настроенности лагеря к сентиментальному философствованию, вряд ли могли быть так же велеречивы, как знаменитый могильщик из «Гамлета». Вот и я, например, никому здесь не признаюсь, что расчувствовался при виде маленького дубаря, а зарыв его, думал не о миске дополнительной баланды, которую получу сегодня за эту работу, а о путях мироздания. Тем более что и высокому строю своих мыслей, и торжественному настроению, с которым я наблюдал закат над арктическими льдами, я был обязан случайности. Не встреть меня по дороге сюда надзиратель Осипенко и не заставь развернуть перед собой моего свертка, я ни за что бы не сделал этого по собственному почину. И давно бы уже наспех и как попало зарыл бы в землю этот сверток, заботясь только о том, чтобы его не вымыли вешние воды или не разрыли ездовые собаки. А закончив работу, поспешил бы в лагерь, думая, что пофартило мне все-таки здорово. Заработать целый день отдыха за каких-нибудь два-три часа работы удается нечасто. Если, конечно, нарядчик не врет, что этот отдых обещан мне самим начальником.

Несколько ослабевший днем мороз начал крепчать снова, и теперь плохо помогал даже бушлат. Да и вообще было уже пора уходить отсюда, тем более что с раннего утра я сегодня ничего не ел и мысль об обогреве и сытном ужине начала заслонять собой все остальное. И все же мне хотелось сделать для погребенного ребенка что-то еще. Повинуясь этому

желанию, я сбил киркой лопату с ее черенка и той же киркой перебил этот черенок на две неравные части. Затем вытащил веревочку из одного из своих ЧТЗ[11] и крест-накрест связал обломки палки. Импровизированный крест я воткнул в могильный холмик.

Солнце неохотно закатилось, оставив после себя полосу оранжевой зари, над которой в ставшем еще более холодным небе продолжали свою игру нежные оттенки розового и голубого. Какое-то мгновение верхние края торосов продолжали красновато светиться, затем они разом погасли. Бескрайнее нагромождение льдов внизу стало еще угрюмее и начало скрываться в холодной мгле. А над его темным хаосом, на фоне гаснущего заката отчетливо рисовался водруженный мною символ и знак христианства. Сумерки скрыли убожество креста, а красноватый фон зари усилил его мрачную выразительность.

Логически этот крест был, конечно, совершенно не оправдан. Я не верил в Бога, а зарытый под ним ребенок не принадлежал ни к какой религии. Но он не был также и просто сентиментальной данью традиции, знакомой с далекого детства. Главная причина водружения мною, убежденным атеистом, религиозного знака на могиле безымянного ребенка заключалась, вероятно, в другом.

Я все еще находился во власти мысли о противостоянии Живой и Мертвой материи и не хотел, чтобы холодный хаос льдов и гор сразу же поглотил и растворил в себе останки маленького человеческого существа. Поэтому-то, наверно, следуя древнему стремлению Человека Разумного к утверждению жизни даже после смерти, почти подсознательно установил ее знак на могиле усопшего. Этот знак был примитивен и прост, но он являлся символом правильной геометрической формы, которой Хаос враждебен и чужд. Это представление скорее всего и лежало в основе сооружения таких надгробий, как всевозможные обелиски, пирамиды и те же кресты.

Меня вдруг охватило чувство благоговения, как верующего в храме. Ушли куда-то мысли о еде, отдыхе и тепле. Это было, вероятно, то состояние возвышенного и умиленного экстаза, которое знакомо по-настоящему только искренне верующим людям. Под его воздействием я развязал тесемки своего каторжанского треуха и обнажил голову. Мороз сразу же обхватил ее калеными клещами и больно обжег уши, реальность оставалась реальностью. Я надел шапку, смахнул с бушлата несколько круглых, похожих на градины льдинок и, подобрав с земли свой инструмент, начал спускаться в долину.

На самом дне жизни люди плачут не чаще, а гораздо реже, чем обычно. Возможность изливать свое горе таким образом — удел более счастливых, у которых оно все же только эпизод их жизни, а не ее постоянное содержание. Впрочем, замерзшие льдинки на груди моего бушлата вовсе не были слезами скорби. При всей своей теплоте и нежности мои чувства к погребенному ребенку скорее напоминали те, которые вызываются душевным просветлением, например, созерцанием великих произведений искусства. Да и милосердие смерти в этом случае было слишком очевидно, чтобы сожалеть еще об одной несостоявшейся жизни.

Я испытывал не горе, а мягкую и светлую печаль. И еще какое-то высокое чувство, которое, наверно, было ближе всего к чувству благодарности. Благодарности мертвому ребенку за напоминание о Жизни и как бы утверждение ее в самой смерти.

Игра света в темнеющем небе стала уже грубее и глуше, когда я подошел к лагерной больнице. Санитар Митин сметал снег с дорожки и, увидев меня, удивился:

— Ты что там делал, на кладбище? Загорал, что ли?..

Вопрос был резонный, и я смутился, не зная, что ответить. Однако бывший следователь, вспомнив о чем-то, осклабился:

— Фу ты! Совсем забыл, что у тебя приятель в сторожах...— Он заговорщицки подмигнул и похлопал меня по животу. Верный законам своего мышления, Митин вообразил, что я гостил на рыбном складе, где у меня действительно был знакомый, и несу под полой бушлата ворованную горбушу. Это было отличное объяснение, до которого сам бы я сейчас не додумался. Мои мысли были еще далеко. Посерьезнев, санитар сказал: — Ты один-то через вахту не ходи, на ней Дляєэб торчит. Наверняка обыскивать полезет. А постой возле наших, они сейчас очистку зоны снаружи заканчивают, и вали потом со всеми через ворота. Так оно вернее будет...

Я поблагодарил Митина за толковый совет и побрел к лагерю, от которого доносились уже голоса работающих. В его грубость, черствость, низменность мыслей и чувств.

**Подготовка текста и публикация
В. Г. ДЕМИДОВОЙ.**

1966 г.

[11] ЧТЗ (от названия трактора) — ироническое название лагерной обуви, пошитой из старых автомобильных покрышек.

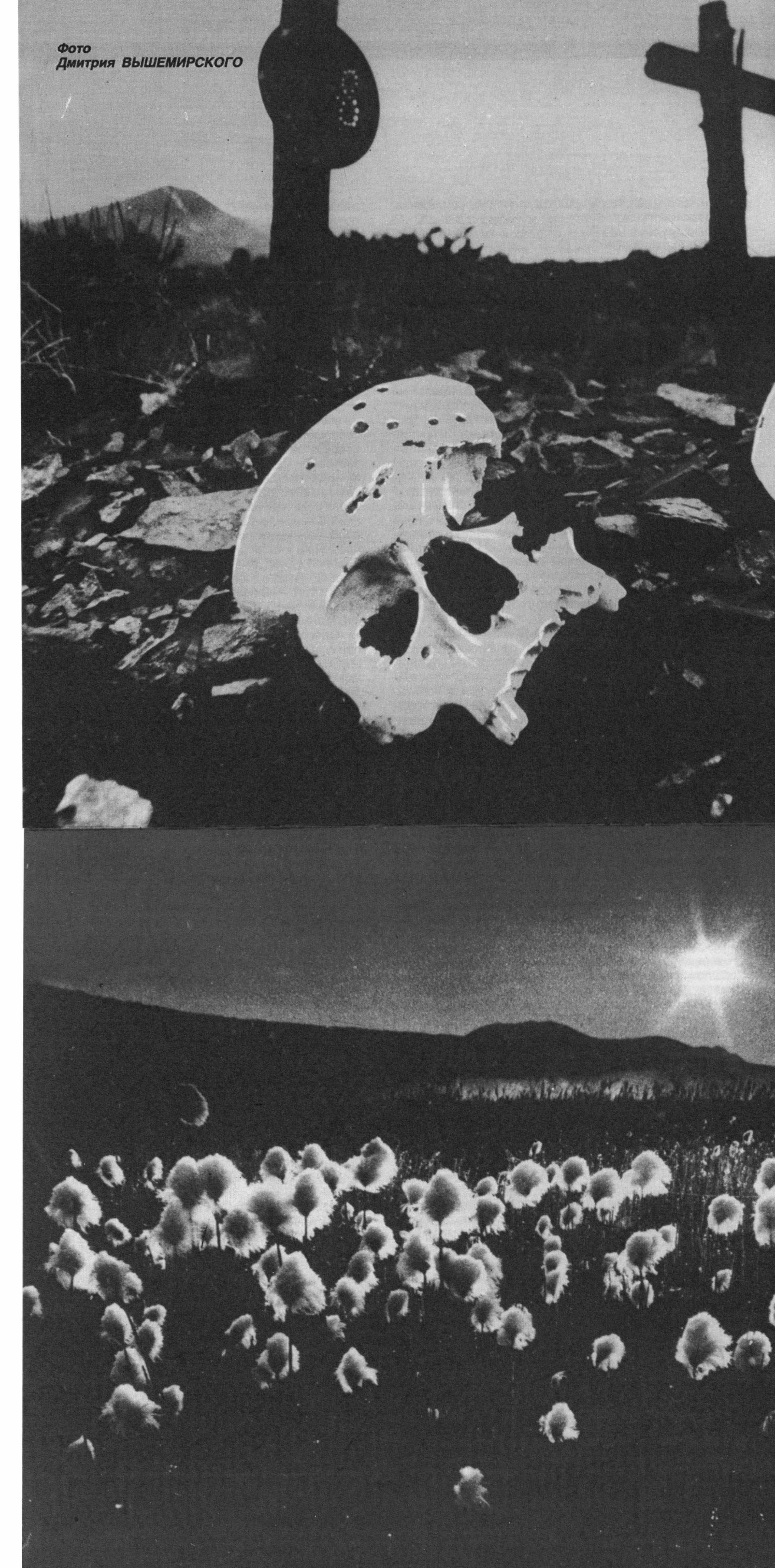

*Фото
Дмитрия ВЫШЕМИРСКОГО*

«КРОВЬЮ СТЕЛЕТСЯ ИВАН-ЧАЙ...»

Аркадий КОРДОН,
кинорежиссер

...БОЛЬШЕ ДВУХ ЛЕТ ПРОШЛО С ТОЙ ПОРЫ, НО УВИДЕННОЕ И УСЛЫШАННОЕ В ТОТ ДЕНЬ ДО СИХ ПОР ПЕРЕД ГЛАЗАМИ, ЛИШАЕТ ПОКОЯ, И Я ПИШУ ЭТИ СТРОКИ СКОРЕЕ ОТ ОТЧАЯНИЯ: РОВНО СТОЛЬКО ВРЕМЕНИ УШЛО У МЕНЯ НА ПОПЫТКИ СНАЧАЛА «ПРОБИТЬ» ЭТОТ ФИЛЬМ НА «МОСФИЛЬМЕ» И ПОЛУЧИТЬ ОТКАЗ (МОЛ, КОМУ ЭТО СЕЙЧАС НУЖНО, КТО БУДЕТ СМОТРЕТЬ?..), ЗАТЕМ ДОГОВОРИТЬСЯ С АЛМА-АТИНСКИМ «КАТАРСИСОМ» И ОСТАНОВИТЬСЯ, ПЕРЕЙТИ ПОД «КРЫШУ» «АСКа»,— И ВНОВЬ ОСТАНОВКА!.. НЕ ПЕРЕЧИСЛЕНЫ ДЕНЬГИ, НЕ ВЫПОЛНЕНЫ ДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, И У МЕНЯ УЖЕ НЕТ УВЕРЕННОСТИ, ЧТО ЭТОТ ФИЛЬМ КОГДА-НИБУДЬ УДАСТСЯ ЗАВЕРШИТЬ. ФИЛЬМ О РЕПРЕССИРОВАННЫХ НА КОЛЫМЕ...

Летом и осенью 1988 года мы снимали на Колыме художественный фильм «Приговоренный» по сценарию Г. Бокарева. Психологическая остросюжетная драма, построенная на современном материале: из мест лишения свободы бежит герой фильма, осужденный Павел Завьялов.

Мне захотелось, чтобы мой герой в своих «волчьих» скитаниях попал в развалины старого лагеря. Сейчас же встал вопрос: где найти старый лагерь?

И вот в милицейском «уазике» пылим по бесконечному колымскому тракту (сейчас его называют трассой), который, казалось, узнали и объездили за несколько месяцев съемок на сотни верст вдоль и поперек.

Наш водитель и добрый друг Саша, инспектор тенькинской районной ГАИ, долго тянется за тяжелой машиной. Пыль клубится в салоне, толстым слоем садится на панели, на одежду, на сиденья. Мы начинаем подтрунивать над водительскими способностями инспектора, как вдруг «уазик» съехал чуть вправо и остановился.

— Смотрите.— Саша куда-то кивнул, но мы еще ничего не видим, и только через несколько минут, когда пыль рассеялась, возник щит на обочине дороги: «ВНИМАНИЕ! СЪЕЗД С ТРАССЫ ЗАПРЕЩЕН! ПРОЕЗД АВТОТРАНСПОРТА, ПЕШИЙ ПРОХОД В НАПРАВЛЕНИИ ПЕРЕВАЛА ПОДУМАЙ (подлинное название перевала.— **А. К.**) ЗАПРЕЩЕНЫ! КОСЬБА ТРАВ, ЗАГОТОВКА СЕНА, СБОР ГРИБОВ И ЯГОД, ЗАБОР ВОДЫ, ЛОВ РЫБЫ, ОТСТРЕЛ ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНЫ!»

Медленно объехав щит, старый «уазик» тормознул у небольшого одноэтажного барака. За ним виднелись маленький домик, теплица с выглядывающими из стекол вперемешку помидорами и цветами, вокруг гуляли куры, поклевывая рассыпанный корм, из сарайчика доносилось сопение и похрюкиванье поросенка.

Чуть поодаль виднелись мачты электроподстанции, опутанные бесчисленными проводами и бликовавшие на солнце фарфоровыми катушками. Ровно гудели трансформаторные щиты, удивляли строгой геометрией посреди дикого колымского хаоса длинные ряды стальных свежеокрашенных, серебристых шкафов на бетонной подушке. Марсианский пейзаж...

Возник краснолицый и босой дядя в пиджаке, накинутом на спортивный костюм, из окна барака глядела такая же толстенькая его жена; потом она вышла из дома в телогрейке и платке, туго обхватившем упругую косу, и тоже босая. Нас она почти не замечала, а только следила за беседой мужа и милиционера.

Гудели трансформаторные щиты, гудел и колымский ветер — здесь это постоянно,— было довольно холодно. Работник подстанции жаловался милиционеру, что вчера неподалеку от него разбили палатку трое, сказали, что из Магадана. Весь день стреляли куропаток; он требовал у них лицензию, требовал убраться восвояси. Его послали... А вечером пять раз выстрелили в сторону барака.

— Ну, а еще кто-нибудь проезжал? — равнодушно спросил Саша.

— Геологи проехали, из Хабаровска. Но эти — позавчера.

— Ладно...

Мы забрались, наконец, обратно в «уазик», Саша вернулся за руль. Мужик откатил с едва заметной дороги тележку с песком, отбросил ворох хвороста, отвалил бревно, и путь для нас открылся.

Слева и справа за окнами машины давно уже тянулось ущелье, заросшее кустарником; «уазик» пробирался через ручейки, с камня на камень, по вдрызг разбитой дороге. Показались здания пообочь — четырех- и пятиэтажные дома, капитально строенные, с очень толстыми стенами и выбитыми глазницами-окнами, почти сплошь без крыш.

— Зековская архитектура? — спросил наш оператор Сашу.

Далекой историей этих строений шофер-милиционер пренебрег. Коротко хохотнув, он непринужденно поведал о недавнем.

— Птицесовхоз здесь решили организовать. В шестидесятые. Ну кретины, е-мое!.. Куры — во! Не куры, а телки какие-то. Кормили ребят в пионерских лагерях, страшно радовались — куры-то гиганты! А потом стали находить в яйцах кровь. Разобьешь яичницу, а она прямо багровая. Вот суки! — озлобился вдруг Саша.— Долго признаваться не хотели... А потом этот совхоз ликвидировали.

«Уазик» продирался через кустарник, накрывший дорогу, порой преодолевал такие разломы, которые на глаз и пройти-то было невозможно. Зловещая панорама простиралась вокруг.

— Такие, значит, места,— говорил Саша,— специфические. Здесь обогатительная фабрика была. Самый большой уровень радиации. Вон, видишь, отвалы.

— А это что за бак?

— Резервуар-приемник. Талая вода с гор, дожди — все это стекало в резервуар, и... ноу проблем! Водой колонии были обеспечены полностью. А вон трубопровод к столовой, снизу, от резервуара идет.

Мы сделали остановку. Сопки вокруг, прорезанные, словно шрамами, узкими лентами пешеходных и вагонеточных дорог, линии электропередач: покосившиеся столбы, рядами взбирающиеся к вершинам, с оборванными проводами, а на вершинах, на каждой из них — зияющие голыми черными пастями штольни.

— Все дороги ведут в Рим,— мрачно пошутил Саша.

Мы молчали.

— Вот так зеки ходили на работу. Тачки взадвперед катали. Это сейчас тепло, лето. А представьте, минус пятьдесят, минус шестьдесят... Да еще ветер. В штольнях тоже не курорт, температура та же. Сквозняки.

Вокруг был абсолютный покой, если бы не какойто тихий и странный гул, который постоянно стоял над ущельем. Вспомнился Тютчев: «...Откуда он, сей гул непостижимый? Иль смертных дум, освобожденных сном, мир бестелесный, слышный, но незримый, теперь роится в хаосе ночном?»...

Но солнце ослепительно сияло. Холодное колым-

ское солнце. Мы медленно взбирались в гору вслед за Сашей по каменистому, сыпучему грунту.

— Да, у нас тут морозы,— говорил инспектор.— Если ехать из Магадана, не доезжая Теньки, Долина смерти есть. Слыхали небось? А почему так называется? Там в одну ночь замерз целый этап, вместе с конвоем. Шесть тысяч человек!

Вышли к бывшей столовой. Крыша сорвана, остовы стен поросли колючкой. Сохранился котел на плите, подвал для хранения продуктов под проломленным полом; из угла выбежал и прошмыгнул бурундучок.

— А ничего столовая,— сказал кто-то из нас: на стены веселыми брызгами падали солнечные блики.

— Это для обслуги, для конвоя, офицеры здесь кушали,— пояснил Саша.— Тут ведь не только зеки были. Специалисты вольные, жены офицеров, дети. Вон — школа была.

За колючей проволокой, которая непонятно что ограждала, виднелась школа, а за ней, чуть поодаль, та самая обогатительная фабрика с обступившими ее многометровыми конусами ядовито-желтой породы.

— Погоди,— недоумевает мой ассистент.— Вот ты говоришь, уран, радиация, вода в резервуаре тоже зараженная. Ну, я еще понимаю — зеки. Хоть и несправедливо, но осужденные. Но эти, вольные... Жены, дети. Они при чем?

— Ну ты чудак, е-мое! Да кто это брал в голову? Годами жили.

«Уазик», пыхтя, продирался дальше. По обеим сторонам дороги плыли нескончаемые, пробитые кустарником ряды колючей проволоки. В ущелье впереди показались каменные бараки с зарешеченными окнами без крыш, вышки часовых, а вокруг — сопки и сопки: медно-рыжие, красноватые, изрезанные сплошь черными рубцами пешеходно-тачечных дорог.

— Королев здесь сидел.— Саша-инспектор на мгновение оторвался от баранки.

— И женский лагерь здесь был. Работали бабы так же, как и мужики, ту же работу делали. А вон верхний лагерь, тоже женский. «Вакханка» называется.

— Жигулин здесь сидел,— вспомнил молчавший до того художник.— Его «Черные камни» про этот лагерь написаны, про Бутыгычаг.

— Ну, это еще как сказать,— усомнился Саша.— Бутыгычаг — это вся система лагерей называлась. И здесь Бутыгычаг, и там Бутыгычаг. Тут семьдесят верст проедешь, а все лагеря будут тянуться. Местность такая, по-якутски — Бутыгычаг.

— А что это в переводе значит?

— А хрен его знает. А вот именно «Черные камни» — лагерь, вот к нему мы и приехали. Видишь, ШИЗО стоит? Штрафной изолятор.

Машина остановилась.

Страшная картина разворачивалась вокруг. Крепкие, толстостенные бараки с черными чугунными решетками в проемах окон утопали в ярко-красных цветах буйно разросшегося иван-чая.

«Кровью стелется иван-чай
В старом лагере Бутыгычаг...»

Это не мои слова. Это слова из песни, которую потом сочинил и спел под гитару мой ассистент Федор Петрухин.

Кусты иван-чая, беспорядочно полыхавшие среди угрюмых каменных бараков, были неправдоподобно, я бы сказал, угрожающе велики.

— Да, здесь все непомерных размеров.— Саша будто читал наши мысли.— А брусника, ей-богу, величиной с вишню.

Мы медленно входим в ШИЗО. Бесстрастно фиксируем в полной тишине: камеры, камеры в длинном ряду, прутья, щебенка на полу, забранные решетками двери изоляторов, обвалившиеся нары, засохший кустарник внутри коридора, опрокинутая параша в углу, а над ней, на фоне синего неба, колоски тонкой травы, проросшей из остова каменных стен, из грунта, нанесенного ветром. Другой ряд казематов, напротив. Сквозь провалы в окнах, через решетки,— сопки, снова тропы, ведущие к штольням, а внутри еще кустарник, пробивший два ряда нар, целых, крепких; у двери, на стене,— ржавые крючья, похожие на растопыренные человеческие пальцы, вбитые один за другим на покосившейся, почерневшей доске вешалки.

Шумит вода, через пролом в торце стены видна сбегающая горная речушка, а на берегу — старые, полуистлевшие робы с номерами на спине, зековские береты, какие-то тачки, лампа «летучая мышь»: заржавевшая, никому не нужная утварь арестантской жизни.

Бреду по воде. Перед носком сапога — пуговица. Нагибаюсь, достаю рукой из воды, но это, оказывается, не пуговица, а отстрелянная гильза...

Вижу между камней груды обуви — мужской, женской. Это разорванные арестантские башмаки — верх оторван от подошвы, и они смотрят на мир открытыми челюстями, из которых, словно зубы из десен, торчат ржавые гвозди.

И это поле из обуви, огромное поле, постепенно стирается, превращается в камни, в каменные глыбы, в валуны на склонах сопок, и кажется, что люди, разувшись, растворились здесь навсегда и сами превратились в эти камни, в изваяния зеленовато-черной породы...

— ...Да вы не стесняйтесь, ешьте, ешьте.

На бензиновой плитке кипел чайник, вспоротые ножом на небольшом валуне стояли консервные банки с лососем и мясной тушенкой, лежал на бумаге пшеничный хлеб. Из маленькой палатки появилась молодая, привлекательная женщина в брюках и свитере, с кастрюлей в руках, предложила:

— А вот еще кисель брусничный. Холодный, хотите?

Мы благодарили, уплетали бутерброды с салом, один из геологов нарезал еще. Другой его товарищ стоял рядом с нами, лениво отмахивался от комаров.

— Говорят, здесь радиация высокая,— покосившись на кисель, сказал один из нас.

— Да вроде не особо. В Москве в некоторых районах фон и повыше бывает.— Он подошел к крытому брезентом тягачу, выволок оттуда довольно громоздкий прибор, стал с ним возиться.

— Мощный прибор,— пошутил Саша-милиционер,— не то, что япошкины палочки.

— У советских собственная гордость,— ответил геолог,— смотрите.

Стрелка на табло подрагивала между 0,4 и 0,5.

— Утром 0,28 было, а сейчас солнышко вышло и побольше стало.

— А в районе фабрики сколько? — поинтересовался Федя Петрухин.

— Ну там сейчас наверняка единица...

...Штольня... Мрачное темное чрево на вершине сопки. Сначала не видно ничего, но затем глаз привыкает. Развороченный рельсовый путь, опрокинутая вагонетка. Дальше пройти невозможно — и темно, и все покрыто водой; идущий впереди геолог в резиновых сапогах-брюках ступает в нее выше колен. Впереди белеет прямо посередине воды наледь, где-то шлепают монотонно о воду спадающие со свода капли.

— А приборчик-то мы не прихватили,— посетовал наш оператор.

— Зачем приборчик? — улыбнулся геолог.— Его здесь зашкалит.

Луч карманного фонаря метнулся по стенам и замер. Мы вздрогнули.

— А это... кто такой?

Сбоку от наледи, привалившись к стене, сидел скелет: кости ног приставлены к туловищу, сверху приделан череп.

Трудно было унять бившую нас дрожь.

— Подростки озоруют,— зло сказал Саша-милиционер.— Сволочи... Как их ни гоняй, а приезжают. На мотоциклах. Приезжают из Теньки, из Гастелло и шуруют. Тут повыше кладбище есть. Не кладбище, конечно, а одно название. Тогда ведь как? Никто толком не хоронил. Кто же станет мерзлоту буравить? Так, положат на землю, сверху присыплют немного, и вся могила. Ну, а ветер со временем сдувает. Так они, мерзавцы, черепами в футбол играют. Ей-богу! Я тут поймал прошлым летом. Акт составил...

«Уазик» взбирался по размытому серпантину бывшей дороги перевала Подумай. Действительно, подумай, прежде чем ехать... Страшновато было смотреть на резко откатывающуюся справа вниз пропасть. А склоны полыхали устеленной ковром спелой брусникой.

Вершина. Вот она, потрясающая своей дикой, какой-то мистической красотой Колыма, лежит вокруг. Где-то вдали валит снег и густо ложится на сопки, с другой стороны воздух прозрачен и чист. От контраста освещения больно глазам.

Зековское кладбище. Могил, как мы их себе представляем по-человечески, нет. Это маленькие столбики с прибитыми к ним ржавыми днищами консервных банок разной величины. Если приглядеться, потереть жестянку рукавом, видны точки выбитых гвоздем номеров: В-41; В-35/4; В-13.600; ДБ-30... Что они означают? Чьи имена навечно сокрыты под этим бесстрастным набором букв и цифр? Мужчины, женщины, а может быть, дети? И навечно ли?

Столбики стоят покосившись, и лежат, сорванные ветром, белеют кое-где человеческие кости, а над кладбищем медленно начинает кружить поземка, принесенная с дальних сопок, и стоит, вобравши руки в рукава и съежившись, маленькая кучка живых людей — наша съемочная группа.

...Утро. Ущелье. Такие же казарменные строения. Подвалы, ходы, лабиринты. Трудно угадать их назначение. Выбираюсь из них на свежий воздух, щурюсь на солнце.

В казане булькает кулеш. Саша-милиционер помешивает в нем черпачком. Весело потрескивает хворост в костре, а вокруг — сплошная идиллия. Ни ветерка; умытое ночным дождем ущелье скорее похоже на юг, если бы, конечно, не обожженные морозом скрюченные карликовые сосны на склонах и бесконечное однообразие дикорастущего кустарника. Но и здесь краски ярки: во-первых, сопки, которые окрашены медным и рыжим, зеленым, фиолетовым, желтым, затем — брусника. Ярко-красные пятна ее то здесь, то там стелются по дну ущелья, опускаясь к журчащей неподалеку речушке.

— А ты ешь брусничку-то,— советует Саша Петрухину, нерешительно остановившемуся у края брусничного поля,— она здесь вку-у-усная!.. Или боишься, жена недовольна будет? Вернешься в Москву и...— он характерно помахал рукой и захохотал.— Не боись. Я всю жизнь ее тут собираю, а вон, гляди, четверых настрогал.

Бухнул и раскатился эхом по ущелью выстрел. Потом другой, третий.

Саша бросился к «уазику», выбежал с биноклем и стал шарить им по сопкам.

— Вон, возле бани балуют.

В оптическом перекрестье виднелась палатка неподалеку от завалившегося, тоже зарешеченного, небольшого строения.

«Уазик» рванулся вперед по каменистому бездорожью.

— Сейчас я вас, голубки,— азартно говорил Саша, пригибаясь к рулю.— Так они всех куропаток перебьют — ну? — а нам что останется? Хотя их здесь, конечно, тьма-тьмущая...

Не доехав до бани метров 150, «уазик» остановился.

— Вы сидите, я один,— предупредил Саша и стал проворно подниматься по сыпняку.

Пригнувшись, он юркнул в палатку. Я выключил зажигание. Стало тихо.

— Зря мы, может, помочь надо?

— Так не велено гражданином начальником,— резонно возразили мне.

Наконец появился Саша с двумя охотничьими ружьями в руках, скатился к машине и бросил их на пол. Сел за руль, завел мотор, стал разворачиваться.

— Кулеш наш, наверное, в поджарку превратился.— Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Я тоже оглянулся — двое мужчин вышли из палатки, смотрели нам вслед.— Магаданские,— уточнил Саша.— Я паспорта проверил — жаль третьего не было...

И словно в подтверждение его слов вдали снова бабахнул выстрел.

— Но у того хоть документ на оружие есть,— размышлял вслух Саша,— в сумке лежал. А у этих — тю-тю...

— А как же теперь будет?

— А что будет? — переспросил Саша.— Явятся ко мне за оружием в отделение, протокол оформим. А может, и не явятся,— равнодушно пожал он плечами,— у нас здесь люди богатые.

«Уазик» пошел быстрее, мотор работал ровно.

— Вы думаете, эту зону из-за таких, как они, закрыли? Чего от них закрывать-то? Или из-за радиации? Ерунда!.. Из-за пацанов, которые гоняют сюда на мотоциклах? Все равно гонять будут. Закрыли-то из-за таких, как вы,— киношники там, журналисты...

Он посмотрел на нас, но во взгляде его не было отчуждения, скорее, наоборот: это был наш товарищ, и все, что он сказал, в дальнейшем было замешано на его собственных мыслях и боли.

— Снимете, напишете, думают там,— Саша ткнул вверх пальцем,— а что хорошего из этого выйдет? Опять начнется: «сталинские лагеря, сталинские лагеря!..» И народ потянется своих предков искать. Вон их сколько здесь рассеяно. Город у нас режимный, Магадан, известное дело, погранрайон. Почему погранрайон? — Саша пожал плечами.— Хабаровск открыт, Петропавловск-на-Камчатке открыт, вон Владивосток открыли, а Магадан — погранрайон?! Граница-то черт знает где — тыщи верст надо проехать и проплыть. А может, потому и сделали погранрайоном, чтоб народ сюда не ездил, как вы думаете? — Он посмотрел на нас.— Придут на эти кладбища, начнут ворошить, а там ни имен, ни фамилий — одни номера. Можно, конечно, опубликовать эти фамилии — чего проще? — номер тире фамилия, и списки эти хранятся в Магаданском УВД... Опять же хлопотно. Это сколько штатов нужно иметь, бумаги дополнительно, бюллетени выпускать, архивы поднять. Не-ет, проще ничего не делать, забыть — и баста!

Вдали уже виднелись знакомые строения без крыш с чугунными решетками в пустых окнах, догорающий наш костер, из казана ровным столбом поднимался вверх дым. Но Саша, казалось, не замечал ничего.

— Да-а, сюда и бульдозеры сколько раз сгоняли, чтоб снести эти стены, а они не сносятся — ни нашей техникой, ни японской: крепкие стены — на века ставили. Так, крыши посодрали, барахло повыбросили, и все... Хотели память вычеркнуть, да не вычеркивается эта память. Живет она здесь, а никто ее не видит и не слышит. Как ни крути — запретная зона...

От редакции: по просьбе автора гонорар перечислен в фонд общества «Мемориал».

Дорогой «Огонек»!

Пишу вам от имени группы пенсионеров — читателей вашего журнала. Среди нас рабочие, служащие. Я, например, учительница в прошлом. Мы — люди пожилые, и у нас свои сложившиеся привычки. Мы выросли на старом «Огоньке», который регулярно публиковал репродукции классиков русской и мировой живописи. Многие из нас просто вырезали некоторые репродукции и вешали их на стенки. Один мой сосед перерисовывал эти картины, расчертив их на квадратики, и имеет у себя дома коллекцию любимых художников. Мы понимаем, что времена изменились, что вы стараетесь открывать читателям имена новых художников, которые были под запретом в прежние времена. Наверное, это правильно, потому что молодежи это нравится. Но не забывайте и о нас, стариках. Ведь нас много в стране, и мы любим ваш журнал не меньше, чем молодежь. Просим вас хоть иногда печатать любимых наших художников классического направления.

С уважением

СПИРИДОНОВА А. Т.
Лобня Московской области

Уважаемая Антонина Тихоновна!

В номерах 51 и 52 печатаем коллекцию картин из австрийских музеев. Надеемся, Рембрандт и Тициан вам понравятся. Желаем вам доброго здоровья.

Отдел искусства журнала «Огонек»

Франческо Пармиджанино (Франческо Маццола). 1503—1540. ОБРАЩЕНИЕ САВЛА. 1530-е.

Лоренцо Лотто. 1480—1556.
ПОРТРЕТ ЮВЕЛИРА С ТРЕХ СТОРОН. Ок. 1530—1535.

Лукас ван Фалькенборх. Ок. 1535—1597. ВЕСНА. 1587.

Рембрандт ван Рейн. 1606—1669.
ЧИТАЮЩИЙ ТИТУС. Ок. 1656—1657.

физтех
ЦЕНТР НТТМ «ФИЗТЕХ» — ВАШ ПРОВОДНИК В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЭРЫ. ПРЕДЛАГАЕМЫЕ НАМИ УНИКАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ РАЗРАБОТКИ МОДЕРНИЗИРУЮТ ВАШУ РАБОТУ, МНОГОКРАТНО ПОВЫСЯТ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ.
Программно-аппаратный комплекс, состоящий из интеллектуального модема «Физтех 1200», разработанного с учетом специфики отечественных телефонных линий и программного обеспечения, ориентированного на персональные компьютеры IBM PC/XT/AT,PS2 и ЕС1840/41/42/45. Комплекс предназначен для создания автоматизированных информационных систем на основе выделенных и обычных коммутируемых, государственных и ведомственных, междугородных и международных телефонных линий связи.
Модем «Физтех 1200» разработан с учетом максимально высоких требований к надежности и комфортабельности работы с ним, обеспечивает взаимодействие со всеми типами телефонных станций, абсолютную совместимость с модемами стандарта V-23, выпускаемыми в мире. Программный пакет Satelink 1200 обеспечивает уникальные возможности в области передачи информации в сетях терминалов, персональных компьютеров и больших ЭВМ. Наш пакет позволит вам построить свою собственную систему сбора, рассредоточения и обработки информации, которая сможет автоматически решать ваши прикладные информационные задачи.
Неограниченные возможности нашего программно-аппаратного комплекса — залог вашего успеха!
Каркас для микросистем в стандарте Евромеханики со встроенным источником питания.
Каркас предназначен для построения микровычислительных комплексов на основе плат в стандарте Евромеханики. Используется при сборке систем проектирования микропроцессорных устройств и автономных программаторов серии «Мионика» ммСО300.
Центр НТТМ «Физтех» заинтересован в долгосрочном сотрудничестве с вами.
Предоставляет льготы при оптовых поставках.
Наш адрес:
141700, Долгопрудный Московской области,
Институтский пер., 9,
Центр НТТМ «Физтех».
Тел.: 485-44-77.
Телетайп 846673 «Наука»,
телефакс 485-41-90.

Павел ВОЛИН

ШКОЛА БИЗНЕСА, ИЛИ БЕСПОЩАДНЫЙ ЗАКОН ПРОЦВЕТАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА

Приезд в страну, в которой однажды побывал да еще и оставил кусочек сердца, всегда радостен. А тут лучшая пора года — начало лета! Вена кружится и веселится. Нет, не праздник — будни, теплые вечера... У взметнувшегося ввысь островерхого, словно горсть заточенных карандашей, святого Штефана, на роскошной Кёртнерштрассе и широкой Грабен, возле недостроенного, но уже принявшего полуфантастический вид волнообразно изогнутого здания из стен-зеркал: хоть глядись в них да причесывайся,— безостановочное людское движение. Сами венцы, туристы, спешащие или фланирующие, старики и подростки, любознательные женщины и снисходительные мужчины, одиночками, парами, группами...

В нескончаемом гуле голосов тонут отдельные восклицания и слова. С разных сторон доносятся музыка и аплодисменты. Тут и там солисты, дуэты, целые ансамбли, окруженные слушателями. А то и фокусники, жонглеры, акробаты демонстрируют свое искусство. Между столиками выплеснувшихся на улицу кафе снуют, балансируя подносами, эквилибристы-официанты. Отовсюду слышится: «Данке шен... Битте шен...» И улыбки, бесконечные улыбки все дарят друг другу.

ОТЧЕГО БЛАГОДЕНСТВУЕТ АВСТРИЯ?

За два года, что я не был в Вене, город словно приободрился и еще больше посвежел. Ярче витрины, оживленнее улицы, беззаботнее толпа. Благополучие разлито кругом. И так не в одной лишь столице. В прелестном, пронизанном Моцартом (вся Австрия — это сплошная музыка) старинном Зальцбурге то же самое.

Чем вызваны в ближайшей к нам западноевропейской стране столь непривычные ныне для нас оптимизм, доброта, приподнятое настроение?

Можно говорить о неунывающем, веселом характере австрийцев, об окружающих их природных и рукотворных красотах, создающих радостный жизненный фон. Даже чудная в эту пору погода благоприятно влияет на состояние души. Все так. Но что бы там ни было, я чувствовал, угадывал, видел по множеству признаков, от едва уловимых до явных, главное в ином: государство на экономическом взлете.

— Вас не обманули первые впечатления,— подтвердил мои мысли и наблюдения генеральный секретарь Федеральной палаты экономики (объединение всех австрийских предпринимателей) Карл Керер.— Мы действительно переживаем подъем. Конъюнктура прекрасная. Удалось сохранить низкую инфляцию — два с половиной процента, тут мы уступаем только Японии и Голландии. У нас высокая занятость, даже не хватает своих рабочих, используем иностранных. Производство в прошлом году увеличилось на четыре процента, в нынешнем реальный рост — не менее трех с половиной.

«Рабочее сообщество германских институтов по экономическим исследованиям» составило прогноз развития ведущих индустриальных стран мира, взяв за основу прирост валового общественного продукта. Австрия в этом своеобразном соревновании занимает четвертое место, уступая лишь Японии, Испании и ФРГ и далеко обгоняя Швецию, Англию, США и еще восемь западноевропейских государств.

Австрия не испытала послевоенного «экономического чуда», подобно ФРГ или Южной Корее (собственно, чудо-то все равно налицо: послевоенное возрождение «из пепла» экономики произошло, хотя и не в виде поразительно быстрого скачка, как в названных странах). Она далека по духу от национального феномена Японии, предопределившего в значительной степени прыжок поверженной страны «из царства необходимости в царство свободы», то бишь от состояния государства-инвалида до положения державы-богатыря. Эта среднеевропейская страна шла, можно сказать, ровно, прочно вписываясь в мировую экономику, и сегодня движется в русле общего развития современного капиталистического хозяйства.

— У нас динамично обновляется промышленность,— продолжал Карл Керер.— Каждый год возникает двадцать тысяч предприятий, главным образом в современных отраслях. А устаревшие, не выдержав конкуренции, исчезают. Но новых появляется гораздо больше, и правительство поощряет предпринимателей к капиталовложениям. В первую очередь снижением налогов на прибыль...

Тут моего терпения не хватает, я перебиваю:

— Наше Министерство финансов, стремясь как можно быстрее и больше пополнить государственный бюджет...

Керер, услышав про Минфин, радостно заулыбался:

— О, я знаком с министром господином Павловым!

— ...все время ратует,— продолжаю я,— за максимальные налоги на прибыль, что может только отбивать у предприятий охоту расширять и развивать производство. Вы согласны?

Мой собеседник, человек воспитанный, дипломатично уходит от прямого ответа. Он просто вспоминает, как было в аналогичной ситуации у них:

— Бурное восстановление разрушенного хозяйства у нас началось в пятидесятом году, после того как налоги были резко уменьшены. Кроме того, предпринимателям предоставили особо льготные условия кредита, чтобы они вкладывали средства в создание новых производств и модернизацию старых.

Тогда же, я узнаю, государство отказалось от регулирования цен, отдав их во власть рынка, и перестало вмешиваться в вопросы зарплаты, предоставив решать их предпринимателям и профсоюзам путем прямых переговоров. Страна быстро пошла вперед.

Слушаю (да что слушаю — воочию вижу!) и думаю с горькой досадой: сколько нам нужно наглядных примеров, чтобы отрешиться от пресловутой формулы «А мы пойдем своим путем»?

Рынок с его беспощадными законами отбора лучших, отделения преуспевающих от худших, влачащихся, неконкурентоспособных, оказался спасительным средством не только тогда. И теперь, когда пора послевоенного восстановления далеко позади и альпийская республика — уже давно высокоразвитое — экономически и социально — государство, рычаги рыночного механизма продолжают безотказно и безостановочно работать, обеспечивая стране хозяйственную устойчивость, а ее народу благоденствие.

Довольно образно и метко выразил это шеф-редактор венского еженедельника «Вохенпрессе» Кристиан Ортнер:

— Заметьте, Австрия занимает в Европе срединное положение: самое восточное государство Западной Европы и самое западное — Восточной Европы. Так вот, процветание страны в последние годы объясняется, выражаясь фигурально, ее дальнейшим движением с Востока на Запад.

Остроумно сказано!

А вот что это означает на практике.

Министр экономики Вольфганг Шюссель рассказал:

— Я сам прошлым летом ликвидировал регулируемые цены на мясо, сахар и некоторые другие виды продовольствия. Скачка в их стоимости для покупателя не произошло. Более того, свободные цены повышаются медленнее, чем те, что установлены властью! Сейчас государственно регулируемые цены только на электричество, хлеб и молоко.

— Однако,— замечаю я,— удельный вес государственного сектора в Австрии выше, чем в других европейских странах...

— Да, примерно двадцать процентов. Программой нынешнего правительства предусмотрено его приватизировать. Уже продали значительную часть акций энергетического хозяйства, нефтяного концерна, полностью передали в частные руки ряд менее крупных компаний. Всего за последние три года продали государственной собственности на сорок миллиардов шиллингов.

Он рассказал о намерении правительства отказаться от контрольного пакета акций двух последних государственных банков. Объясняет такую позицию тем, что у людей много свободных денег и надо дать им возможность вкладывать сбережения в отечественную экономику, а не тратить на покупку акций за границей.

— Когда,— улыбнулся молодой, франтовато одетый министр,— производительными средствами владеют многие, а не отдельные так называемые капиталисты, это ведь тоже демократия! А?

— Значит, приватизируя посредством продажи акций госсобственность, вы попросту идете навстречу населению?

— Не только. Мы постоянно должны заботиться о развитии экономики, а частные предприятия гораздо более эффективны.

Приведу наглядный пример такой эффективности.

Я БЫ К ХОФЕРУ ПОШЕЛ...

Ганс Хофер и Люция Гандл тринадцать лет назад купили акции нескольких швейных предприятий, чтобы заняться конструированием, изготовлением и продажей модной одежды. Оба вместе — на редкость удачный альянс. Она — сама элегантность, обладает редким художественным вкусом, у него недюжинная деловая хватка.

Впрочем, как я убедился, и она может преподать урок бизнеса: я наблюдал однажды, как, придя в ресторан, Люция прямо за столом воспользовалась принесенным официантом телефоном-трубкой с проводами-антенной, выслушала интересующую ее информацию и отдала распоряжение о запуске в производство серии изделий. Медлить, объяснила мне, было нельзя. Сегодня они владеют преуспевающей компанией «Просистем», которая имеет примечательный «подзаголовок» — «Computer technic». В этой трансформации — от изделий, освященных вековыми традициями, к ультрасовременной электронике — отразились характерные особенности современного бизнеса.

Когда Ганс и Люция только начинали, на восточноевропейском рынке действовали фирмы, издавна специализировавшиеся на поставках одежды именно в этот регион. Они ни с кем не конкурировали, потому чувствовали себя вполне уверенно и не проявляли особой тяги к новациям. Зачем, если и без этого «товар идет»? Молодые же предприниматели, не возвещая громогласно о начинающейся войне против

консерваторов-монополистов, поступили просто: предложили странам Восточной Европы те же изделия, что вывозили на Запад,— и это сыграло решающую роль в завоевании ими рынка СССР и его соседей.

Ориентация на избалованного модой западноевропейского покупателя позволила показать на восточноевропейском рынке коллекцию, поразившую новизной, современностью, высоким качеством. Так, без лишних затрат, без «свирепой борьбы» с соперниками, минимальными усилиями потеснили конкурентов. Последние, естественно, смирились: таковы законы рынка. Я восхитился: вот что значит голова на плечах. Хофер, улыбнувшись, поправил: «Две головы»,— имея в виду партнера-подругу.

— Конкуренция, как витамины,— говорит он,— дает энергию. И кроме того, заставляет смотреть вперед, думать о будущем. Вы говорите: трудно? — Он смеется: — Нет, усталости не чувствуешь. Некогда ни уставать, ни скучать. Мы должны постоянно что-то придумывать, вносить нечто оригинальное в работу, иметь свое «ноу-хау», ибо, став в какой-то момент на рынке лучшими, не делаемся единственными.

Стремление к «ноу-хау» (в переводе с английского: знаю как) и вывело «Просистем» на рынок электроники.

...Однажды меня привели на склад образцов одежды компании. Мы переходили из комнаты в комнату, и не было видно конца стойкам, увешанным платьями и спортивными куртками, строгими костюмами и элегантными пальто, «стильными» свитерами, бесчисленными брюками, юбками, купальниками, плащами, рубашками.

Каждый год компания показывает новую коллекцию из десяти тысяч образцов. В производство идут всего две тысячи (всего!), но, чтобы удовлетворить разнообразные запросы, потрафить самым взыскательным требованиям и изысканным вкусам — словом, ублажить покупателя, предлагают в пять раз больше. Пусть выбирает! Затраты оправдываются. Однако при столь массовом и динамичном производстве невозможно обойтись старыми методами ни в моделировании одежды, ни в технических расчетах, ни в планировании купли-продажи. Все надо делать быстро, конкуренты не спят! Вот потому и создали службу компьютерных программ по изготовлению и реализации одежды.

Однако Ганс Хофер не был бы настоящим бизнесменом, если бы не пошел еще дальше. Не только применять компьютеры в своем хозяйстве — это уж обязательно, вести дело по-современному — первейшее правило,— но и самому выйти с ними на рынок! И вот уже «Просистем» отвоевывает себе на нем еще одну «нишу».

Сегодня две трети поставок компании в Советский Союз — модная одежда, треть — компьютерная техника. Мало того, «Просистем» уже и комплексно оснащает ею целые производства, технологические процессы! Под ключ. Чтобы клиент не имел никаких забот: заказал — получи готовое.

— А как же иначе? — замечает Хофер.— Сейчас работать по-другому нельзя, если хочешь привлечь клиентуру, надо пользоваться репутацией надежного поставщика.

— Но все же,— я высказываю сомнение,— одежда и электроника — такие разные вещи...

— Для коммерции не имеет значения, что продавать. Главное — удовлетворять спрос,— отвечает Хофер.— Потребность в компьютерах неизменно растет, это обеспечивает нам стабильность на рынке. Одежда, мода — все же известный риск. Сегодня одной фирме удалось завоевать покупателей, завтра — другой. Потому, кстати, выпуск модной одежды невозможен в странах с плановой экономикой.

— У нас тоже есть признанные законодатели мод. Зайцев, например...

— Я говорю о массовом производстве модных изделий.

Как управляется компания столь широкого профиля?

Любопытная картина: жестко, авторитарно и одновременно вполне демократично, я бы даже сказал, вольно. Ну, представьте себе. Административная пирамида, на ее вершине, как я уже говорил, два человека — Ганс Хофер и Люция Гандл. Подножие — фирмы и предприятия, в которых они владеют контрольным или полным пакетом акций. А между вершиной и подножием два мозговых центра — отдельно по компьютерам и текстилю. В каждом по двадцать специалистов, разрабатывающих стратегию, подготавливающих важнейшие решения. Но принимают их, делают на их основе практические шаги только владельцы, единовластные владельцы «Просистем». Да, опираясь на знания и ум своих советчиков, но не спрашивая позволения, согласия ни у кого, что особенно ценят партнеры, которых не заставляют терять столь дорогое в бизнесе время на увязки и рекомендации.

Власть, единоличная и полная в верхнем эшелоне, однако, не распространяется вниз. Мозговые центры не испытывают никакого давления начальства, свободны в поиске идей, выработке рекомендаций. Фабрики и фирмы, входящие в «Просистем», пользуются столь же полной свободой за пределами того, что обязаны выпустить для своей компании. Справились с этим своеобразным «госзаказом», а дальше, с продукцией сверх него, выходите самостоятельно на рынок, получайте дополнительную прибыль и распоряжайтесь ею, как считаете нужным.

Я спросил Хофера: сколько человек у него работает? Он ответил:

— Откуда мне знать? Да и зачем? Мне лишь известно, что в коммерческой части примерно двести пятьдесят человек, а на производстве — гораздо больше. Сколько же точно...— Он пожал плечами.

В голову неожиданно полезли строки из «Кем быть?» Маяковского:

Столяру хорошо,
а инженеру — лучше.
Я бы строить дом пошел,
пусть меня научат.

Подумал: будь я хозяйственником, ну, честное слово, воскликнул бы:

Я бы к Хоферу пошел,
пусть меня научит!

Да, многому мог бы научить наших начинающих предпринимателей этот преуспевающий бизнесмен.

Впрочем... Не всякий готов следовать его стопам, даже в его родной Австрии. Однажды я разговорился с сотрудником «Просистем» Михалом Ольбински, поляком по происхождению, уже десять лет проживающим в этой стране. Спросил его:

— А ты мог бы завести самостоятельное дело?

— Да, почему нет? Но не желаю.

— Отчего же?

— Хочу жить нормально. В воскресенье — теннис, гольф, съездить на озеро. В отпуске тоже не думать ни о чем.

— Хофер не может себе этого позволить?

— Выключиться не может, ни на день, ни на неделю. Сегодня в Варшаве, завтра в Москве, Милане, Женеве, и отовсюду звонки. Уезжает на море отдохнуть и каждый день оттуда звонит. Какой это отдых? Так все время, голова не перестает работать. Зачем мне это?

— Ну, наверное, интересно. И потом — доходы.

— Для чего они, если потратить некогда?

Ольбински живет по нашим меркам очень хорошо. Я был у него дома. Въехали на его «опеле» в подземный гараж и прямо из него поднялись на лифте в квартиру. Ничего особенного, разве что в глаза бросается множество первоклассных спортивных принадлежностей: и сам Михал, и его жена Элизабет — любители активного отдыха. Живут вдвоем, соответственно — две спальни, гостиная, незаметно переходящая в столовую (повернуть «за угол»), к которой примыкает кухня, разумеется, по-современному оборудованная. Подсобки. Модерновая мебель, стереоаппаратура, видео... Словом, средняя по достатку семья. Но работают!.. Не знаю, сколько занята на службе Элизабет (она архитектор), хотя предполагаю, что баклуши она там не бьет, не принято это у них. Зато Михал — это-то я сам видел — с утра до вечера не имеет свободной минуты (он заведует в «Просистем» транспортом), притом утром успевает до девяти заехать то к одному, то к другому партнеру, а иногда приходится прихватить для дела и пару-тройку вечерних часов, особенно когда в фирме иностранные визитеры.

— Зато уик-энды мои,— решительно заявляет Михал, тут же, впрочем, добавляет: — В основном. Если опять-таки не принимаем гостей из-за рубежа.

В общем, не хочет Михал Ольбински, во всяком случае, пока, «рвать пуп», выражаясь по-русски.

УХ, КАК НАМ НЕНАВИСТНЫ БОГАТЫЕ!

Хофер же смотрит на все иначе. Он полон планов и замыслов:

— Есть идея инвестирования в советскую экономику, можно кое-что у вас построить.

— Прекрасно! Мы и сами в этом заинтересованы. Что мешает?

— У вас нет системы гарантий, ограждающих права инвеститоров, обеспечивающих стабильность. Правила часто меняются. Подписываем соглашение, не знаешь, что будет завтра. Два года назад мы создали в Москве совместное предприятие, и уже трижды вносились изменения в законодательство об СП!

— Несете из-за этого ущерб?

— Приходится менять планы. Заключили однажды контракт, по которому полученный из Советского Союза товар продали в Западной Европе. Вдруг постановление: бартер по нему запрещен.

Дельцы — катализаторы экономики. Нам давно пора это понять. «Делая деньги», они раскручивают, заставляют набирать обороты весь народнохозяйственный механизм, способствуя тем самым приумножению народных богатств. Да, бизнесмен работает на себя, но одновременно и на общество (без него он как в безвоздушном пространстве), и потому чем больше преуспевает, тем выше должен быть ценим. Но этого часто мы понять не можем. В силу долгого и упорного нашего воспитания. Инициативных людей и у нас подталкивает собственный интерес. Но мы не любим, нам подозрителен человек «со своим интересом»... Ух, как мы ненавидим богатых!

Не идет из памяти сюжет, однажды показанный в «600 секундах». Предприимчивый сапожник создал кооператив, быстро пошедший в гору (между прочим, всемирно прославленную торговопромышленную империю «Адидас» тоже основал после войны сапожник). За короткий срок, не взяв у государства ни копейки, довели актив до семи миллионов! Только налогов уплатили государству миллион! И что же? Разогнали... Не могла вытерпеть душа, как у всех на глазах расцветает настоящая коммерция. Когда у всех на глазах гниет, рушится, пропивается — это ничего, это можно, привычно как-то. Но когда делается настоящее дело и при этом богатеет кто-то (пусть и обогащая страну, а значит, в конечном счете каждого из нас)... Нет, этого мы не допустим! Нам не нужны богатые! Нам бы пару пива под кильку на газетке где-нибудь у ларька на дороге — и ладно, и хорошо, вольготно.

Кооператив закрыли, бывший сапожник вернулся в мастерскую, полезное обществу дело рухнуло. Зато торжествует нищая пьянь, провозглашая с экрана во всю ширь своих алкашских глоток: «А ну вас всех на...».

Выйдем мы из экономического тупика с таким отношением к своим же талантливым предпринимателям?

Что уж говорить о чужих, которых вечно подозреваем: обманут, обведут вокруг пальца, разденут донага и пустят по миру голыми. У-у, «хитрые и жадные капиталисты»! И в голову нам не приходит: а зачем им это? Зачем им мы — нищие? Им бы видеть у нас побольше людей с деньгами, которые покупали бы их товары. Плохо бы нам самим от этого стало?

Владелица магазина бытовой электроники на Кирхенгассе сказала мне:

— Хотела бы открыть подобный магазин у вас в Москве. Не знаю, можно ли?

Я затруднился ответить, но на всякий случай спросил:

— Вы, наверное, захотите продавать на валюту, а у нас немногие имеют ее.

— Зачем на валюту? На рубли.

— И что будете с ними делать?

— Куплю для западных фирм товар, который они обычно вывозят от вас, уголь, например.

Наивная! Она, видимо, и не подозревает, что советские экспортеры, получив «свободный выход» на зарубежные рынки, должны практически на все вывозимое испрашивать разрешение.

А кому стало бы плохо, появись у нас такой магазин: радиоприемники, телевизоры, магнитофоны, видео? Дорого? Недешево, наверно. Но не дороже ведь, чем платим ныне пронырам-спекулянтам, рискуя быть обманутыми!

В конце беседы я спросил Хофера:

— А ваше правительство вам помогает?

— Наше правительство? — Он рассмеялся: — Самая лучшая его помощь — не мешать нам, бизнесменам.

ПАРТНЕРЫ

— А мы и не вмешиваемся в их дела,— ответил мне министр экономики Вольфганг Шюссель, когда я передал ему такое пожелание.— Я политик и смысл своей деятельности вижу в решении глобальных вопросов, значимых для всей страны: экология, налоговая политика, как сделать государство более открытым и конкурентоспособным в мировой торговле...

— Но все же вы влияете на деловую сферу?

— Безусловно. Мы намечаем, планируем: строительство, исследования, модернизацию. Но ничего не навязываем предприятиям. Рискуют только они сами! Мы — голос экономики, то есть их голос, в правительстве и, с другой стороны, партнер двухсот пятидесяти тысяч фирм. В отличие от ваших министерств не даем им никаких указаний, а лишь сотрудничаем с ними как равноправные стороны.

Как это выглядит на практике?

Принята, скажем, правительственная программа строительства дорог. Для ее осуществления объявляется конкурс среди строительных фирм, и с теми, которые предложат лучшие условия (сроки, качество, затраты), заключаются контракты. То же самое с сооружением коммуникаций, культурных центров, университетов, больниц и т. д.

Я спросил министра:

— А когда какая-либо фирма нуждается в помощи, разве не оказываете ее?

— Почему же? Если фирма имеет хорошие идеи и ее планы соответствуют программе правительства, например, она стремится выйти на мировой рынок или расширить свой экспорт, то, конечно, может рассчитывать на нашу поддержку. Даже на финансовую помощь.

— Ну, а если она терпит убытки?

— О, нет, тут мы ей не помощники. Не получит ни шиллинга! Предприятие должно приносить прибыль. Иначе оно не нужно никому.

Жестоко? Но тут одно из двух: сердоболие к кому-то одному или забота обо всех. Беспощадный закон процветающего общества.

ЧТОБЫ АД НЕ СЛЕДОВАЛ ЗА НАМИ

Только что «Огонек» закончил печатать роман Михаила ЛЮБИМОВА «И ад следовал за ним» (№№ 37—50). Читательские письма говорят о том, что он вызвал немалый интерес. Ниже публикуется беседа Владимира НИКОЛАЕВА («Огонек») с автором романа.

В. Н.— При начале публикации вашего романа в «Огоньке» было упомянуто, что вы многие годы были нашим разведчиком за границей. Согласитесь, далеко не каждый ваш коллега, завершив свою профессиональную карьеру, пишет роман. Многих читателей интересуют подробности вашей биографии.

М. Л.— Биография у меня образцово-советская: родился в 1934 году, отец — родом из Рязанской области, сначала рабочий, затем сотрудник органов безопасности, в 1937 году репрессирован, затем освобожден и изгнан из организации. Всю войну находился на фронте, где был взят в военную контрразведку, работал там до 1950 года. Мать — из семьи врача, умерла рано, мне было тогда 11 лет. Так что остается загадкой, каким образом литературная инфекция проникла в нашу семью. Свой первый роман (как ни странно, из морской жизни) я написал в школьной тетрадке, прочитав «Цусиму», в возрасте 8 лет в Ташкенте, куда нас эвакуировали. Маме роман очень понравился: «Все там хорошо, Мишенька, только не совсем солидно, что советский адмирал ест в метро эскимо».

В 1952 году из Куйбышева приехал поступать в МГИМО, благо что была у меня медаль. Окончив институт, уехал по линии МИДа в Хельсинки, где работал в консульском отделе. Вскоре получил предложение перейти в разведку и вернулся в Москву. Я всегда был склонен к романтике, свято верил в светлое будущее, восхищался подпольной деятельностью наших революционеров и, кроме того, жаждал свободы общений с иностранцами и захватывающих приключений, которые, как я считал, могла мне дать работа в разведке. В 1961 году направлен в Англию, где пробыл четыре года, затем последовали с перерывом две командировки в Данию, последний раз в качестве резидента, то есть руководителя разведывательного аппарата.

Заграница мощно стимулировала во мне рост антисталинских настроений, которые посеял в моем поколении XX съезд. Все догмы типа «обнищание пролетариата» и т. д. разрушались на глазах, а такие книги, как «Мы» Замятина, «Слепящая тьма» Кестлера, «В круге первом» Солженицына, пробудили отвращение к тоталитарному режиму. Чехословацкие события 1968 года окончательно подорвали остатки веры в нашу систему, хотя до самой перестройки я сохранял еще некоторые иллюзии.

В. Н.— А когда и как вы пришли к литературе, начали писать всерьез, что побудило вас к этому?

М. Л.— Литературный зуд одолевал меня всю жизнь, писал я и рассказы, и пьесы, и стихи, мечтал уйти с работы и начать новую жизнь на вольных писательских хлебах, тем более что с годами я разочаровался в своей профессии. Тем не менее карьера моя двигалась вверх без особых зигзагов и оборвалась лишь в 1980 году. После 25 лет службы уходил я с легким чувством: была приличная пенсия, уже готовые пьесы и стихи, огромное желание писать и писать... Я решил остановиться на драматургии. Далее последовали утомительные и бесплодные визиты в театры и наши органы культуры, беседы с важными тетушками, гордо именовавшими себя референтами и завлитами, бандероли с пьесами в театры (тогда я еще не знал, что пьесы у нас читают редко и на письма не отвечают), рандеву с режиссерами, которых почему-то больше интересовал Чехов в их собственной гениальной интерпретации. Увы, никто из них не звонил мне ночью и не кричал возбужденно: «Я прочитал вашу пьесу и не могу заснуть!» Тем не менее в 1984 году Московский областной драматический театр поставил мою пьесу «Убийство на экспорт», вскоре она прошла и на радио. Пьеса была из серии «политических» и рассказывала о драме американского разведчика — организатора убийства. Знаменитым я наутро не проснулся. Малая победа породила большие надежды, и я удвоил усилия. Чуть не приняли киносценарий, заинтересовались пьесой по Замятину и Оруэллу. В начале 1990 года «Детектив и политика» опубликовал мою пьесу-пародию на тайную войну КГБ и ЦРУ, пока не нашедшую своего театра, вскоре там же напечатают мою комедию о дипломатах.

С момента моей отставки пролетело почти 10 лет, нормальный человек

моей профессии давно бы понял, что он графоман, и устроился бы на работу куда-нибудь в кадры или швейцаром в хаммеровском центре. Но я продолжал писать, хотя начал подозревать, что в театре народ гораздо коварнее, чем в разведке. «Лазарет самолюбий!» — повторял я слова Чехова о театре, но себя в подобный лазарет естественно, не зачислял.

В. Н.— Читатели романа понимают, что имеют дело не с исторической хроникой и не с документальной прозой, а с художественным произведением, но тем не менее интересуются, насколько в нем отражены реальные события.

М. Л.— Бесспорно, в романе вымышленная ситуация и персонажи, но все это упало на художественную почву не с неба. Во всяком случае, под большинство эпизодов, сюжетных поворотов, черточек биографий я могу подложить какую-нибудь иллюстрацию либо из обширной западной литературы о разведке, либо из собственного опыта.

В. Н.— Насколько реальны записки разведчика из тюрьмы? Что в данном случае от жизни, а что от писательского вымысла?

М. Л.— В тюрьмах сидели наши нелегалы — полковник Абель, арестованный в США из-за предательства своего помощника, Гордон Лонсдейл, он же Конон Молодый, Юрий Логинов, арестованный в ЮАР. Всех их потом обменяли. Наверное, сидели и другие, с воспоминаниями такого рода мы уже знакомы, особенно в последние годы. Были и случаи предательства.

В. Н.— О предательствах в разведке мы уже наслышаны...

М. Л.— Да, тут и шифровальщик военной разведки Гузенко, ушедший в Канаде после войны и проваливший целую группу агентов, добывавших атомные секреты, и специалисты по террору и саботажу Хохлов и Лялин, в последние годы — Левченко, Кузичкин, Гордиевский...

В. Н.— Но у вас Алекс имитирует предательство, а на самом деле это способ внедрения во вражескую разведку. Насколько это реально?

М. Л.— Вполне реально. Во всяком случае, почти все перебежчики очень тщательно проверяются, как возможные подставы враждебной разведки. Например, в 1964 году бежал на Запад крупный работник контрразведки КГБ Ю. Носенко, выдавший очень много секретов работы КГБ внутри страны и особенно в Москве. Американцы не только проверяли его на детекторе лжи, но и в тюрьме долго держали: так сильны были в них подозрения. Кстати, в бериевские времена Кима Филби и других наших помощников-агентов НКВД тоже подозревало в двойной игре. Вообще в разведке есть невероятные сюжеты. Помните, несколько лет назад был похищен в Италии ЦРУ советский разведчик Юрченко, который потом ушел от американцев и об этом рассказывал нам с телеэкрана? Американцы до сих пор утверждают, что он перешел сам и выдал ряд наших агентов. Интригующий сюжет, правда?

В. Н.— Ваш роман относится к жанру политического детектива. К сожалению, этот эпитет — «политический» — в нашей литературе в последние годы во многом дискредитирован, девальвировался. В вашем романе, к счастью, такой тенденции нет.

Речь идет о морали и нравственности, о библейских заповедях, недаром и само название романа — цитата из Библии, недаром предваряет его цитата из А. К. Толстого:

Двух станов не боец, но только
гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой
добрый меч.
Но спор с обоими досель мой жребий
тайный,
И к клятве ни один не мог меня
привлечь...

М. Л.— Определение «политический детектив» приводит меня в ужас. Действительно, я использовал некоторые детективные ходы, да и сам сюжет с поиском Крысы — из того же родника. Но я хотел прежде всего показать человека в Системе, если угодно, неплохого человека, исковерканного Системой и профессией, лишенного кое-каких моральных основ, но не погибшего до конца и жаждущего обрести и себя, и Истину, и своего неосознанного, путаного Бога. Мой Алекс давно очумел от борьбы идеологий, «холодной войны» и виски, осознал напрасность своей жизни. Как ни странно, начал я писать нечто приключенческое, ведь мой антигерой жизнелюбив и находчив, он не принадлежит к породе горемык. А эпиграф из А. К. Толстого я понимаю однозначно: все это соревнование «двух мировых систем», двух станов, упавшее на нас по воле Истории, суть трагедия, принесшая горе прежде всего нашему российскому стану. Нет станов, а есть одно человечество, одна цивилизация.

К сожалению, наш читатель недостаточно подготовлен для восприятия книг о шпионаже, и в этом вина не его, а тех, кто десятилетиями культивировал литературу, прославляющую фальшивые стереотипы чекистов. Даже о своих настоящих героях мы не говорили правду: только сейчас публикуются материалы о судебном процессе над полковником Абелем, выходят мемуары Блейка, написано о Лонсдейле, хотя до сих пор нет правдивых книг о Киме Филби, Гае Берджессе, Дональде Маклине... Список велик, наша разведка может гордиться своими сотрудниками, убежденно работавшими ради «построения нового мира». Это и подвиг, и драма. Вообще эта тема — нераспаханное поле. На Западе о наших разведчиках и агентах исписаны горы бумаги, регулярно появляются научные исследования о ЦРУ, КГБ, СИС, мемуары разведчиков, не говоря уже о шпионской беллетристике Ле Карре, Форсайта и многих других.

В. Н.— Абсолютная засекреченность у нас разведывательной деятельности невольно наложила запрет на произведения о ней. В этом плане в детективе о наших разведчиках вы являетесь своего рода первопроходцем. Вы смогли сказать то, что хотели, или же наши традиционные запреты все же помешали раскрыть тему до конца?

М. Л.— Наша цензура почти выбила жанр шпионского триллера из литературы. Да и бывшие разведчики фактически не имели возможности писать правду. Между тем на Западе Сомерсет Моэм, сотрудничавший с английской разведкой, написал и серию блестящих рассказов о секретной службе, и роман «Эшенден» о своей тайной миссии в Россию, английские разведчики Комптон Маккензи, Грэм Грин, Ян Флеминг выросли в известных писателей. Мне доводилось читать рукописи наших разведчиков, часто талантливых людей. Вы не представляете, как скудела их фантазия под железным катком самоцензуры, как старательно очищали они свои тексты от крупиц правды, вписываясь в стереотип преданного партии героя-чекиста. Когда я писал что-то о нашей работе даже после отставки, я чувствовал в себе такую самоцензуру, что Главлит по сравнению с нею детский сад. Вот вы спрашиваете, не мешали ли мне традиционные запреты? И в этом вопросе отражается весь миф о каких-то якобы неизвестных формах и методах работы спецслужб, и в частности КГБ. А на самом деле единственные секреты — это фамилии, должности, адреса, операции и прочие конкретные факты.

Культ секретности и соответственно КГБ достиг у нас невиданных масштабов. Мы никак не наведем порядок с секретностью в нашей стране, и всего лишь потому, что существует масса людей, которые получают хорошие деньги за охрану несуществующих секретов, и не только деньги, но и престиж, и таинственный ореол, прикрывающие видимость деятельности. Единственные секреты, которые я пытался раскрыть в романе, касались человеческой души. Мне трудно судить, насколько мне удалось описать жизнь и работу разведчиков, я писал об Алексе, больше всего меня интересовала его человеческая судьба. Наверное, о жизни и работе разведчиков лучше писать документальные романы-эпопеи.

В. Н.— Когда читаешь роман, то невольно вспоминаешь те крохи информации о нашей разведке, какие в разное время стали нам известны из советской и зарубежной печати. Сухие протокольные факты и только факты, без всякой подоплеки: кто-то вдруг попросил политического убежища за границей, кого-то выслали как нежелательную персону (а то и сразу несколько десятков человек, как, например, из Англии) и т. п. А что кроется за такими событиями? Продажность отдельных аморальных личностей? Или не тот их отбор? Плохая выучка? Или их идейные разногласия с Системой, которой они были обязаны служить? В романе такие размышления или намеки на них встречаются. Как вы смотрите на эти проблемы сегодня?

М. Л.— Массовые высылки отнюдь не означают, что разведчиков на чем-то прихватили. Во времена потепления отношений с Западом все наши внешние организации, включая разведку, стали расти бешеными темпами, посольства и другие загранучреждения увеличивались по законам Паркинсона. Наши руководители совершенно забыли, что разведка работает не в Курской области и нельзя до бесконечности увеличивать ее аппарат. В Англии, например, сначала об этом деликатно предупреждали, а в 1971 году взяли и выставили более чем 100 человек, ввели квоты. Аналогичные действия предприняли и другие страны. Если бы Запад не ввел квоты, я уверен, что и в Англии, и в большинстве стран с хорошими условиями жизни работали бы уже целые дивизии разведчиков и дипломатов, ведь бюрократия (и не только она) жаждет любыми путями вырваться за границу. Причем отнюдь не из идейных или профессиональных соображений.

Если взять рутинные высылки, то, как правило, это расплата за ошибки разведчика. Я сам когда-то поплатился за свою излишнюю активность и был без газетного шума выслан из Англии. Что касается предательств в разведке, то они в значительной степени отражают кризис общества, объясняются неверием в декларируемые идеалы, распространением коррупции. Рыба гниет с головы, и разведка очень к ней близка. Наверное, среди предателей есть и идейные противники, почему бы им не быть? Но я как-то не верю заявлениям о шпионаже в наше время чисто по идейным соображениям, всегда подозреваю, что была еще какая-то тайна. Не надо забывать простую библейскую истину: человек грешен. Одни любят деньги, которые не пахнут, существуют человеческие страсти, которые можно при желании использовать. На мой взгляд, в эпоху застоя в наших колониях за рубежом царил такой страх перед перспективой конца заграничной карьеры, что даже при небольших прегрешениях человек мог поддаться на шантаж иностранной разведки. При всех издержках перестройки радостно видеть появление чувства человеческого достоинства, люди перестают бояться Системы, и это прекрасно.

В. Н.— Вы сказали, что разочаровались в профессии разведчика. Почему?

М. Л.— Наверное, я был слишком романтиком, слишком много от нее ожидал... Я постепенно понял, что в условиях тоталитарной системы разведка играет малую роль. Уверовал Сталин в лояльность Гитлера — и что там донесения Рихарда Зорге или агентов «Красной капеллы» о приближении войны! Сталин даже передавал Гитлеру предупреждения Черчилля о готовящейся агрессии — так он дорожил его доверием. Какой начальник разведки осмелится докладывать своему шефу сведения, которые могут стоить ему головы? Ну, а при Хрущеве или Брежневе — должности. Сколько в своей жизни я видел сообщений с негативными оценками нашей политики, и почти все они летели в корзину и не докладывались в Политбюро. Зато всегда прекрасно оценивалась информация, в которой пели аллилуйю выступлениям Брежнева, ссылаясь на «исключительно положительную реакцию» в западных кругах! Мне вообще кажется, что в тоталитарной системе сведения разведки всегда можно использовать так, как этого хочет обладатель информации — в данном случае председатель КГБ. Кроме того, у меня большие сомнения, что наше руководство при его загруженности в состоянии прочитать даже малую толику тех огромных информационных потоков, которые катятся на него из различных ведомств, в том числе и из КГБ. Впрочем, проблема «информационного бума» касается не только нашего государства.

Я все больше склоняюсь к мысли, что одна умная книга или официальный отчет группы независимо мыслящих экспертов гораздо больше дают для понимания политического положения в стране, чем донесения тайных агентов или секретные доклады, которые, несмотря на гриф, бывают поразительно банальны и пусты.

В. Н.— Ваш роман, сам факт его публикации свидетельствуют о том, что перестройка вторглась и в сферу нашей разведки, в сферу КГБ в целом. Понятно, что, как и вся страна, это засекреченное ведомство нуждается в новых идеях, в реформе. Не могли бы вы сказать о том, в чем в первую очередь должна выразиться перестройка в КГБ? Например, утвержденный недавно председателем КГБ Белоруссии Э. Ширковский подробно рассказал депутатам Верховного Совета БССР, как он собирается перестраивать работу органов безопасности. Следуя Конституции, КГБ будет отчитываться в своей деятельности перед Верховным Советом, его комиссиями и перед правительством республики. Во главу угла будет поставлена борьба за человека, а не против него... Также недавно было опубликовано письмо работников Управления КГБ СССР по Свердловской области, в котором критически оценивается его деятельность в ходе перестройки и предлагаются конкретные меры по реорганизации органов госбезопасности.

М. Л.— Посмотрим, как эти идеи будут воплощены в жизнь. Повернуть КГБ лицом к человеку — это большое дело! Николай I в 1825 году при основании Третьего Отделения подарил его шефу Бенкендорфу платок со словами: «Тут все мои директивы. Чем больше слез ты будешь вытирать им со своего лица, тем преданней ты будешь служить моим целям». Третье Отделение, так раздраконенное нашими революционерами-демократами, насчитывало тогда лишь 16 человек, правда, к концу царствования Николая разрослось до 40. Кстати, газета «Московские новости», сделав анализ на основе сравнения со спецслужбами ГДР, пришла к выводу, что число лишь кадровых сотрудников КГБ составляет не меньше 1,5 миллиона.

КГБ давно созрел для реорганизации, и я не понимаю тех его руководителей, которые утверждают, что вся система «сложилась исторически» и поэтому, мол, не нужно менять структуры. Именно потому и нужно менять, что исторически у нас сложилась жесткая полицейская система, охраняющая тоталитарный режим от некоммунистических идей и «тлетворного влияния Запада». Шпиономания со времен Сталина была поставлена во главу угла пропаганды, органы контрразведки непомерно разрослись (Берия и не мечтал о таких ее масштабах!) и поставили под контроль все контакты наших граждан с ино-

странцами. Даже мы, разведчики (и не только мы!), работающие за границей, приезжая домой, боялись соприкоснуться случайно с каким-нибудь иностранцем, не давали им ни домашних телефонов, ни адресов — а вдруг?! Попасть в одну компанию с гражданином натовской страны (не говорю уж о близком знакомстве или, не дай Бог, дружбе) и то казалось рискованным даже для людей, не работающих на режимных объектах и не имеющих доступа к секретам.

Сейчас уже хорошо видно, от чего должен быть защищен гражданин нашего государства. Прежде всего от разгула преступности, в том числе организованной, которая видимо и невидимо обирает его как липку, от терроризма, национального экстремизма, попыток переворотов. Лишь за этим идет охрана государственных секретов, по крайней мере такие приоритеты во внутренней безопасности существуют во всех цивилизованных странах. Нынешний КГБ уже мало вписывается в новую внешнюю и внутреннюю политику, странно, что этого не замечает руководство страны. Нужна новая концепция национальной безопасности, ее широкое обсуждение не только практиками из КГБ, но и политиками, учеными, представителями других ведомств, системная проработка целей и задач, уточнение, что же такое «разумная достаточность» для органов безопасности. Явно назрело сокращение организации, необходимо отделить разведку от контрразведки, устранить параллелизм в работе управлений, кое-какие синекуры вообще прикрыть, ликвидировать ряд направлений в работе, возникших в годы бюрократизации всей нашей жизни, конечно же, нужны департизация или по крайней мере введение в руководство КГБ беспартийных и представителей других партий. КГБ — это не медицина и не геология, нельзя отдавать его перестройку только в руки профессионалов: они могут утянуть воз в такие дебри, что общество ахнет от нововведений.

В. Н.— К концу романа ваш Алекс, по сути дела, превращается в террориста... Разве КГБ занимается террором?

М. Л.— Террористом Алекс становится благодаря интригам предателя — своего начальника, «Монастырь» подобных заданий ему не ставит. Во времена сталинщины органы безопасности активно убирали неугодных людей за кордоном, главным образом своих бывших сотрудников и таких деятелей, как Петлюра, Кутепов, Троцкий, а после войны — ряд лидеров НТС. Я считал, что эта практика продолжалась до 1959 года, когда в Мюнхене агентом КГБ Сташинским был убит Степан Бандера. Убийца в 1961 году перешел на сторону Запада, покаялся и дал показания на судебном процессе в Карлсруэ. Должен сказать, что во время своей работы я никогда не слышал о терактах, наоборот, Андропов всегда подчеркивал, что к прошлому возврата нет. Однако сейчас появляется новая информация. Например, попытка отравить Амина и его гостей, обстрел его дворца, во время которого он был убит. После распада ряда восточноевропейских разведок стало известно, что на их территории нашли приют террористы, совершившие много преступлений. Утверждается, что Хонеккер якобы знал о готовящемся взрыве в западноберлинской дискотеке, во время которого погибли люди. Газеты пишут, что террористы скрывались и в СССР. В то же время руководство КГБ заявляет о сотрудничестве с ЦРУ в борьбе с международным терроризмом. Вряд ли есть наивные люди, считающие, что КГБ не имел теснейших контактов с восточноевропейскими разведками, но КГБ на этот счет хранит молчание, и это порождает массу слухов и домыслов.

Совсем недавно в «ЛГ» напечатана статья с прозрачным намеком, что Сахаров мог быть подвергнут во время лечения в Горьком вредным воздействиям, что ускорило его смерть. Помнится, в свое время американские дипломаты в Москве высказывали протесты в связи с обнаружением ими в своей одежде датчиков с вредным для здоровья излучением — они использовались для слежки. Чтобы прекратить домыслы и слухи, стоило бы принять закон об уголовной ответственности за использование спецслужбами средств, вредных для здоровья человека.

Первый секретарь посольства Великобритании в США Дональд Маклин (полусидит на столе) в кабинете посла (Вашингтон, 1947 год). В 1951 году Маклин был разоблачен как агент советской разведки и бежал в СССР. Умер в 1983 году в Москве.

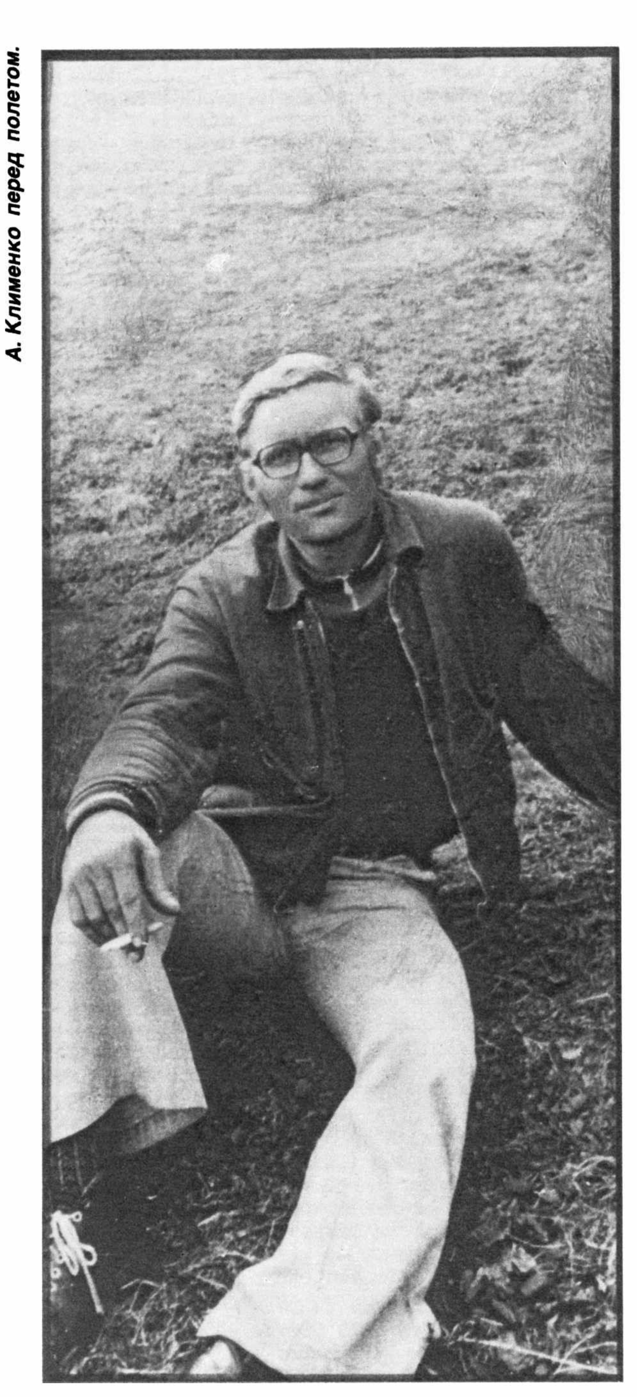
Первый секретарь посольства СССР в Дании, сотрудник разведки КГБ Олег Гордиевский на квартире у своего шефа, советника посольства СССР М. Любимова (Копенгаген, 1977 год). В 1985 году Гордиевский был разоблачен как агент английской разведки, организовавшей его побег из СССР.

В. Н.— Ваш герой, разведчик, угодил в конце концов в тюрьму аж на 30 лет. Что ж! Таковы правила игры. Разведки и их агенты были в прошлом и еще будут. Но все же сейчас, в период становления нового мышления в международных отношениях, их судьба, по-моему, тоже должна как-то измениться. Как? Мне трудно сказать, я не специалист в этой области, но думаю, что для начала мы могли бы вспомнить о тех, кто, так же как и ваш герой, обречен сидеть за шпионаж в тюрьме еще много лет. Отношения между их странами (и между лидерами этих стран) изменились в лучшую сторону, а они по-прежнему являются жертвами прошлого. Что вы думаете по этому поводу?

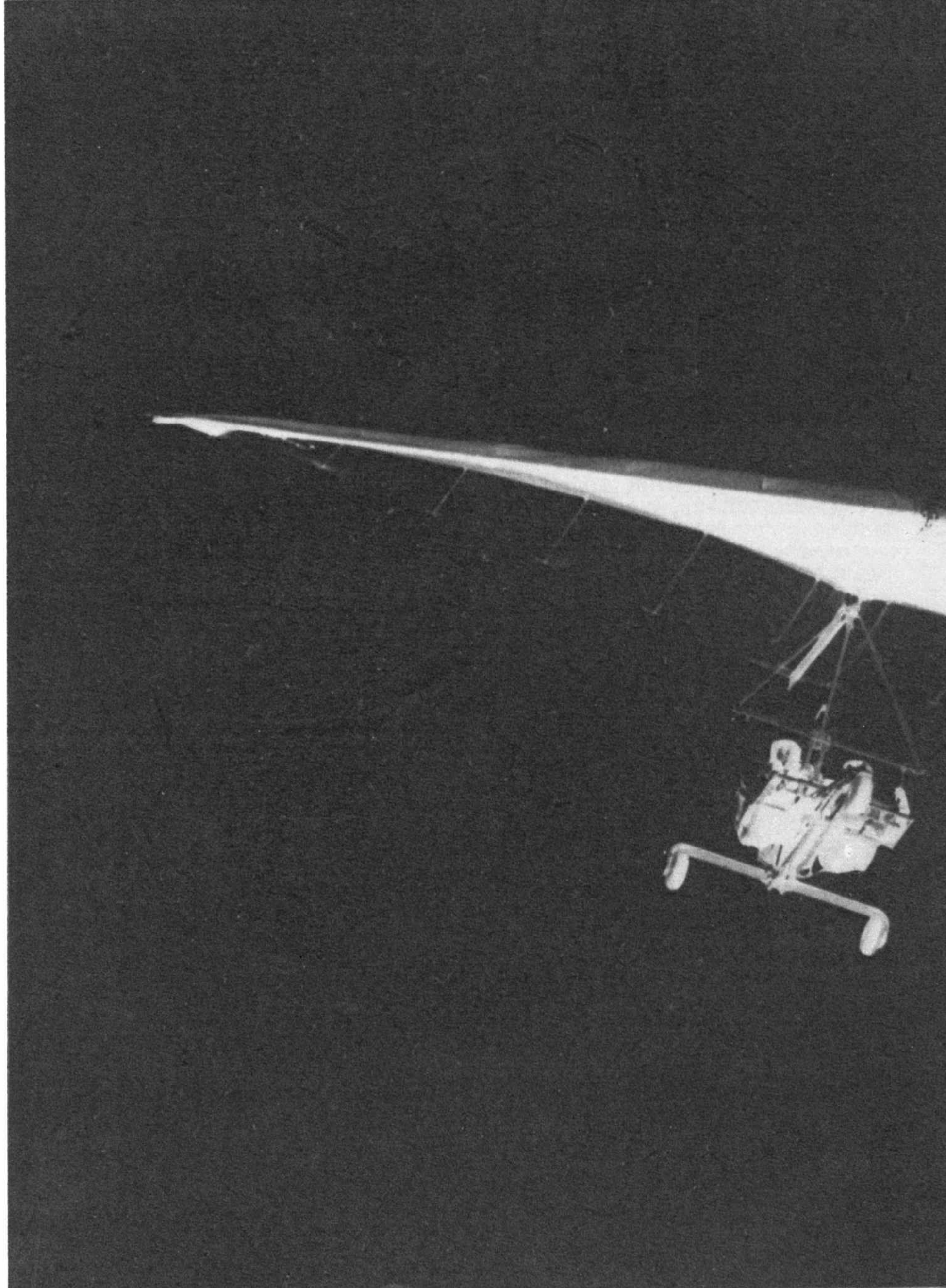
М. Л.— Главное, на мой взгляд, в период перестройки — это конец «холодной войны» и соответственно борьбы разведок. Тут изменить свое отношение друг к другу нелегко ни Востоку, ни Западу, но совершенно очевидно, что необходимо на взаимной основе сократить разведывательную деятельность, уйти от острых форм работы, подрывающих взаимное доверие. Как это сделать? Боюсь, что сами спецслужбы всегда найдут повод вставить палки в колеса такому сотрудничеству, оно им невыгодно, ибо напоминает подрубание сука, на котором сидишь. А ведь во время войны существовал обмен информацией между нами и СОЕ — тогдашним разведывательно-диверсионным подразделением Англии и Управлением Стратегических служб — будущим ЦРУ! Конечно, эти отношения были далеки от идеала, но и время было другое! Мне кажется, что к организации сотрудничества спецслужб, в том числе в области борьбы с терроризмом и обмена информацией о горячих точках, должны подключиться активнее парламентарии и общественные организации. И в качестве доброго, гуманного жеста и Запад, и Восток должны амнистировать всех осужденных за шпионаж — в конце концов эти люди стали жертвами «холодной войны», а после войны обычно обменивают пленных.

Боюсь, что мои идеи не вызовут энтузиазма ни в КГБ, ни в ЦРУ. Покажется парадоксальным, но, находясь в состоянии тайной войны, раздувая шпиономанию и мощь противника, противостоящие спецслужбы как бы подпитывают друг друга и попадают во взаимозависимость. Козни врага постоянно преувеличиваются, бюрократические аппараты растут, и за все это расплачивается налогоплательщик, не имеющий возможности разобраться в происходящем из-за тумана секретности.

Но будем надеяться на лучшее, Парижская хартия о конце «холодной войны» должна многое изменить.

А. Клименко перед полетом.

На фоне целой серии катастроф, потрясших нашу страну в последние годы, эти две прошли почти незаметно. 27 марта 1990 года в Киеве при исполнении служебного задания на фирменном изделии «302» погиб В. Покотилов — один из ведущих пилотов отделения СЛА (сверхлегких летательных аппаратов) завода им. О. Антонова.

А ровно через две недели, тоже во вторник, тоже в пять часов весеннего вечера, на аэродроме Тушино под Москвой погибли ведущий конструктор того же отделения СЛА А. Клименко и командир отряда СЛА Центрального аэроклуба имени Чкалова А. Кевшин. Они разбились на таком же дельталёте (изделие типа «302» Киевского завода им. О. Антонова).

И в том, и в другом случае работали комиссии, которые изучали причины случившегося, исследовали прочность материалов и качество сборки. Но истинные, глубинные причины катастроф лучше других знали сами погибшие. Увы! Предстать перед уважаемыми членами тех комиссий они уже не могли.

У нас же есть уникальная возможность огласить показания одного из... погибших, который вправе претендовать на роль главного свидетеля: он был ведущим конструктором-ученым и одновременно опытнейшим летчиком-испытателем. Это Анатолий Павлович Клименко.

Удивительные бывают в жизни совпадения. Сорок один год прожил Анатолий Клименко, можно сказать, без оглядки. Некогда было. Но совсем незадолго до своей гибели взялся писать нечто вроде исповеди. Черная догадка возникает в сознании, что не совсем тут совпадение... а когда начинаешь читать эту исповедь, перед нами, живыми, догадка переходит в уверенность: он знал, что скоро уйдет. Молодой, удивительно талантливый, полный сил и здоровья — и все же чувствовал, что роковая черта где-то совсем уже близко. И потому:

«Без сомнений и долгих раздумий взялся за перо. Но терпеть больше нельзя: работать творчески, с полной отдачей, как того требует наше время, в сложившейся обстановке невозможно. Не могу мириться и с тем, что меня, одного из пионеров сверхлегкой авиации в стране, явно выживают из коллектива, буквально отлучают от любимого дела, от работы, без которой себя не мыслю».

Еще мальчишкой он мечтал о небе. За год до поступления в Харьковский авиационный институт пришел работать в его СКБ, а став затем студентом, организовал инициативную группу. Под руководством начальника СКБ А. Ф. Пильняка они построили одноместный самолет ХАИ-21 с гибким дельтавидным крылом. Эта работа стала и дипломным проектом Анатолия Клименко, который он защитил в 1973 году. Тогда же на ВДНХ СССР группа стала лауреатом, студенты получили первые свои награды. Гибколёт демонстрировался на международной выставке «Человек и его мир» в Нью-Йорке, Вашингтоне, Ванкувере, Монреале...

В ОКБ Олега Константиновича Антонова молодой инженер пришел, полный творческих надежд и вполне конкретных замыслов. Но есть украинская поговорка, что вола приглашают на свадьбу не пиво пить, а воду возить. Он это понимал и свои замыслы, чертежи готовых разработок принес в общественное КБ при комитете комсомола. Там можно было дерзать после основной работы, за счет своего свободного времени. И он дерзал. Да так, что вскоре КБ целиком переключилось на дельтапланерную тематику. И уже через год:

«Мы построили два дельтаплана по моему проекту. На одном из них с М. Пятецким сделали свои первые шаги в небо над легендарной горой Клементьева в пос. Планерском.

Мечта сбылась!..

Затем служба в Советской Армии. Летал на дельтаплане над скалистыми берегами, выезжали в Планерское. Там научился парить, экспериментировал, делал разработки новых проектов... После демобилизации вернулся на прежнее место работы.

Вскоре меня назначили начальником бригады по проектированию дельтапланов — первого в отрасли специализированного подразделения по данной тематике.

... За короткое время мы спроектировали «Славутич-УТ», по заключению ЦАГИ и заказчика явившийся по тому времени замечательным аппаратом — простой и надежной «учебной партой» для любителей свободного полета. Начался этап освоения дельтаплана в серийном производстве. Я был назначен представителем генерального конструктора на Иркутском авиазаводе по серийному выпуску дельтапланов, выполнял обязанности ведущего конструктора».

Конечно, работать одновременно в Иркутске и Киеве было не так-то просто. Он сжигал себя, будучи одновременно конструктором, толкачом, экспертом, летчиком-испытателем... Но аппарат выходил в серию! И в это время произошло нечто необъяснимое. Бригаду расформировывают под нелепым предлогом «изыскания трудовых резервов» и... тут же создают под другим названием, но с теми же задачами. Правда, теперь во главе ее уже не Клименко, а его непосредственный начальник Д. Решил пойти на понижение в должности? Как бы не так! Еще одна реорганизация — и группа становится отделением сверхлегкой авиации во главе с тем же Д.

А что же наш главный свидетель? Его отстранили от работы? Нет, кто станет резать курицу, которая несет золотые яйца! Главное, чтобы она не оставляла их себе. Группа разработчиков «Славутича-УТ» была отмечена престижной союзной премией. Самому же Клименко дали возможность продолжить работу над диссертацией и перелопатить целый комплекс вопросов: от формирования облика до серийного производства летательных аппаратов определенного типа.

ИСПОВЕДЬ ИКАРА НАШИХ ДНЕЙ

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ

Фото Сергея КОСЬЯНОВА

Но блестящая защита диссертации кое-кого ослепила. Д. не скрывал своей досады: «Работали все, а автор диссертации один». Каждая ссылка на нее воспринималась как неприличное слово в приличном обществе.

В исповеди погибшего есть и такие строки:

«...предавались анафеме статистические закономерности и формулы, являвшиеся на тот период единственным научно обоснованным инструментом проектирования».

С горечью признается Анатолий, как он «гнулся», вписывая Д. в соавторы своих изобретений — лишь бы работать, внедрять, двигать дело. А познавалось новое нелегко. В серийных изделиях, к примеру, обнаружился недостаток, который в определенных условиях мог втянуть дельтаплан в пике.

«... Я стал искать решение. Неоднократно выезжал в Иркутск, вместе с заводчанами много летали. Приходилось не раз лично «вгонять» дельтаплан в запредельные режимы. Однажды это чуть не стоило мне жизни — спас глубокий сибирский снег... Выход был все-таки найден...

Результаты исследований были изложены мною в трех научно-технических отчетах, которые Д. отказался утвердить. Причина, очевидно, та же: они базировались на моей диссертации. Но самое существенное — результаты необходимо было широко обсудить и вооружить ими практиков. Это же безопасность полетов!»

Он мог еще «гнуться», когда дело касалось лично его. Почти спокойно, даже опустошенно, всего несколькими строками вспоминает он и такой эпизод:

«Был и еще один мой проект мотодельтаплана оригинальной конструкции «Малыш»... Вопреки моему стремлению довести дело до летных испытаний, аппарат отправили на ВДНХ, а после растащили по винтикам.

...Мною был задуман и спроектирован мотодельтаплан. По существу, это было развитие гибколета ХАИ-21 (моего дипломного проекта), т. к. других отечественных аналогов тогда не существовало. Общий замысел, компоновка, геометрические параметры, основные конструктивные решения, аэродинамический и прочностной расчеты были выполнены мною. В создании проекта принимали участие мои товарищи по бригаде О. Белоус, В. Симагин, В. Моисеев и др. 1 августа 1982 года я впервые поднял М-1 в воздух и самостоятельно научился летать на нем. В следующем году выполнил демонстрационные полеты на VIII Спартакиаде народов СССР; участвовал в воздушном празднике в Киеве на чемпионате мира по авиамодельному спорту.

В этот же период в отделении были получены четыре импортных мотодельтаплана. Я составил инструкции по полетам и методику обучения и сам же их облетал. Затем по этой методике и под моим наблюдением новые типы летательных аппаратов освоили В. Покотилов, С. Марчевский, С. Дробышев, А. Омельчук. Когда же в отделении проводился отбор кандидатов и готовились документы на присвоение званий «дельтапланерист-испытатель», я первоначально «естественно» туда не попал».

Звание ему в конце концов присвоили, просто не могли этого не сделать, но случай в очередной раз унизить, чтобы «не высовывался», упущен не был. Серым людям нужен был талантливый раб. Им не дано понять, что для истинного таланта рабство невыносимо. Кажется невероятным, но это так: Анатолия Клименко, кандидата технических наук, дважды отмеченного медалями ВДНХ СССР, почетным знаком «Изобретатель СССР», автора 45 научных трудов и многих изобретений (это все из листка по учету кадров), на протяжении многих лет попросту не допускали на заседания научно-технического совета отделения, в котором он работал. С ошарашивающей простотой Д. объяснял это тем, что некоторые члены совета питают личную антипатию к Анатолию.

Но специалистам уже хорошо было известно это имя. В ЦК ДОСААФ ему предлагают облетать только что полученные французские мотодельтапланы «Космос». Узнав об этом, непосредственное начальство устраивает ему разнос.

«К полетам меня больше не допускают. Причем, именно не допускают, а не отстранили. Ни основания для этого, ни, естественно, распоряжения не было».

Он просит разрешения испытать новую разработку, им же предложенную. Категорический отказ. Он согласен сделать это бесплатно, в свои выходные дни. А ему в ответ: «Мы рассматриваем полеты как награду, а ты ее не заслуживаешь». Бескрылым не понять, что чувствует человек, отлучаемый от дела своей жизни. Он уже готов проглотить личные обиды, лишь бы двигалось дело... Анатолий вспоминает, с какими унижениями добивался участия в интересной и перспективной работе по применению мотодельтапланов в геологоразведке. Это был заказ Мингео. Заказчик вел переговоры через него лично и надеялся, естественно, на его участие в экспериментах.

Это не очень нравилось завистникам. Оформление договора затягивалось на месяцы, пока Мингео не нашло другого партнера. Вот тогда и спохватились. Ведь уплывала престижная работа!

«Что касается участия в этом эксперименте нашего отделения и в целом КМЗ, то после долгих и тяжких раздумий, кстати, не без помощи и содействия москвичей, Д. командировал все-таки меня. Естественно: на птичьих правах, без летных документов, без программы. В общем, выехал без подготовки, тренировки и экипировки. Несмотря на такой подход, мне все же удалось изучить вопрос и лично выполнить 90 полетов. Правда, летать пришлось полулегально и, естественно, бесплатно. Да, с таким подходом мы будем внедряться в народное хозяйство до второго пришествия...»

Это из «исповеди». А вот дневниковая запись, сделанная после завершения работы: *«Мною представлен полный отчет по Кольскому полуострову (именно там проводились испытания.—* **С. К.** *), в т. ч. результаты, опыт, уточнение требований к мотодельтапланам, рекомендации. Решения нет... Работа очень опасная, т. к. в случае аварии или серьезной травмы спасать некому — 270 км. АН-2 появляется через день-два».*

Последние странички «исповеди» больше похожи на пророчества. Только делаются они не сообразно движению планет, а по конкретным действиям конкретных людей, которые неумолимо вели к катастрофе.

«Сделал анализ технического уровня изделия «302», показал слабину, резервы улучшения, высказал критические выводы по проекту... Д. дал свою оценку (после разноса), депремировал меня.

Сделал углубленный анализ технического уровня проекта этого же изделия «302». После четырех месяцев упорной работы (отчет был почти закончен) последовал неожиданный финал: Материалы «арестованы» в сейфе, сначала под предлогом проверки, а затем работа перешла в разряд секретных. Так я стал врагом фирмы».

(«Склонен к дискуссиям, не оправданному сроками углублению в существо работ (!) и навязыванию своих предложений. Некорректно (?) писал статьи и изобретения. С коллективом неровен...» — из характеристики, данной Анатолию начальником бригады П.)

Когда «углубление в существо работ» записывается в характеристику ученого-конструктора в качестве негативной черты, да еще в таком деле, как воздухоплавание,— это уже не преддверие катастрофы — сама катастрофа. Анатолий Клименко понимал, что Система, где мерилом чистоты научного эксперимента является соответствие Плану и Директивным срокам, ведет его к гибели. И своей исповедью (я не вижу иного объяснения) хотел уберечь других. Вот последние странички этих записей:

«...Наше главное изделие — мотодельтаплан «302» — не оптимизирован по главным критериям (хотя бы первых уровней) и не имеет должного запаса новизны, не соответствует современному уровню.

...Подавляя творчество и не заботясь о формировании опережающего научно-технического задела идей, можно очень быстро прийти к «финишу». Мы плетемся в хвосте.

В самоделках мы действительно обошли всех...

Сделал анализ надежности и безопасности изделия «302», показал его слабости — в результате попал почти под формулу 37-го года.

Получается уже закономерность моей стези. На самом деле это есть проявление порочной практики: не показывать свои слабости — низкий уровень изделий, а затем преступный метод доводки на этапах серии или еще хуже — на этапах эксплуатации.

А теперь о критике. Не так давно я критиковал тт. Д. и П. за подлог: представление на ВДНХ УССР полуимпортного дельтаплана с японским двигателем, сельхозаппаратурой ФРГ, выданного ими за собственную разработку. (Экспертную комиссию завода удалось пройти неизвестно как.) И что же? После этой критики я однозначно ощущаю на себе прямое или косвенное давление; методично, последовательно отравляются мои взаимоотношения с коллективом... Зато их «вклад» оценен высоко — награды ВДНХ, врученные на торжественном собрании, денежные премии.

На одном из заседаний научно-технического совета я задал критический вопрос: почему ничего не делается по увеличению несущих характеристик крыла. Д. просто выгнал меня из кабинета. И неспроста — это была больная тема. Тут же последовало указание начальнику летной бригады В. Покотилову: «Клименко к программам и экспериментам не допускать». Можно без конца продолжать этот печальный список.

Как я устал...»

А дальше записи уже делались кровью: 27 марта погиб (на фирменном изделии «302») В. Покотилов, через две недели на таком же «302» погибли Клименко и Кевшин.

В выводах комиссии говорится, что конструкция разрушилась на высоте 100 м, не выдержав перегрузок. Указывается также, что катастрофы (я бы сказал: ее последствий.— **С. К.**) можно было избежать, если бы «летательный аппарат был оснащен спасательной па-

Марк ТАРЛОВСКИЙ

СТИХИ ИЗ КНИГИ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Эта книга должна была выйти в Госиздате в 1930 году. Называлась она «Почтовый голубь». В ЦГАЛИ сохранилась верстка — с авторской правкой и типографским штампом. Цензорского разрешения не последовало. Набор рассыпали. Искать причину расправы в «крамольности содержания» бессмысленно: на нее там нет и намека.

Впрочем, нет ничего интригующе загадочного и в несчастье, приключившемся с поэтом Тарловским (1902—1952) и его творением. Все просто: цензор среагировал не на то, что в книге было, но на то, чего в ней не было. На отсутствие однозначной «идейной позиции» автора — в год «великого перелома». На лирику, где «цель поэзии — поэзия» (Пушкин). Он был проницателен, цензор.

Тарловский был виноват лишь тем, что броско вошел в литературу, сразу обратил на себя внимание: его первая книга, «Иронический сад» (1928), принесла совсем еще молодому поэту известность и признание (и давно уже ценится библиофилами как большая редкость). А тому, что он был сразу принят старшими поэтами как равный, немало способствовала с отрочества начавшаяся дружба с уже ставшим знаменитым Эдуардом Багрицким, да и вообще, можно сказать, что вместе со своими друзьями — Юрием Олешей, Валентином Катаевым и другими — он был в центре своего рода «одесского землячества» в столичной литературной жизни.

Словом, «Почтовый голубь» был книгой поэта «с именем», потому редакторско-цензорское отношение к стихам отличалось пристальностью, которой автор, думается, очень хотел бы избежать.

Он, конечно, не сдался без борьбы. Сперва попытался издать ту же книгу в другом издательстве, «Федерация», сменив лишь название — на «Бумеранг». Не вышло. Пришлось пройти сквозь строй уступок и компромиссов, после чего в вышедшем-таки «Бумеранге» осталось всего тридцать (из пятидесяти трех) стихотворений из «Почтового голубя», да и те в большинстве своем искалечены «редактурой».

Крушение книги стало роковым и для поэта. Следующая — и последняя — изданная им книга, «Рождение родины» (1935), как нетрудно убедиться, реально художественной ценности не имеет. Он больше не пытался публиковать лучшие свои стихи, прятал их в стол, часто даже не перебеляя. На жизнь зарабатывал переводами — мастеровитыми, но не более того. И умер в пятьдесят лет, разрушенный жизнью, которая поэту противопоказана...

Его быстро забыли. Не вспомнили ни в пятидесятых, ни в восьмидесятых — реабилитировать его, нерепрессированного, не было нужды. Значит, не было повода покаянно переиздавать написанное им. Только сейчас подготовлен к печати том избранных его сочинений, где больше половины — никогда не публиковавшегося. И, думается, вполне справедливо начать восстановление доброго имени поэта Марка Тарловского публикацией стихов из его репрессированной книги.

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

РАСХИЩАЕМЫЙ МУЗЕЙ

Которое солнце заходит,
А звезды, как прежде, дрожат
И древнюю землю уводят
На путь ежедневных утрат.

И вечер — и снова немая
Утрата скользит от меня,
Точеные руки ломая
И греческим торсом звеня.

И с каждой ночною потерей
Бездушие гипсовых глаз,
Безмолвие ваших мистерий,
Богини, теряю я вас.

Не жду откровения свыше,
Но вижу: пустеет музей,
Чредой оголяются ниши
Души одичалой моей.

Директор? Но он равнодушен:
Не он тут поставил богинь,
Не он их из пыльных отдушин
Пускает в небесную синь.

Когда же последние пери
Закончат последний побег,
Директор уйдет, а на двери
Напишет: «Закрыто навек».

1921—1925

БЕЗБРАЧИЕ

Вы холосты, братья, и молоды вы,
Вам слава под окнами крутит шарманку
И светлой невестой с вуалью вдовы
Вас будит, и ждет, и зовет спозаранку.

У каждого подвиг,
у каждого честь,
И каждый по-своему светел и славен —
Способностей — масса,
талантов — не счесть,
И выскочка жалостный гению равен.

Пока мы свободны от брачных тенет,
Мы боль одиночества музыкой лечим,
Но песня иссякнет, и слава уйдет,
Шарманку хромую взваливши на плечи.

И женщина сядет за нашим столом,
И белые руки на скатерть положит,
И вороном, вникшим в Эдгаровский дом,
Хозяйскую душу, как нишу, изгложет.

1927

ЛИРИКА ДОЧЕРИ ГОРОДНИЧЕГО

Уехал Хлестаков... Бряцает сбруя,
Бряцают мысли, путаны и дики:
У Земляники дочь Перепетуя,
Перепетуя дочь у Земляники...

Марья Антоновна! Что в грусти проку?
Плечо горит, и взор в окно стремится...
«Сорока пролетела...» Да, сорока,
Но вещая, но радостная птица!

Летел, летел в хвостатом фраке щеголь,
Настрекотал, сорочий, ревизора...
Пусть навсегда уехал он, и Гоголь
Останется при званьи щелкопера,

Ей нипочем: в душе ее девичьей
Он светлый сон, он принц
и нареченный,
Пускай, как шут, осмеян городничий,
Пускай судья трепещет,
потрясенный.

Пускай беда, страшнее почт
и Турций,
Как взяточник, грозит его
борзятне,
Но память о залетном петербуржце —
Что может быть печальней
и приятней?..

1924

МОЙКА, 12
(Последняя квартира Пушкина)

Я ходил и дышал красотою
Ненаглядного града Петрова,
Я над Мойкой боролся с собою,
Чтоб не броситься вниз головою
Перед домом, где выбито слово,
Возвещающее — ах, не верьте!—
Об одной неожиданной смерти.

Это здесь, как сосновые ветки,
Колыхались московские предки,
И, как ветхие пальмы Завета,
Караулили негры-нубийцы,
В этом граде скрещенного света,
Столь суровом для сердца поэта
И столь нежном для самоубийцы.

1927

рашютной системой». Такие импортные системы в отделении, где работали Клименко и Покотилов, имелись, но их не было на борту ни в первом, ни во втором случае.

Так погибают Икары... Только в наше суетное время людям недосуг сочинять длинные легенды. Мы вполне обходимся анекдотами. Например, в аду старый черт показывает молодому три котла, в которых поджариваются грешники определенных национальностей, и поучает: «Особо смотри за первым котлом. Из него если один выскочит — всех за собой вытянет. За вторым можешь наблюдать вполглаза. Тут если один вылезет, то сбегает за бутылкой и вернется... А за третий котел можешь быть спокоен. Из него если кто и попытается выбраться, то сородичи тут же стянут его обратно, чтобы не высовывался».

Красивый и романтический миф о человеке, который взлетел выше положенного, в нашей лагерной системе упростился до циничного: «не высовывайся». Ну какой начальник потерпит, чтобы в его коллективе находился более талантливый, более авторитетный специалист? Нет, работать, ты, конечно, можешь. Но как распределяется урожай, тобой же выращенный, уже не твоего ума дело. Больше того, любой успех возможен только под руководством и благодаря личным усилиям вышестоящих.

Клименко, как и многие истинные таланты, с большим трудом вписывался в эту систему. Он мог еще пожертвовать личным интересом, престижем, но когда речь шла о деле, которому служил истово и беззаветно, он становился упрямым, а то и несносным. Мог даже поступиться «интересами коллектива», испортить хороший отчет, а это — план, премии, мелкие блага, которые у нас «не покупаются!», но распределяются все тем же начальством на всех уровнях.

Непосредственное начальство Клименко при подобном распределении не упускало возможности обойти его, «поставить на место». И если такие меры — «депремирование», лишение авторства — он еще мог терпеть, то его доставали запретами на полеты, деловые поездки, на участие в принципиальных совещаниях.

Вот он, мелкий, почти рядовой случай. При работе над тем же изделием «302» Д. поручил ему проектировать... педали. Это работа для вчерашнего выпускника. А для него, опытнейшего ученого-конструктора, да простит меня покойный за грубость, такое поручение как мордой о стенку.

Есть люди, для которых слова «работа» и «жизнь» почти синонимы. Отлучаемый от творчества в родном ОСЛА (отделение сверхлегких летательных аппаратов), он дома ночи напролет просиживал над чертежами и расчетами. После него остались кипы, в том числе и готовых разработок. Кстати, за его домашним архивом уже идет охота... Он принимал предложения со стороны, вырывал разрешения в последний момент, летал без подготовки, без спасательных средств, а часто и без оплаты. Возможность работать на подобающем его таланту и опыту уровне стала для него шагреневой кожей. Чем больше он делал, тем теснее сжималось вокруг него кольцо запретов.

Вот и все.

А в цивилизованном мире нет прописки, но есть интеллектуальная собственность, блага покупаются, а не распределяются, и свобода творчества подкрепляется свободой предпринимательства... Прочитав исповедь Анатолия Клименко, вспоминаешь выражения наших остряков, которые переиначили слова известного писателя. «Жизнь человеку дается только один раз, и прожить ее надо и там...» Но уже не смешно. Особенно накануне принятия закона о свободе выезда. С кем же мы тут останемся?

Станислав КАЛИНИЧЕВ

■

Нам, специалистам-сахарникам, совершенно не понятна ситуация с сахаром в стране. Представляется, что ее не знают и наши руководители, которые пытаются объяснить ее, в том числе и в Верховном Совете страны. Создается впечатление, что и их, и народ кто-то обманывает. По нашим данным, сахара в стране вырабатывается достаточно. Но в таком случае возникает вопрос: куда же девался сахар?

Позволю себе привести некоторые цифры, которыми располагаем мы, специалисты.

Минимальный объем производства сахара был в 1976 году 9249 тыс. т — 36 кг на душу населения, тогда как потребление на душу населения в этом году составило 41,9 кг. Меньше потреблялось сахара лишь в 1975 году — 40,9 кг, все остальные годы потребление сахара на душу населения составляло 42 кг и более. Максимальное производство сахара достигло в 1987 году 13,7 млн. т — 48,3 кг на душу населения. В том же году максимальным было и его потребление — 47,2 кг на душу населения. В 1988 году оно составило 46 кг, в 1989 году снизилось до 42,5 кг, хотя произведено было больше (44,5 кг), чем в 1988 году (42,2 кг).

Следует отметить, что именно в период, когда производство сахара было максимальным (1986 год — 12,7 млн. т, 1987 год — 13,7 млн. т), были введены талоны на него. В предыдущие годы, когда сахара производилось меньше, спрос на него удовлетворялся полностью, без нормирования при помощи талонов.

В настоящее время по талонам реализуется примерно половина (около 20—24 кг) всего потребляемого сахара, рыночный же фонд составляет 65—68 процентов в общем фонде потребления.

Данные свидетельствуют также, что объем потребления сахара населением за последние 15 лет практически не изменился и полностью обеспечивается его производством из отечественного и импортного сырья, и не могут объяснить отсутствие сахара в свободной продаже. Это могут объяснить лишь данные о структуре потребления сахара Минторга СССР, который является держателем всех фондов этого продукта.

О том, что перебои со снабжением населения сахаром связаны не с его производством, свидетельствуют многочисленные факты остановок сахарных заводов из-за переполнения складов. Сообщения о таких фактах в этом году уже появились в прессе спустя 7—10 дней после начала производственного сезона. Такие факты имели место и в прошлом году.

На отдельных заводах на складах к началу производственного сезона 1990 года находился сахар предыдущего сезона, хотя по правилам склады должны быть освобождены и подготовлены к приемке продукции от переработки свеклы нового урожая.

Так почему же нет сахара в магазинах, хотя бы по талонам? Ответа на этот вопрос мы, работники Всесоюзного научно-исследовательского института сахарной промышленности (ВНИИСП), дать не можем, так как соответствующая информация от нас засекречена.

От имени сотрудников отдела экономики ВНИИСП Г. ШЕВЧУК, кандидат экономических наук
Киев

■

Хочу поделиться своим недоумением и обидой. Узнала, что с 1 октября с.г. повышены пенсии участникам войны. Хочу сказать, что я этим не возмущена, а, наоборот, рада, что люди, защищавшие нашу Родину, получили возможность жить достойно, как они того и заслужили.

Странно другое. Если государство изыскало возможность прибавить 100—200 рублей к пенсии пожилым людям, то неужели оно не сочло возможным улучшить жизнь нашему «единственному привилегированному классу» — детям? Моему сыну 13 лет, он получает пенсию 35 рублей за умершего отца. Что нужно и сколько нужно такому мальчишке, понятно каждому. А вот как, сколько и где должна работать его мать, чтобы обеспечить ему счастливое детство, получая нищенское пособие, понять невозможно.

Сколько бы ни рассуждали на сессиях о том, повышать или не повышать цены при переходе на рыночные отношения, это не меняет дела: механизм повышения цен работает. Все стало платным, даже детские спортивные секции. За занятия спортом в месяц я плачу 20 рублей, то есть более половины пенсии. Виноград, яблоки стали дороже в 1,5—2 раза, капуста — в 6, картошка — в 3, арбузы — в 3—4 раза. О ценах на рынке говорить не приходится: они женщинам, воспитывающим детей без отца, не по карману — один персик на рынке стоит 3 рубля 50 копеек. Промышленные товары становятся все более недоступными. Значит, я должна или лишить ребенка фруктов, витаминов, или все свое свободное время работать. Но ведь теперь и досуга не остается, так как он уходит на «добывание» пропитания. Как же защищаются в нашей стране материнство и детство, если женщина должна превратиться в пещерного человека, забыть о том, что она женщина, а только работать, работать и работать, чтобы прокормить своего ребенка, не имея ни сил, ни времени заняться его духовным воспитанием! Что же нас ждет, какое будущее, если наше юное поколение беспризорно, бездуховно и видит, что вся жизнь заключается только в каторжном труде, добывании пищи, сне?

З. САВЕЛЬЕВА
Ленинград

ПРОЩАЙ, ПОЛИГОН?

Верховный Совет Казахской ССР принял постановление о запрещении ядерных взрывов и испытаний всех видов оружия массового уничтожения. Эта акция касается полигона в Семипалатинской области и других испытательных полигонов на территории республики. Собственный корреспондент «Огонька» Юрий ЛУШИН попросил прокомментировать новый документ Президента Казахской ССР Н. А. НАЗАРБАЕВА.

«Огонек». ***Почему это постановление появилось именно сейчас?***

Н. А. Назарбаев. Всем известно, что ядерные испытания на земле Казахстана велись 40 с лишним лет — сначала в атмосфере и на земле, потом под землей. Все держалось в строжайшем секрете, к полигону никого не подпускали, даже руководителей республики. Это было как бы государство в государстве, со своими законами и уставом. Исконные жители были лишены права вступать на землю предков. Любой протест мог рассматриваться как покушение на обороноспособность страны, как попытка ослабить ядерный щит Родины. Теперь, слава Богу, времена иные. Но ядерный щит достиг такой тяжести, что дальнейшее его утяжеление грозит, по меткому выражению поэта Олжаса Сулейменова, придавить самих защитников. Поэт против бомбы. Он возглавил общественное движение «Невада—Семипалатинск», которое борется за запрещение ядерных испытаний во всем мире. Ведь ядерного оружия накоплено столько, что им можно многократно уничтожить саму планету людей. Какой же смысл в продолжении испытаний? Считаю, что Казахстан свой долг перед страной выполнил сполна. И выполнил дорогой ценой — потерей здоровья десятков тысяч людей, которых теперь раздражают уверения военных, что соседство с ядерным полигоном чуть ли не благотворно для них. Терпение народа не беспредельно, оно подошло к опасной грани. Делать вид, как во времена административно-командного диктата, что все хорошо, просто безнравственно и даже преступно. За прекращение ядерных взрывов выступают не только жители Семипалатинской, Павлодарской, Карагандинской, Восточно-Казахстанской областей нашей республики, но и примыкающих к ним областей России. О решительных настроениях людей мы поставили в известность руководство страны и военно-промышленного комплекса, но никакого ответа от них не получили. Тогда и появилось постановление Верховного Совета Республики.

«Огонек». ***В постановлении говорится и о других испытательных полигонах. Что имеется в виду?***

Н. А. Назарбаев. Кроме ядерных, на территории республики проводятся испытания различных видов оружия на других полигонах. Они занимают миллионы гектаров земли. Население с них вытеснено, земли захвачены самовольно, и никакой компенсации народ не получил. Мы понимаем, что военные ведомства работают в интересах всей страны, но земля и ее недра принадлежат народам республики. Это записано и в нашей декларации о государственном суверенитете Казахской ССР. Поэтому мы требуем, чтобы вопросы размещения полигонов решались с помощью заключения договоров между республикой и военными ведомствами. А то ведь они что хотели, то и делали, никого не спрашивая.

Или возьмем, к примеру, тот же космодром. В результате запусков степи Джезказганской области усеяны отработанными ступенями ракет, их обломками, токсичными остатками горючего. Главкосмос обещал очистить земли, но мало что сделал. Люди меня спрашивают: почему Байконур закрыт для посещения жителями республики, но открыт для иностранцев? Почему за все эти годы не подготовлен ни один космонавт из казахов? Мне нечего им ответить.

«Огонек». ***Как будет осуществляться контроль за исполнением постановления?***

Н. А. Назарбаев. Сложный вопрос. Надеюсь, что нас поймут правильно. Но если военные ведомства будут пренебрегать решениями Верховного Совета Республики, то всю ответственность за это будут нести они. По нашему мнению, на ядерном полигоне должна произойти конверсия, чтобы его научная база и квалифицированные кадры использовались только в мирных целях. О такой категоричной постановке вопроса давно знают и Президент Горбачев, и Предсовмина Рыжков, и глава военно-промышленного комплекса Белоусов, и министр обороны Язов. Мы провозгласили республику суверенным государством, которое вправе принимать самостоятельно ответственные решения. И если военные пойдут вопреки постановлению, то не будет ли это означать, что в стране мало что изменилось, что диктат и команды из центра продолжаются?

Некоторое время назад за рубежом и у нас в стране был опубликован очерк писателя В. Солоухина «Читая Ленина», в котором излагался несколько иной, нежели это обычно принято, взгляд на личность «вождя революции» и его роль в истории.

Разговор на эту тему продолжают автор очерка Владимир СОЛОУХИН и публицист Олег МОРОЗ.

РАССТАВАНИЕ С БОГОМ

Коротко выступив на XIX партконференции, я вышел из кремлевского зала и, пройдя сквозь Спасскую башню, оказался на Красной площади. Площадь была оцеплена снаружи, но я вошел внутрь охранительного кольца и, задумчиво шагая по непривычно пустому пространству, как-то незаметно подошел к Мавзолею с непогребенным Лениным. К моему удивлению, врата в Мавзолей были отверсты. Ангелы с церемониальным оружием молчаливо стояли слева и справа от входа, сложив форменные крылья. Я решился и переступил порог.

Впервые я оказался с Лениным один на один в полумраке парадной гробницы, скупо освещенной и печальной, как все пристанища мертвых. Небольшого роста человек в выходном костюме лежал в пуленепробиваемом гробу в центре зала, сжав одну ладонь и выпрямив паль-

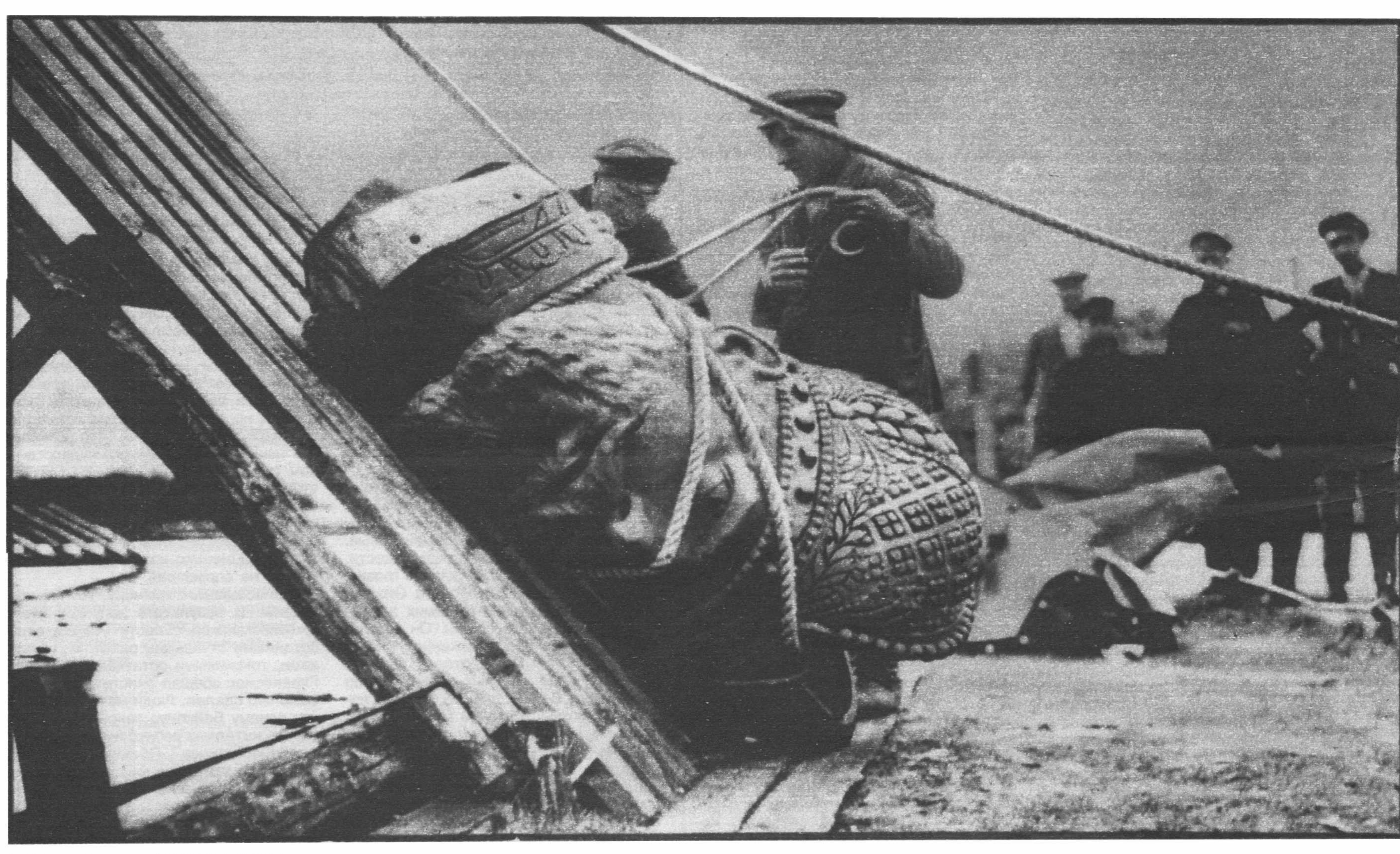

Фото из фондов ЦГАКФД СССР

О. МОРОЗ.— ***Какова история этой вашей вещи? Предлагали ли вы кому-либо ее опубликовать (кроме журнала «Родина», где она была напечатана в десятом номере за прошлый год с критическим комментарием историков)? Как к этому отнеслись?***

В. СОЛОУХИН.— История такова. Происходило постепенное «размораживание» тех участков мозга, которые заведуют социальным и национальным самосознанием. В 60-е годы этот процесс у меня, по-видимому, завершился. В 1976 году я закончил объемистую книгу об этом процессе, то есть о том, как я из слепого котенка стал зрячим человеком. В осознание действительности я шел последовательно, логически, по ступеням. Поэтому и рукопись в полном виде называется «Последняя ступень». Естественно, в такой книге нельзя было обойти роль В. И. Ленина в разрушении Российского государства и в создании на его месте того, что мы имеем сейчас. Одна глава целиком посвящена его учению о власти и о практическом воплощении этого учения в жизнь.

Об опубликовании этой рукописи в те годы нечего было и думать, даже хранить ее было опасно. Но я, человек легкомысленный и беспечный, в конспираторы не гожусь. Я давал читать ее некоторым друзьям и коллегам. Кроме того (мало ли что!), она хранилась в нескольких разных местах. Фрагмент о Ленине я решился опубликовать отдельно от всей рукописи не столько для того, чтобы, как говорится, «застолбить» тему, сколько потому, что настала пора говорить правду об этом человеке и должен был кто-то начать.

О. М.— ***Из писателей не Солженицын ли первый начал этот разговор — в разных своих произведениях, а пуще всего в работе «Ленин в Цюрихе»? Полагаю, резкое неприятие мирового вождя и было одной из причин, почему вермонтскому изгнаннику так долго не возвращали отнятое гражданство.***

В. С.— Насчет «застолбления» темы я сказал не подумав. Солженицын, конечно, был первее. Но ошибочное ощущение приоритета могло возникнуть потому, что у Александра Исаевича Ленин все еще дореволюционный, так сказать, теоретический. Ленин у него еще только сидит в цюрихской библиотеке, а не стоит посреди России по колено в крови.

Я предлагал фрагмент о Ленине журналам «Новый мир», «Наш современник» (еще при С. В. Викулове), но мне его возвращали. В конце концов он вышел (с моего разрешения) в издательстве «Посев» отдельной брошюрой под названием «Читая Ленина».

Какие-то кооперативщики в Москве начали размножать эту брошюру и торгуют ею в Москве прямо на улицах. Доходят слухи, что брошюра размножается и в других городах, например, в Новосибирске, Тбилиси...

Журналу «Родина» я эту свою работу не предлагал, они позвонили мне сами и попросили разрешения на публикацию.

О. М.— ***Читая вашу брошюру, ощущаешь потребность задать вам коекакие вопросы. Вы всегда так плохо относились к Ильичу? Какая отметка у вас была по основам марксизма-ленинизма (или как тогда это называлось?) в Литинституте?***

В. С.— Ленин не тот случай, когда можно относиться «плохо» или «неплохо». Скорее, я бы сказал, слепо или

цы другой.

«Бедный Ленин,— подумал я.— Человек без упокоения. Одна из страшнейших во все времена посмертных кар — не предавать тело земле. За что ему эта кара?»

Сквозь Мавзолей единственный открытый выход выводил к Кремлевской стене, и я увидел могилы тех, кто признан лучшими продолжателями ленинского дела: Ворошилова, Дзержинского, Сталина, Жданова, Суслова, Брежнева, Черненко... Неужели и вправду это главные воплотители великой идеи?

Размышляя о ленинских уроках, об их воплотителях, нельзя быть бесстрастным. Нельзя не вспомнить, как один из самых лютых палачей в истории человечества присвоил себе титул «Ленин сегодня». Кого же он запер в Мавзолее? Вчерашнего Ленина? Или завтрашнего?

Не могу отрешиться от сочувствия к Непогребённому. Я ведь так приучаем был к его идеальности, что если и ставил ее под сомнение, то вольно или невольно тут же пытался оправдать эпохой, тем, что «так было надо». Кому «надо»?

...Не так давно в Киеве переиздали мою поэму о Ленине, написанную более двадцати лет назад (кстати, тогда же ее собирались напечатать в «Огоньке» и даже набрали, но затем набор был рассыпан, а поэма признана вредной, публикации недостойной). Я обрадовался, что мои давние стихи пригодились в сегодняшних спорах о перестройке как часть дискуссии об ответственности человека, начинающего сложнейший исторический процесс, в котором принимают участие миллионы. Мы постоянно размышляем о Ленине, спорим о его личности, кто бы как ее ни воспринимал. Пытаемся понять: в результате извращения ленинских замыслов или точной реализации их мы оказались в нынешнем тупике. Исчезли из проката очень навредившие Ленину фильмы о нем, сделавшие вождя Октября неинтересным святошей. Советская официальная пропаганда расплачивается сегодня за бездарность своего отношения к Ленину, за то, что увела его в конфетные обертки, в Мавзолей, в никуда.

Когда «Огонек» объявил о своей непартийности, портрет Ленина переместился из служебного помещения в комнату отдыха. Отношение к Ленину еще в большей степени стало для каждого личным делом, а к материалам о Владимире Ильиче отношение стало еще более взыскательным, личным и беспокойным.

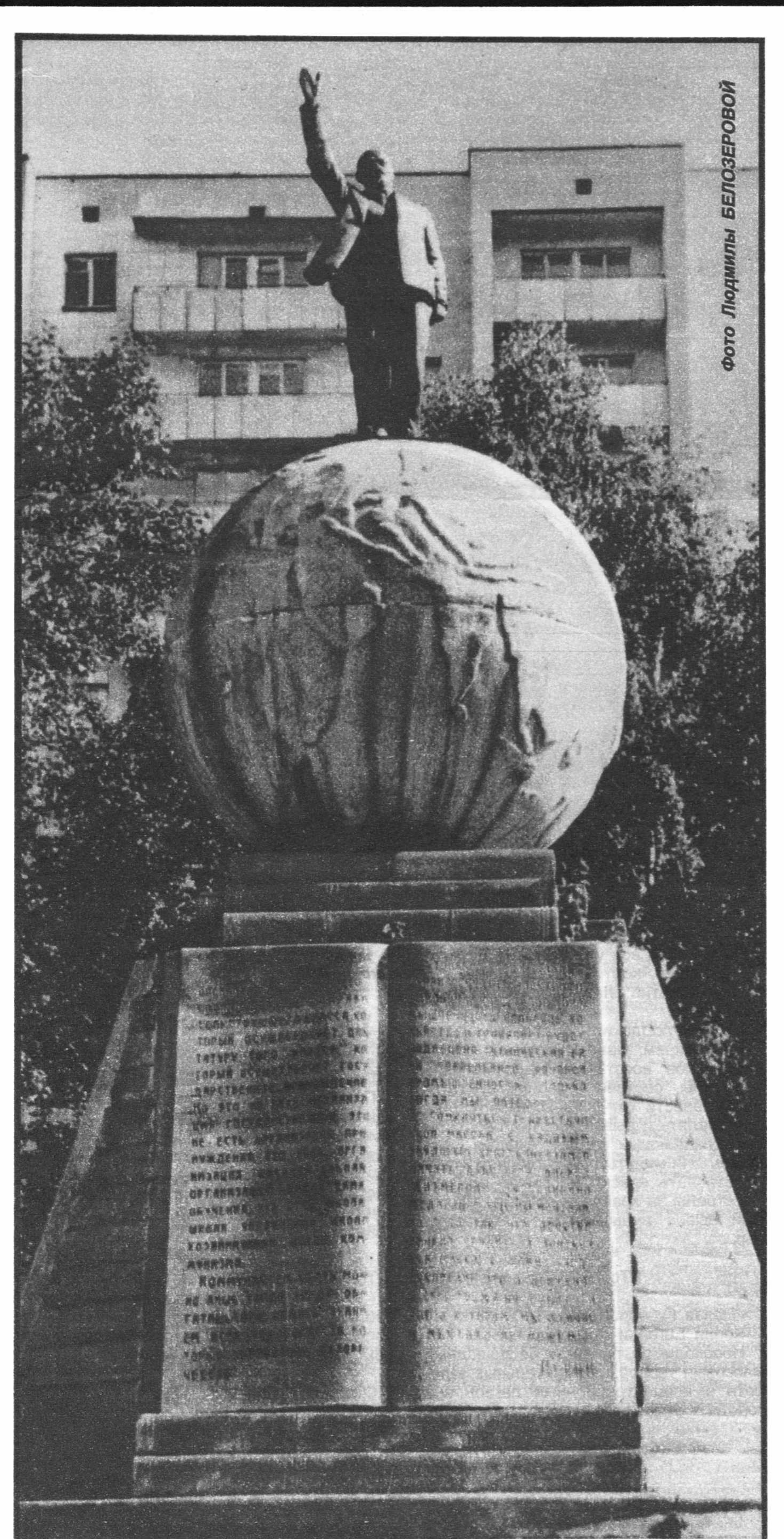
Кто он?

Перед вами один из ответов. Предложили его нам Владимир Солоухин и Олег Мороз. Ответ этот на уровне нашей рубрики «Свободная трибуна». У вас есть другие ответы? Давайте обсудим любой. Диалог, публикуемый дальше, в любом случае лишь одна из точек зрения, не более.

...Недавно, рассказывая корреспонденту итальянского телевидения о своем посещении Мавзолея на пустынной Красной площади, я натхнулся перед телекамерой на прямой вопрос: «А Ленин? Скоро ли вы заговорите о нем всерьез и, может, даже изымете его из поминальников?» Я развел руками... «Может быть, уже пришло время скрестить в советской прессе разные точки зрения о вашем основоположнике?» — настаивал интервьюер.

«Возможно, что и время,— ответил я.— Давайте поговорим, но аргументированно и вдумчиво...»

Виталий КОРОТИЧ

Фото Людмилы БЕЛОЗЕРОВОЙ

неслепо. То есть понимая или не понимая его истинную роль в истории Российского государства и народа или не понимая ее и даже не задумываясь о ней.

Конечно, в школьном возрасте я почти религиозно устраивал в доме «Ленинский уголок», расклеивая фотографии Ленина, начиная с кудрявенького херувимчика, через гимназиста, кончая изображением (не фотографическим, а рисованным), где он стоит на брусчатке, словно, если прищуриться, на бесчисленных черепах. Есть такая картина, но я ее давно нигде не встречал. Тогда эти камни мне черепами еще не казались.

С четырехлетнего возраста я умел декламировать, и вот 21 января в помещении школы на вечере памяти Ленина меня поставили на стул, привернули огонь в керосиновой лампе, чтобы меньше стеснялся, и я орал:

Тираны мира, трепещите,
Не умер Ленин, Ленин жив.
Вы нас, вы нас не победите,
Живет в нас ленинский порыв.

Не знаю, право, чьи это были стихи, но, судя по бездарности, скорее всего Безыменского или около.

В институте же Ленина, в строгом смысле слова, не изучали. Крутились около «Материализма и эмпириокритицизма», работы чисто теоретической, неудобовоспринимаемой, не имеющей никакого отношения к последующим деяниям Ленина, когда он со своими сообщниками (извините, с соратниками) захватил власть в огромной, многонаселенной, не принявшей этой власти стране. Не принявшей настолько, что пришлось истребить более трети ее населения.

О. М.— *Отдаете ли вы себе все же отчет, что сейчас, перед нашими сегодняшними читателями, ниспровергать Ленина — это почти то же самое, что ниспровергать Христа перед христианами? Занятие сомнительное во всех отношениях. Люди привыкли верить: Ленин — бог. И ничего другого слышать не хотят.*

В. С.— Параллель с Христом неправомочна. Можно критиковать церковь (что и делал, скажем, Л. Н. Толстой), можно разрушать храмы, жечь иконы и книги, можно путем многолетней пропаганды сделать многих людей индифферентными к религии либо и вовсе атеистами, но нельзя ниспровергнуть Христа, потому что он не совершил ни одного компрометирующего поступка либо поступка, расходящегося с его словами.

В самом деле, он учил любви к ближнему, проповедовал: «Не убий», «Не укради», «Не лги», «Не прелюбодействуй» и т. д. Вот если бы он вопреки своему учению убивал, отнимал у людей последний кусок хлеба, развратничал, растлевал малолетних, если бы мы уличили его во всем этом, это было бы ниспровержение.

О. М.— *Я ведь не провожу параллель между Лениным и Христом, я сравниваю отношение к Ленину с отношением к Богу. Тут много общего. Как много общего между марксистской верой и религиозной.*

В. С.— Что касается вашего утверждения «Люди привыкли верить: Ленин — бог», то можно возразить и на это.

Во-первых, Сталина к концу его жизни многие считали не меньшим богом, а что от этого бога осталось? Тут действительно произошло ниспровержение «бога», вернее, его разоблачение. Хотя он был не более чем верным ленинцем и был вовсе не более жесток, чем его учитель. К тому же он значительно дольше властвовал, не пять лет, а тридцать. Впрочем, думаю, что за пять лет, с 1917-го по 1922-й — начало болезни Ильича — людей было истреблено не меньше, чем в 30-е годы.

Во-вторых, напрасно вы думаете, что сейчас все люди считают Ленина богом. На мою брошюру, а в особенности на выступление в программе «Взгляд» много откликов. В восьми случаях из десяти восклицают: «Наконец-то осмелились говорить правду о Ленине!» — и лишь в двух случаях протестуют: «На кого вы поднимаете руку?!», «Это же святая святых!», «Вы хотите отнять у нас последнюю опору. С чем же мы останемся?». Но ни одного, заметьте, серьезного аргумента, ни одного возражения по существу, кроме самого наивного и смешного: «Если бы не Ленин (то есть если бы, надо понимать, не Октябрьская революция), мы до сих пор ходили бы в лаптях и землю ковыряли сохой». Но разве же это аргумент?

Россия в 1913 году не ходила в лаптях и не ковыряла землю сохой. Россия ходила в сапогах, в поддевках, а женщины — в сапожках с высокой шнуровкой. Есенин нашивал цилиндр и бабочку, а Шаляпин — бобровую (либо енотовую) шубу.

О. М.— *Думаю, это слабое место в цепочке ваших рассуждений. Россия, конечно, жила не так плохо, как принято было о том бубнить после октября 1917-го, но Есенин и Шаляпин не доказательство народного благополучия. Немало и сегодня таких, кто по своим доходам мог бы носить енотовые шубы. Вот только еноты перевелись.*

В. С.— Я хотел сказать, что Россия во всех отношениях жила наравне с веком. И плуги были современные, и были конные молотилки, триеры, веялки. И царские ледоколы, переименованные в «красиных», долго еще служили Советской власти. И царские линкоры, переименованные в «маратов» и в «парижские коммуны», долго еще состояли на вооружении СССР. И самый большой в мире самолет «Илья Муромец» взлетел с российской земли. И были протянуты уже основные нитки железных дорог, и Россия продавала хлеб и масло, а не покупала. И были еще не проданы

за бесценок зарубежным дельцам сотни (если не тысячи) уникальных работ из Эрмитажа, и не было еще разорено, большей частью — снесено в одной только Москве 450 храмов (а по стране, говорят, не меньше 90%), и не были еще сброшены по всей стране колокола, и зарплату в России выдавали золотыми монетами, и шумело в стране 18 000 ежегодных ярмарок: в Покров, в Петров день, в Успеньев день, на Троицу...

Некрасов — поэт тенденциозный, его нельзя заподозрить в приукрашивании действительности. Но ведь это же его слова: «Ой, полна, полна коробушка, есть и ситцы и парча» (кстати, недавно в газете была статья под названием «Где же ситец и парча?»). И еще: «Ситцы есть у нас богатые, есть миткаль, кумач и плис... Есть у нас мыла пахучие по две гривны за кусок, есть румяна нелинючие, молодись за пятачок». А вот и ярмарка: «Пришли на площадь странники, товару много всякого... Штаны на парнях плисовы, жилетки полосатые, рубахи всех цветов. На бабах платья красные, у девок косы с лентами, лебедками плывут...»

Конечно, Некрасов сравнил русскую песню со стоном («этот стон у нас песней зовется»), но он же и пишет: «Вдруг песня хором грянула, удáлая, согласная... Притихла вся дороженька, одна та песня складная широко, вольно катится, как рожь под ветром стелется...» Не похоже что-то на стон.

И, наконец, образ русской крестьянки:

В ней ясно и крепко сознанье,
Что все их спасенье в труде.
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде.

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди.
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди.

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

Зачем же нужно было уничтожать такую страну и такое крестьянство? Когда нам хотят доказать, что крестьянство в России бедствовало, что Россия была нищей страной, то хочется спросить: откуда же взялись шесть миллионов (или сколько их там было?) зажиточных хозяйств для раскулачивания? Если в стране 6 000 000 богатых хозяйств, то можно ли ее называть нищей?

Но если бы даже допустить, что вся Россия к 1917 году ходила в лаптях и ковыряла землю сохой, то разве это не вздор считать, что за 73 года страна не ушла бы вперед?

Возьмите только одну российскую губернию (отнюдь не из самых богатых), я имею в виду Финляндию, которая оказалась вне СССР. Она что же, в лаптях ходит и землю ковыряет сохой? Сравните-ка ее по развитию и уровню жизни с соседними Карелией, Ленинградской, Архангельской областями.

Напротив, всюду, где насаждалась социалистическая система, резко падал уровень жизни, начиналось «преодоление трудностей», «пережитков», слабела экономика, хирело земледелие, костенели мозги. Так было в Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше... Особенно это заметно там, где одна страна оказывалась разделенной на две. Вспомним про «Тайваньское чудо». В ФРГ жизненный уровень оказался в несколько раз выше, чем в ГДР, то же самое и в Южной Корее — выше нежели в Северной. Куба — единственная страна в регионе, живущая по карточкам. И это несмотря на то, что СССР тратит на Кубу многие миллионы долларов.

О. М.— ***Ваши оппоненты-историки в журнале «Родина» привычно доказывают, как тяжело жилось народу перед семнадцатым годом. Цитируют солдатские письма с фронта, один из солдат негодует на купца Онуфрия, который не дает крупы его бабе... Привычные доказательства, но и привычная логическая подмена: из того, что плохо жилось народу (война!), вовсе не следовало, что именно Ленина и большевиков ждала Россия. Выборы в Учредительное собрание уже после захвата большевиками власти ясно показали, что вовсе не их она ждала. Все последующие десятилетия подтвердили, что отрицательное отношение большинства народа к большевикам было вполне оправданным. О том же, я думаю, говорят и приводимые вами в очерке «Читая Ленина» ленинские цитаты: ничего хорошего и не следовало ожидать...***

В. С.— Никто не задумывается, откуда они свалились на российскую голову, почему, по какому праву оказались у власти, по какому праву развязали чудовищный террор, а затем и гражданскую войну. Теперь, когда мы все заговорили о правовом государстве, уже можно спросить самих себя: по какому праву они оказались у власти?

Почувствовав, что в России из-за войны и Февральской революции создалась благоприятная обстановка (а это вздор, что война проигрывалась, ведь союзники и без России победили Германию, почему же, спрашивается, они не победили бы ее вместе с Россией?), революционеры-экстремисты, приехав из эмиграции с огромными германскими деньгами и воспользовавшись слабостью Временного правительства, а возможно, и потаканием (Керенский, например, к 25 октября вывел из Петрограда все войска), они сумели арестовать Временное правительство и таким образом захватили власть. Их кто-нибудь выбирал? Их кто-нибудь уполномочивал властвовать в стране?

Заседало выбранное демократическим путем Учредительное собрание. Оно-то и должно было ВЫБРАТЬ законное российское правительство. Но большевики это собрание разогнали.

Что они умели хорошо делать, это в нужный момент выбросить нужный лозунг, на который «клевали» массы. Но ведь ни один лозунг, провозглашенный Лениным, не был претворен в жизнь. «Мир хижинам»? Но война для всего мира закончилась в 1918 году (Версальский мир), а у нас хижины пылали и обливались кровью еще четыре года. «Земля крестьянам»? Но мы знаем теперь, как крестьяне владеют землей. «Фабрики рабочим»? Смешно говорить. «Вся власть Советам»? Но власть с самого начала принадлежала вовсе не Советам, а Политбюро и ЦК. А короче говоря, Ленину и его сообщникам.

О. М.— ***Вообще-то вы стали на скользкий путь — спорить о ленинских текстах. Дело это совсем безнадежное: на всякую цитату находится контрцитата. Вот и сидят спорящие с козырями-цитатами на руках, хлопают ими поочередно по столу. Схоластическое занятие. Надо все-таки соразмерять цитаты с делами...***

В. С.— Именно. Спорить о ленинских цитатах не только трудно, но не нужно. Ведь начиная с 1917 года теоретические положения кончились, начались дела. Миллионы расстрелянных — это уже не цитата, а дело. Зверски уничтожена царская семья, население посажено на голодный паек, разруха, насильственное изъятие церковных ценностей, сопровождавшееся массовыми расстрелами, заложники во всех городах с последующими неизбежными расстрелами, полное и неоднократное изъятие хлеба у крестьян, голод, людоедство, тиф, гражданская война, разбазаривание национальных ценностей, катастрофическое падение жизненного уровня — это все уже, увы, не цитаты. Ну, а какие «контрцитаты» можно выдвинуть против следующих распоряжений вождя:

Фото Галины ТИУНОВОЙ

В Нижегородский Совдеп... 9.VIII.18.

«В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов.., навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров... Ни минуты промедления... Надо действовать вовсю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных...

Ваш Ленин».

(Том 50. Стр. 142—143.)

«Пенза Губисполком

Копия Евгении Богдановне Бош

Необходимо... провести беспощадный массовый террор... Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию (карательную.— **В. С.**) пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома Ленин».

9. VIII. 1918. (Там же. Стр. 143—144.)

«12. VIII. 1918

Пенза Губисполком, Бош.

Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, что бы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба...»

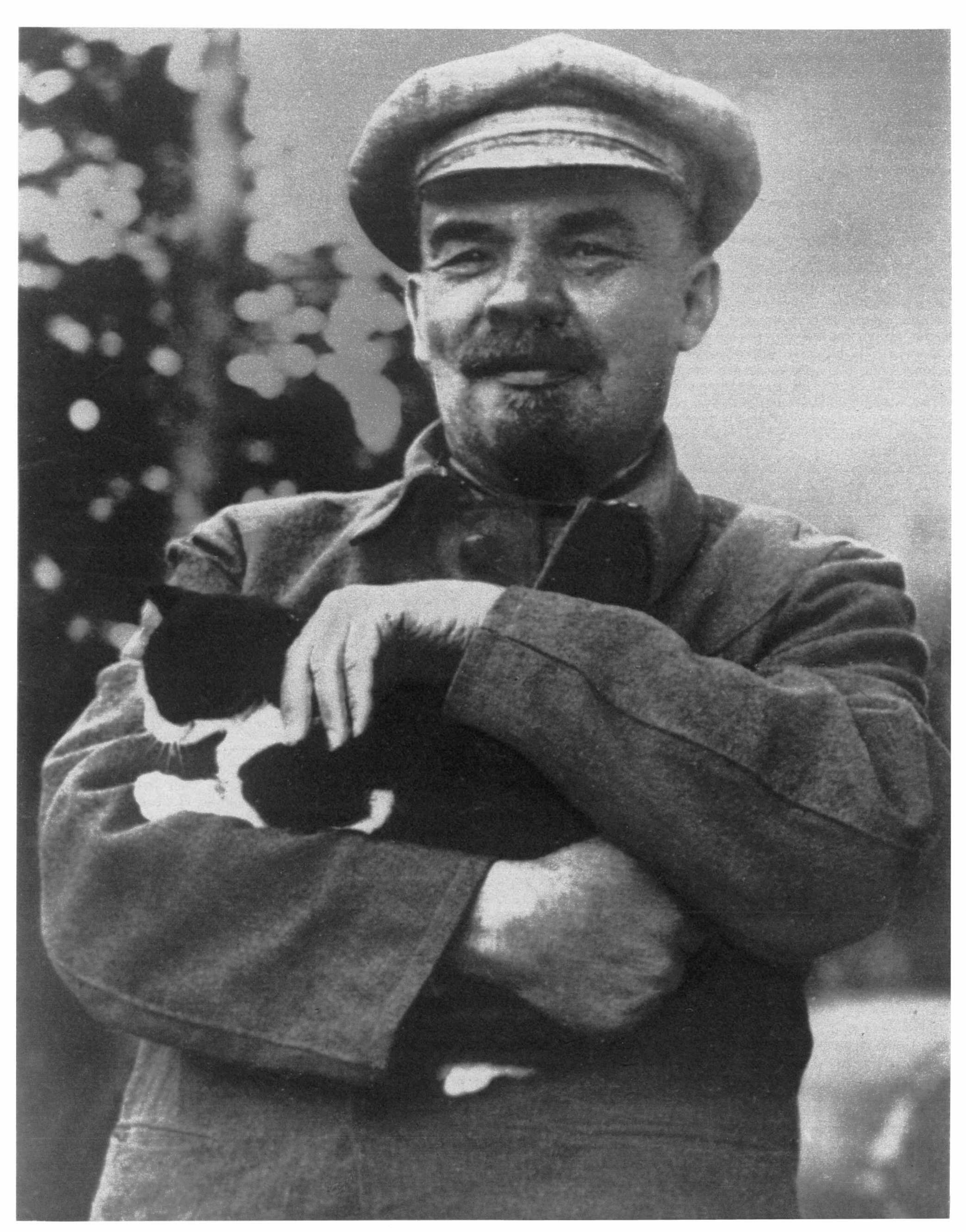
(Там же. Стр. 148.)

Телеграмма в Саратов Пайкесу:

«...Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». 22. VIII. 1918. (Том 50. Стр. 165.)

Сталину в Царицын:

«...Будьте беспощадны против левых

В Горках. Август — сентябрь 1922 года. ***Фото М. И. УЛЬЯНОВОЙ***

эсеров и извещайте чаще». «Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов...». 7.VII.18. (Том 50. Стр. 114.)

Шляпникову в Астрахань:

«Налягте изо всех сил, чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы все на годы запомнили». 12. XII. 1918. (Том 50. Стр. 219.)

«Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и околокадетской публики... Преступно не арестовывать ее».

18.IX.1919. (Том. 51. Стр. 52.)

Совсем недавно было опубликовано письмо Ленина с директивой Политбюро об изъятии церковных ценностей и о способах проведения этого изъятия. Не напрасно это письмо все эти десятилетия хранилось в строжайшем секрете. Письмо страшное, даже чудовищное. Только не нужно, читая все эти тексты, принимать за чистую монету определяющие словечки: «спекулянты», «истеричные авантюристы», «заговорщики», «колеблющиеся», «ненадежные»... Восстание — кулацкое (в пяти волостях.— **В. С.**), духовенство — реакционное, жители Шуи — черносотенцы и т. д. Ведь если назвать восстание просто крестьянским (а именно крестьянские восстания и были), то как же давить и расстреливать. Если сказать просто «духовенство» — это одно, а «реакционное» — это уже другое. И вот фраза: «чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам... расстрелять, тем лучше». Грубая схема всего этого нам знакома: если за нас — отряд, партизаны, если против нас — банда. Ведь и тамбовское восстание, хотя в нем участвовали десятки тысяч крестьян, не называется иначе как кулацким, а повстанцы не иначе как бандитами. А подавляла это восстание регулярная армия под командованием Тухачевского, из которого пытаются теперь сделать мученика.

И — самое главное — не нужно говорить в оправдание кровавого, людоедского террора, что он был вызван обстановкой, что этого требовала обстановка, что это была не просто жестокость, но революционная жестокость, жестокость для блага народа, что это были вынужденные меры.

Обстановка не с неба свалилась. Она была создана насильственным захватом власти, страны. Не было бы захвата власти — не было бы и обстановки. Это все равно, что поджечь дом, а потом все списывать на пожар. А что касается «благ народа», то теперь, когда народ (народы) на протяжении семидесяти лет вкушают эти блага, мы можем их уже оценить по достоинству.

О. М.— ***Но все же откуда-то взялся же образ мягкого, доброго, гуманного человека, вождя... Возьмите стихотворение Твардовского «Ленин и печник». У Маяковского: «Он к товарищу милел людскою лаской». Даже у Есенина: «Одно в убийстве он любил — перепелиную охоту». Рассказывают, что Ленин часовому, стоящему у его дверей, вынес стул. Вспоминается чья-то строчка: «С хитрым взглядом лучистый старик...»***

В. С.— Насчет хитрого взгляда спорить не буду. Образ доброго и «лучистого» старика создан искусственно всеми средствами пропаганды и агитации, включая все виды искусств.

Конечно, сам Ленин лично никого не расстрелял, но ему, по моему глубокому убеждению, была свойственна не только революционная жестокость, но и личная агрессивность. Приведу два примера из воспоминаний очевидцев.

Все мы знаем деда Мазая и то, как он спасал зайцев, застигнутых половодьем, как он собирал их в лодку, а потом выпускал на сухом месте. Но вот женщина в своих воспоминаниях рассказывает, как охотился ее муж. На маленьком островке спасались застигнутые шугой, ледяным крошевом, зайцы. Охотник сумел добраться в лодке до островка и вместе с другими стрелками набил столько зайцев, что лодка наполнилась тушками по самые борта. Способность испытывать охотничье удовольствие от убийства попавших в беду зверьков нисколько не удивила автора воспоминаний. Женщина эта — Н. К. Крупская, а дело происходило в Шушенском. Читайте эти воспоминания, неоднократно переиздававшиеся, и сравните поступок «охотника» с дедом Мазаем.

О. М.— ***Странно, что этих зайцев, бросающих тень на светлый образ вождя, не изъяли и не засекретили. Это ведь обычная манера служителей его культа — не зря к фонду Ленина в Центральном партархиве на пушечный выстрел не подпускают. Как еще удалось вытащить на свет божий то циничнейшее письмо насчет разграбления церквей и бессчетных расстрелов духовенства?***

В. С.— А вот и еще эпизод, связанный, правда, не с убийством, но все же...

П. Мальков «Записки коменданта Кремля» (М., «Молодая гвардия», 1967 г., стр. 127):

«Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником, а потом внезапно шутливо погрозил пальцем.

— Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уже не хорошо.— И указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

— Правильно,— говорю,— Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

— Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как, товарищи? — обратился Ильич к окружающим. Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

— Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

— А ну, дружно! — задорно командовал Владимир Ильич.

Ленин, Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

— Долой его с глаз, на свалку! — продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду».

«Владимир Ильич,— продолжает

Мальков,— вообще терпеть не мог памятников царям, великим князьям, всяким прославленным при царе генералам (надо ли относить сюда прославившихся при царях Суворова, Кутузова, Багратиона, Нахимова, Скобелева, Брусилова и т. д.? — **В. С.**)... По предложению Владимира Ильича в 1918 году в Москве были снесены памятники Александру II в Кремле, Александру III возле храма Христа Спасителя, генералу Скобелеву... Мы снесем весь этот хлам, заявлял он, и воздвигнем в Москве и других городах Советской России памятники Марксу, Энгельсу, Марату, Робеспьеру, героям Парижской Коммуны!..»

О. М.— ***А вот теперь сшибают памятники самому Ильичу. Своими глазами видел недавно в литовском городе Шяуляе, в других местах. И не доходят слова о некультурности и вандализме — сами-то большевики тем же самым занимались, да в несравнимо больших масштабах. А сама царская семья...***

В. С.— Что касается царской семьи, то читаем в книге «Лев Троцкий. Дневники и письма» (Эрмитаж, 1986 г., стр. 100—101). Троцкий вернулся из какой-то поездки и разговаривает со Свердловым.

«— Да, а царь где?

— Конечно, расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Вся?

— Вся. А что?

— А кто решал?

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени...»

Им — это, значит, людям, населению, народу.

Нужно сказать, что действия Ленина трезво оценивались современниками событий, так сказать, по горячим следам.

Кропоткин:

«Ваши действия совершенно недостойны идеалов, которые вы проповедуете. Какая должна быть будущность коммунизма, если уж один из его важнейших поборников топчет... любое честное чувство людей... Русская революция творит мерзости и внушает отвращение. Она разрушает всю страну. В своем безрассудном бешенстве она уничтожает людей».

Патриарх Тихон, 7 ноября 1918 года:

«Кровь наших братьев, безжалостно убиенных по твоему приказу, образует реки и вопиет к небу... Безразлично, каким бы именем ты свои злодеяния ни приукрашивал,— убийство, насилие, грабеж всегда остаются грехами, они — преступления, которые кричат о мщении. Ты обещал свободу — свобода есть великое благо, если ее правильно понимать как свободу от зла и свободу от угнетения. Ты, однако, не дал нам этой свободы. Ты использовал свою власть для преследования твоих ближних и для уничтожения невиновных. Вот истина: ты дал народу камни вместо хлеба и змею вместо рыбы. Слова пророков сбылись: «Ваши ноги шагают ко злу, и они спешат, чтобы пролить неповинную кровь; ваши идеи несправедливы, ваша дорога ведет к гибели и вреду...» (Цитируется по книге: А. Авторханов «Ленин в судьбах России», PROMETHEUS — VERLAG, 1990).

И, наконец, Максим Горький:

«Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт... Рабочий класс должен знать, что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею не менее кровавая и мрачная реакция» (газета «Новая жизнь», 20 ноября 1917 года).

О. М.— ***В своей брошюре вы разбираете некоторые ленинские публикации из тома 36 ПСС. Это период с марта по июль 1918 года, «с пятого по десятый месяц нахождения у власти, с пятого по десятый месяц управления» Россией, столь неожиданно для них самих оказавшейся в руках большевиков. Мало у каких цитат вы указываете страницы, так что читатель не всегда сможет их разыскать и вынести собственное суждение о них (прочтя их в общем контексте статьи).***

В. С.— Я писал не ученое исследование, но книгу, если хотите, публицистический роман. Я ведь не научный сотрудник ИМЛ, а лишь литератор. К тому же я не думал тогда, что хоть кто-нибудь когда-нибудь рукопись прочитает.

Но должен сказать, что в «Читая Ленина» никакой «отсебятины» нет. Все цитаты подлинны. Вот только в горячке работы, «в пылу вдохновения» я, может быть, и правда не всегда указывал страницы. Я убежден, что обнаружить в моей работе можно лишь мелкие погрешности. Существенных неточностей, а тем более предвзятой трактовки, тенденциозного комментирования текстов там нет. Ленинские тексты сами говорят за себя.

О. М.— ***Взять вот такую приводимую вами ленинскую цитату:***

«От трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответственных принципов (то есть трудовая повинность и принуждение.— В. С.) ***к большинству трудящихся, рабочих и крестьян».***

Вы комментируете эту цитату: «Так что же осуществилось в стране: власть рабочих и крестьян или всеобщая трудовая повинность для рабочих и крестьян?»

Вы пишете, что эта и несколько последующих цитат взяты из статьи Ленина «Очередные задачи Советской власти». На самом деле они — из первоначального варианта статьи, опубликованного лишь в 1962 году, в пятом издании ПСС. В окончательном варианте статьи этих цитат нет. Так что вы допускаете, как говорится, некорректное цитирование... Одно дело статья, вышедшая «к сроку», когда и была написана — в 1918 году, и другое — опубликованная в Полном собрании сочинений много десятилетий спустя после событий, которым она была посвящена.

В. С.— Может быть, если подходить строго научно, я и допустил здесь какую-то неточность. Но я ведь говорил, что я не научный работник, а литератор. Я видел своей задачей проследить образ мыслей Ленина. И образ мыслей его был именно таков: начав с «богатых», распространить трудовую повинность, принуждение и прочие прелести на весь народ. Таковы были и действия. А почему напечатали тот вариант статьи, а не этот,— это уж пусть историки разбираются. Постеснялись, наверное, в открытую печатать призывы к насилию над всем народом (от имени которого и творили всякое непотребное дело). Оставили эти призывы в мыслях да в секретных директивах.

О. М.— ***Спорящие с вами историки вам напоминают, что хлебная монополия, продразверстка, продотряды, трудовая повинность и прочее были изобретены не большевиками — они применялись еще при царе и Временном правительстве. Историки забывают лишь малое: применение это было временное, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, войной. В запасе и у царского, и у Временного правительства была нормальная рыночная экономика. Как только чрезвычайные обстоятельства кончились бы, эта экономика заработала бы в полную силу, и в таких трудовых повинностях и продотрядах нужды бы уже не было. Ничего подобного у большевиков не имелось: они сделали сознательную ставку на разрушение рыночной экономики. И все эти чрезвычайные меры, как мы знаем, в тех или иных вариантах просуществовали вплоть до наших дней — в виде так называемой командно-административной системы. Попытка Ленина вернуться к рыночной экономике под знаменем нэпа осталась не более как историческим эпизодом.***

В.С.— Мало ли всего было изобретено раньше! Насчет хлебной монополии я что-то не слышал применительно к прошлым временам. И о продотрядах не слышал. Разве что во время войн оккупанты, придя на чужую землю, отнимали либо сжигали весь хлеб у побежденного населения. Пожалуй, хлебная монополия и продотряды — это изобретение Владимира Ильича, а так... Трудовая повинность в самом деле и раньше была. Было ведь и крепостное право. Скажем, крестьянин 2—3 дня в неделю (или один день? Забыл со школьных времен) должен был работать на барина и только остальные дни — на себя. Или отдавать барину десятую часть своего урожая (сравним, кстати, с колхозниками, работающими без выходных не на себя и отдающими государству не десятую часть, а все до последнего зерна). Петр I однажды во время войны со шведами позаимствовал у монастырей колокола. Сбросили. Перелили на пушки. Но повесили ведь опять. Мало ли что было изобретено «до». Геноцид тоже не ленинское изобретение. Но каковы масштабы его применения! Между прочим, и винтовки, и маузеры (кольты, наганы), и пулеметы изобрели тоже не большевики. Более того, это все досталось им с царских оружейных складов.

О. М.— ***В своей брошюре вы пишете о ленинских работах (и соответственно о действиях) периода военного коммунизма. Что это был за коммунизм, мы хорошо знаем: в городах — искусственно вызванный голод, в деревне — зверства продотрядов, отнимающих у крестьянина «излишки» хлеба; вообще изъятие всего «лишнего» и обратная выдача крох по карточкам; всеобщая трудовая повинность. Все это — в соответствии с гениальным замыслом Ильича. Но потом ведь был отход от этого коммунизма, движение к нэпу, «перемена всей точки зрения нашей на социализм». Додумался-таки Ильич, что кнутом не загнать Россию в рай. Это открытие неизменно вызывает у историков слезу умиления: этакая гениальность! А вас слеза не прошибает?***

В. С.— Сейчас никто не сможет уже доказать, был ли нэп лишь вынужденным тактическим ходом Ленина, с тем чтобы после короткой необходимой передышки снова обрушить на коренное население трудовую повинность и контроль за распределением продуктов, либо это было искреннее стремление вернуться к нормальному, человеческому образу жизни. Но если было искреннее стремление, то как его сообразовать с ленинскими же словами о нэпе, написанными в марте 1922 года в письме к Л. Б. Каменеву:

«Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому» (Том 44. Стр. 428).

Скажу прямо, что в искренность Ленина я не верю. Быть может, он бывал искренним со своими сообщниками (соратниками), когда они собирались на заседание и принимали разные секретные, «архисекретные» решения, но по отношению к населению страны он не был искренним никогда.

Судя по поведению «вождей» позже Ленина — а все они провозглашали себя верными ленинцами,— ведущих (на то и вожди!) народы (баранов, что ли?) по верному ленинскому пути, нэп с самого начала был задуман как чрезвычайная и временная мера.

Но если даже это и не так, если это было, повторю, искреннее стремление вернуться к нормальному образу жизни, то зачем же понадобилось предварительно истреблять десятки миллионов людей, разорить и разрушить страну, ограбить ее?

В самом деле, что такое нэп? Это частная собственность, личная инициатива, личная заинтересованность в труде и личное пользование результатами труда. То есть то самое, что было в России до 1917 года. Но при одной маленькой разнице: ВЛАСТЬ. Власть была уже не «их», а «наша».

Так неужели только ради власти были пролиты реки крови (а страдания людей невозможно исчислить), а когда власть оказалась уже в руках, то они поняли, что лучше властвовать не в голодной, а в нормальной стране. Это, конечно, ловкий ход, но никакой гениальности, сверхгениальности я тут не вижу и слез умиления вместе с «некоторыми» историками не лью.

О. М.— ***Верите ли, что, проживи Ленин немного дольше, он сумел бы спасти тонущий корабль, им же направленный в ложное русло? Я имею в виду его отчаянные попытки предсмертного периода, отразившиеся в так называемом «Политическом завещании»?***

В. С.— Сейчас принято говорить об ошибках Ленина, которые он к концу жизни якобы осознал и пытался исправить, но не успел. Но «Политическое завещание», по существу, ничего не меняло. «Курс корабля», во всяком случае. Замена Сталина на посту генсека человеком, который во всех остальных отношениях был бы как Сталин, кроме сталинской грубости? Так примерно это звучит? Расширение состава ЦК за счет рабочих от станка? Это смешные меры.

Об ошибках говорить не приходится. Ошибочна была главная идея: путем насилия, концлагерей, расстрелов, обманов, уморения голодом построить на земле счастливую жизнь, светлое будущее. Светлое будущее на крови миллионов, на муках, на смерти детей, на слезах. Ленин был готов уничтожить 90% населения, чтобы оставшиеся 10% жили при коммунизме. И это в стране Достоевского, Толстого, Чехова, Короленко, других гуманистов. Вспомним определение Лениным диктатуры:

«...Понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (Том 41. Стр. 383).

Думали ли мы, отменяя в России всякую законность в 1917 году, что мы ее отменяем и для себя? — писала Н. Я. Мандельштам.

То есть было уничтожено правовое государство, попраны всякие права человека. Хотите, считайте это ошибкой, хотите, считайте гениальностью. Не могу удержаться и не вспомнить книгу Доры Штурман, которая так и называется: «В. И. Ленин». Абзацы, заканчивающие эту книгу, ставят, мне кажется, точку над «і» в разговоре о политической, исторической да и просто о человеческой судьбе Ленина. Итак, Дора Штурман «В. И. Ленин» (ИМКА-пресс, Париж, 1989, стр. 159):

«Победил Ленин в непрестанной борьбе всей своей жизни или потерпел поражение?

Ответ на этот вопрос мог бы дать только сам Ленин. Все зависит от того, каков был истинный, глубокий, интимный стимул его действий, самых жестоких или нелепых.

О Ленине, сколько ни вчитывайся в его сочинения, не скажешь с уверенностью, что ему было решительно наплевать на все, кроме личной власти и сохранения партократии. Если бы последнее было верно, то это значило бы, что, несмотря на финал его жизни, который, по личному его ощущению, был, конечно, трагичен, Ленин одержал одну из грандиознейших политических побед в истории. Но если для него — в самом последнем и личном счете — не утратили смысла исходные побуждения его молодости, если он и в самом деле надеялся как-то, когда-то в расплывчатом и неопределенном «далеко» осчастливить человечество, то он потерпел величайшее и непоправимое поражение».

Рэм ПЕТРОВ

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

«Петербургский завод г. Штриттера существует с 1883 г. и с тех пор постоянно находился в руках одной и той же фирмы: это самый древний завод водочных изделий во всей России».

В Главном зале выставки размещалась эта витрина с «ликерами, наливками и спиртами, расположенными с большим вкусом».

20 мая 1882 года близ Триумфальной арки с утра столпилось множество зевак. Публика ждала приезда на открытие Всероссийской промышленной и художественной выставки великого князя Владимира Александровича. Великий князь приехал около часа пополудни, сопровождаемый московским генерал-губернатором князем В. А. Долгоруковым и министром финансов Н. Х. Бунге. В честь открытия Московский митрополит Макарий отслужил молебствие в центральном зале художественного отдела выставки, перед иконой Иверской Божьей Матери, находившейся в центре временного иконостаса:

«Да будет благословен Бог, дарующий нам и силы, и средства, и свою благодатную помощь для нашего преуспеяния и полное сочувствие соотечественников всем вам, которые ревностно подвизаетесь на этом поприще и представили ныне на радость нам плоды трудов своих...»

Мануфактурные выставки проводились в России и ранее. Предыдущая, четырнадцатая, состоялась в Санкт-Петербурге в 1870 году. Московская же откладывалась из года в год, служа тем самым благодатной пищей для острословов. Первоначально назначенная на 1876 год, она затем была отложена, так как подготовка и проведение ее совпали бы с Филадельфийской международной выставкой. Затем решили приурочить ее к 25-летию царствования Александра II, которое отмечалось в 1880 году, с тем чтобы показать результаты проведенных царем реформ. Юбилей обязывал к пышности; подготовка растянулась. Намечен был очередной срок — май 1881 года, но убийство Александра II и общероссийский траур заставили устроителей вновь отложить приготовления.

Открылась она, наконец, в 1882 году, разместившись на Ходынском поле, которое еще не приобрело своей мрачной славы, а, наоборот, считалось приятным местом для загородных прогулок. Казне выставка обошлась в 2 миллиона рублей — сумма громадная, но и результат впечатлял. Территория выставки занимала более 60 000 квадратных сажен, в павильонах ее смогли разместить свои товары более 4000 заводов, фабрик и торговых домов. Была представлена практически вся торгово-промышленная и художественная Россия — из поступивших 6000 заявок на участие две трети было удовлетворено, не принимались к экспонированию, согласно правилам, лишь: *«а) произведения изломанные, изорванные и испорченные; б) вещества, распространяющие зловоние и миазмы, а также вредные для других находящихся на выставке изделий и в) самовозгорающиеся вещества, гремучие составы, пороховые составы, фосфорные спички и т. п. опасные предметы»*, кои, впрочем, могли быть представлены в виде «безвредных подражаний». Любой экспонат мог быть куплен «на месте», с одним лишь условием — не вывозить с выставки до ее закрытия. Художественный отдел выставки составили произведения лучших художников пореформенной России — Брюллова, Васнецова, Ге, Маковских

и множества других, столь же известных.

По итогам выставки было выдано более 2000 наград разного калибра — от высших, то есть права на продукции ставить Государственный герб, до дипломов и почетных отзывов. Несмотря на то, что награжден был каждый второй, оказалось — как и всегда на Святой Руси — много обиженных, считавших, что их несправедливо обошли, а газеты иронизировали по сему поводу, добавляя, что экспертные комиссии были назначены наспех и не были полностью независимы. Косвенные упреки относились и к генерал-губернатору Москвы, не позаботившемуся об обеспечении дополнительного общественного транспорта для подъезда к выставке. А в целом... По свидетельствам современников, 1882 год как бы открыл промышленную Россию для Европы. «Выставка 1882 г. составляет истинное торжество для промышленной России; она служит выражением прогресса во всех отраслях человеческого труда за последние 20 лет. Никто из посетивших ее не пожалел о затраченном времени...» — писал тогда французский журнал «Revue de Deux Monds».

Годы, последовавшие за драматической гибелью Александра II, принято именовать эпохой реакции, хотя, вероятно, это было скорее время разочарования в революционаризме — убийство царя, решившегося на фундаментальные либеральные реформы, мало кого привело в восторг; надежды на процветание общества стали связывать более с начавшимся промышленным подъемом, нежели с суровой политической борьбой. В эпоху Александра III стали популярны анекдоты такого типа: «Павел Иванович, вы марксист или народник? — Я, Елена Сергеевна, мозольный оператор...»

Практическая деятельность на ниве искусства и промышленности ценилась выше идеологического теоретизирования... Немедленно после завершения выставки в Санкт-Петербурге было издано ее «Иллюстрированное описание», прелестные рисунки из которого вместе с краткими цитатами мы и предлагаем читателю как экскурсию в кажущийся сегодня идиллическим девятнадцатый век.

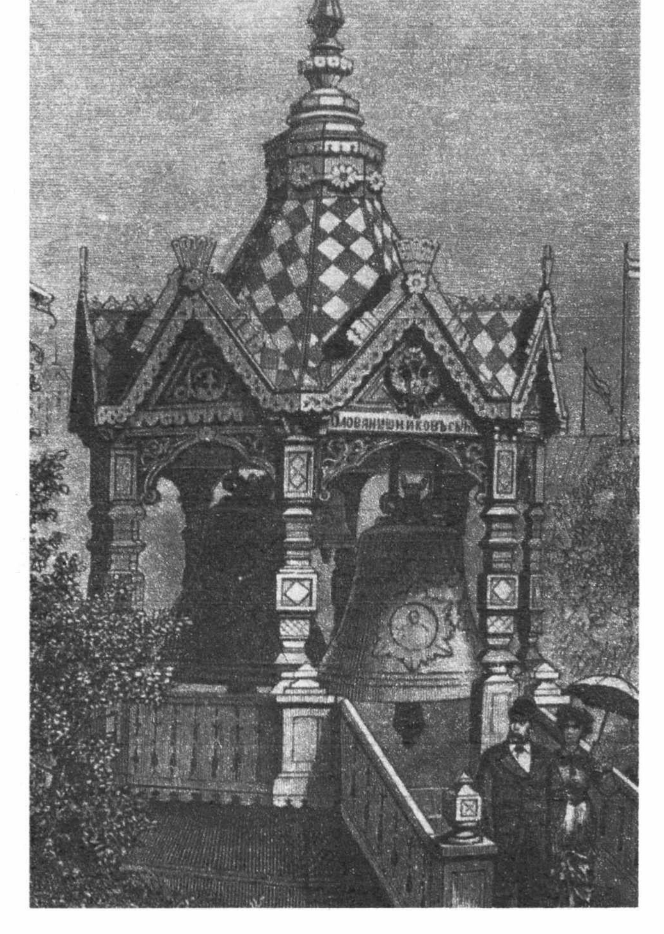
Изображение этой небольшой скульптуры «Слава России» из художественного отдела выставки украшало первую страницу «Иллюстрированного описания»; автор ее — художник с удивительной для России фамилией Кафка. В какой-то степени скульптуру можно было считать символом всей выставки...

ТОРГОВЫЙ ДОМ А. М. МИХАЙЛОВА В МОСКВЕ.

«Из отдельных шкурок бросались в глаза темные собольи шкурки с голубым отливом, стоящие от 55 до 300 рублей за штуку, и бобровые шкурки, замечательные правильностью седины и прочностью волоса, стоимостью от 350 до 800 рублей за штуку; хороши также шкурки черной лисицы в 550 рублей и голубого песца в 80 рублей за штуку... Из готовых вещей заслуживают внимания черная лисья ротонда, крытая бархатом, продававшаяся за 2300 рублей; ротонда соболья — в 1500 рублей; соболье манто, крытое плюшем, стоящее 2200 рублей, мужская соболья шуба в 1800 рублей, куنья — в 525 и енотовая — в 700 рублей... Годовой оборот торгового дома А. М. Михайлова простирается до 500 000 рублей, а рабочих содержит до 200 человек...»

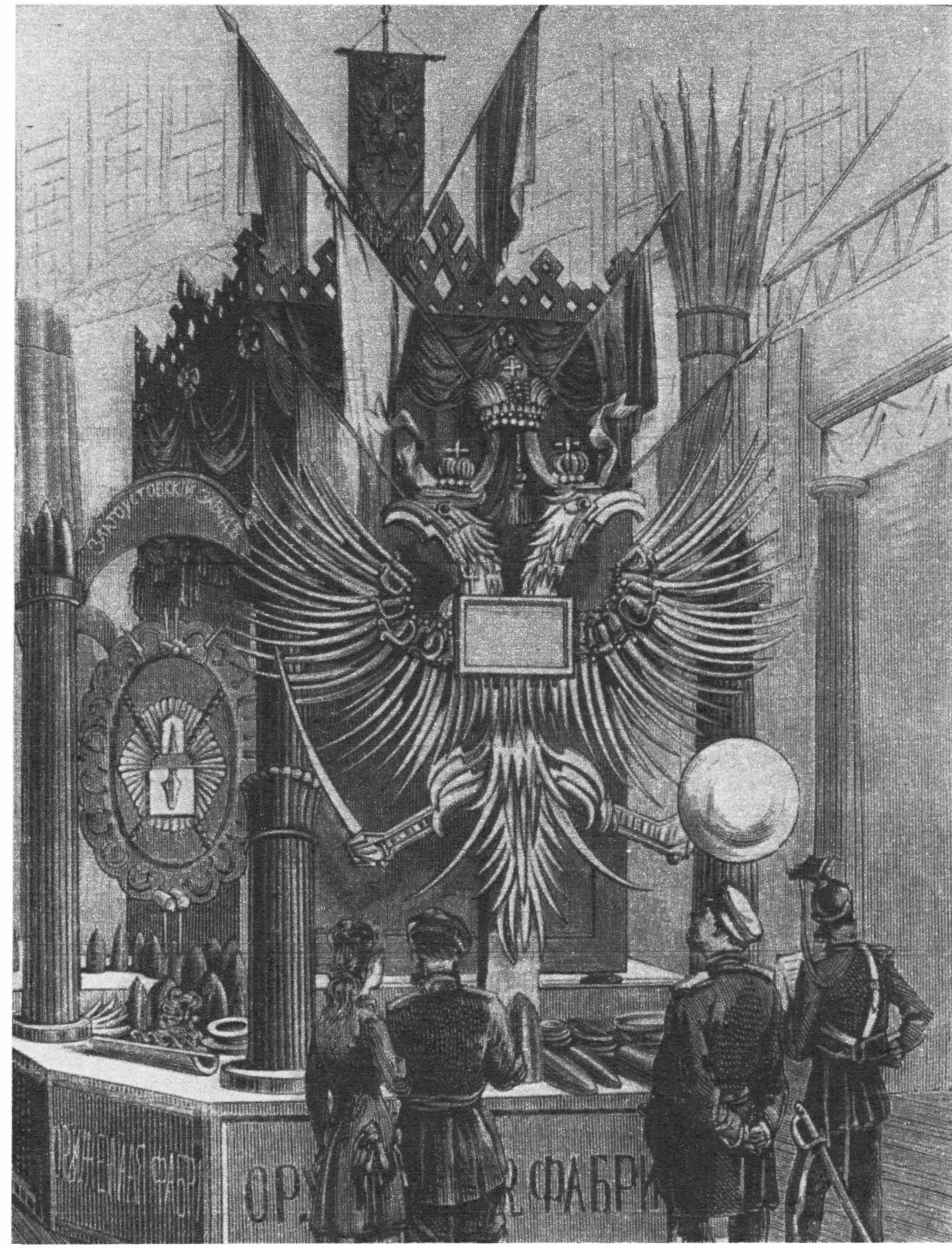

О качестве русских серебряных изделий написано уже столь много, что мы ограничимся лишь названием этого любопытного экспоната, представленного московским фабрикантом М. И. Постниковым: «Блюдо для поднесения Его Величеству в день священного коронования от земства Нижегородской губернии».

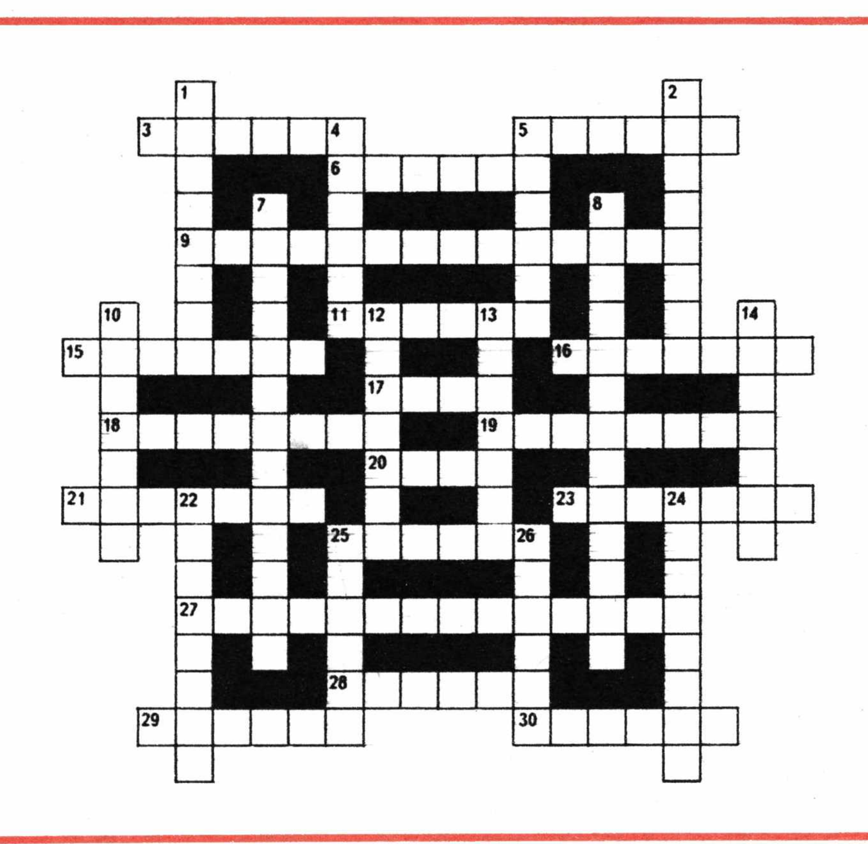
ЯРОСЛАВСКИЙ КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗАВОД П. И. ОЛОВЯНИШНИКОВА

Завод этот отливал колокола для известных храмов: для Петербургского собора св. Троицы в Измайловском полку, церкви Владимирской Божьей Матери в Кронштадте. Высочайшие особы по приезде в Ярославль непременно посещали этот завод.

ЗЛАТОУСТОВСКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД

Этот знаменитый завод, основанный в 1754 году, представил замечательную в своем роде витрину: «При выходе из центрального сада... бросается в глаза громадный гербовый орел, сделанный из ножей, вилок, клинков, кокард и других металлических военных уборов, и за этим орлом — ваза, тоже громадных размеров, скомпонованная из всевозможных клинков военного оружия».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Венгерский народный танец. 5. Итальянский живописец XVI века. 6. Город в Индии. 9. Целая часть десятичного логарифма. 11. Приток Вычегды. 15. Английский писатель XVIII века. 16. Живописец, народный художник СССР, автор серии картин «Волга — русская река». 17. Грамматическая категория глагола. 18. Сорт винограда. 19. Постановщик спектакля, фильма. 20. Приток Оки. 21. Горная порода, ценный строительный, облицовочный материал. 23. Заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза. 25. Озеро в Карелии. 27. Юридическая наука о методах расследования преступлений. 28. Сказка Х. К. Андерсена. 29. Южное плодовое дерево. 30. Химический элемент, металл.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Центр автономного округа в РСФСР. 2. Рассказ А. П. Чехова. 4. Русский советский писатель. 5. Древко смычка. 7. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 8. Наука об организмах, обитающих в водной среде. 10. Озеро в США. 12. Опера П. И. Чайковского. 13. Картина с объемными предметами на переднем плане. 14. Горючее для тракторов, растворитель. 22. Тяжелоатлет, чемпион СССР, Европы, мира, Олимпийских игр. 24. Полуостров между Северным и Балтийским морями. 25. Одна из древнейших форм книги. 26. Косметическое средство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 50

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Парашют. 4. Универмаг. 7. Несчастливцев. 12. Янонис. 13. Озеро. 15. Снежка. 17. Курс. 18. Суверенитет. 19. Тушь. 20. Ренуар. 21. Кушка. 24. Куприн. 27. Лексикография. 29. Рефрактор. 30. Амгуэма.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Патент. 2. Пуночка. 3. Трамвай. 5. Беллинсгаузен. 6. Реконструкция. 8. «Союз». 9. Литр. 10. Глоксиния. 11. Бижутерия. 12. Ягуар. 13. Очерк. 14. Онича. 16. Аршин. 22. Урок. 23. Круг. 25. Густера. 26. Анафора. 28. «Оракул».

40 коп. Индекс 70663